

К 200-летию
Института востоковедения РАН

**Труды Института
востоковедения РАН**

Выпуск 20

Труды Института востоковедения РАН

Серийное издание ISSN 2587-9502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Андросов Валерий Павлович – *председатель*
Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН – *сопредседатель*
Демченко Александр Владимирович – *ученый секретарь*
Аликберов Аликбер Калабекович
Белокреницкий Вячеслав Яковлевич
Железняков Александр Сергеевич
Романова Наталья Геннадиевна
Саутов Владимир Нилович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Акимов Александр Владимирович	Кобзев Артем Игоревич
Алаев Леонид Борисович	Кузнецов Василий Александрович
Александров Юрий Георгиевич	Любимов Юрий Васильевич
Алпатов Владимир Михайлович	Мамедова Нина Михайловна
Белова Анна Григорьевна	Микульский Дмитрий Валентинович
Бурлак Светлана Анатольевна	Мосяков Дмитрий Валентинович
Ванина Евгения Юрьевна	Настич Владимир Нилович
Васильев Дмитрий Дмитриевич	Орлова Кеемя Владимировна
Воронцов Александр Валентинович	Панарин Сергей Алексеевич
Десницкий Андрей Сергеевич	Плотников Николай Дмитриевич
Другов Алексей Юрьевич	Пригарина Наталья Ильинична
Захаров Антон Олегович	Сарабьев Алексей Викторович
Звягельская Ирина Доновна	Смагина Евгения Борисовна
Каменев Сергей Наумович	Суворова Анна Ароновна
Карасова Татьяна Анисимовна	Шаляпина Зоя Михайловна
Катасонова Елена Леонидовна	Шаумян Татьяна Львовна

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Труды
Института востоковедения РАН

Выпуск 20

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
НА МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ:
ОПЫТ ТУРЦИИ И ДРУГИХ СТРАН**

Москва
2019

Ответственные редакторы выпуска:

И. Г. Саетов, Н. Ю. Ульченко

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 20. Политическая трансформация на мусульманском востоке: опыт Турции и других стран / Отв. ред. выпуска И. Г. Саетов, Н. Ю. Ульченко. – М.: ИВ РАН, 2019. – 240 с.

ISSN 2587-9502

ISBN 978-5-89282-868-0

В выпуске представлен широкий круг вопросов по выявлению и сравнительному анализу общих или синхронизирующих тенденций в общественном развитии стран Ближнего и Среднего Востока, прежде всего Турции, связанных как с усилением авторитарных тенденций, так и с возрастающей ролью исламского фактора в их политической жизни. Авторы исследовали роль усиливающегося исламского тренда во внутренней и внешней политике Турецкой Республики. Рассмотрены возможные изменения в экономической политике Турции, обусловленные предстоящим переходом страны к президентской форме правления. Книга представляет интерес для специалистов-востоковедов, специалистов-международников, студентов вузов соответствующего профиля, а также для всех тех, кто интересуется трансформацией современных политических систем на Ближнем и Среднем Востоке в условиях быстро меняющейся внутри – и внешнеполитической ситуации в странах региона.

The volume issue presents papers investigating and making comparative analyses of general or synchronized trends in the social development of the Middle East countries, especially Turkey, associated both with the strengthening of authoritarian tendencies and the increasing role of the Islamic factor in their political life. The authors researched the role of the growing Islamic trend in the domestic and foreign policy of the Republic of Turkey. Possible changes in the economic policy of Turkey, due to the upcoming transition of the country to the presidential form of government, are considered as well. The book is of interest to orientalists, specialists in international relations, students of higher educational institutions of the corresponding profile, as well as for all those interested in the transformation of modern political systems in the Middle East in a rapidly changing internal and foreign policy situation in the countries of the region.

© ФГБУН ИВ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	8
<i>Н. Ю. Ульченко.</i> К вопросу об изменении экономической политики Турции в условиях усиления президентской власти...	10
<i>А. В. Болдырев.</i> Стратегия-2023: инфраструктурные мегапроекты Партии справедливости и развития в канун 100-летия Турецкой республики.....	19
<i>К. Хас.</i> Ислам, исламизм и исламист: изменение политического лексикона в турции в преддверии перехода к президентской системе правления.....	42
<i>В. В. Цибенко.</i> Участие этнических меньшинств в политической трансформации Турции: пример черкесской диаспоры.....	56
<i>И. Г. Саетов.</i> Политический контекст и основные темы турецко-османской газеты «Медениет» в Болгарии в 1933 г.	67
<i>К. В. Вертяев.</i> Политическое переформатирование у границ Турции: последствия операции «Оливковая ветвь» и оккупации сирийского Африна.....	80
<i>С. Л. Волкова.</i> Внешнеторговое сотрудничество Турции и Пакистана на современном этапе.....	102
<i>Э. Аббасов.</i> Место и значение россии во внешнеполитическом курсе Партии справедливости и развития (2002–2017).....	119
<i>И. А. Свистунова.</i> Турецко-американские отношения после прихода к власти в США нового президента.....	147
<i>А. Г. Гаджиев.</i> Конституционный референдум в Турции и отношения между Турцией и ЕС.....	164
<i>И. И. Иванова.</i> Динамика развития отношений: Турция и Южный Кавказ в XXI в.	178
<i>М. Ю. Бородина, И. В. Рыжов.</i> Особенности взаимоотношений Турции с государствами исламского мира.....	203
<i>В. А. Корочкина.</i> Исламский фактор в отношениях между Турцией, Палестиной и Израилем.....	222

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом вниманию читателя сборнике собраны статьи, подготовленные по результатам докладов, которые были заслушаны на научной конференции Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН «Политическая трансформация на мусульманском Востоке: опыт Турции и других стран» (ноябрь 2017 г.). Пример Турции важен как страны, которая переживает момент довольно радикальной трансформации, связанной с изменением политической системы – с переходом от парламентской к президентской республике, что окажет определенное влияние на все сферы жизни турецкого общества и позиции страны в системе международных отношений.

Традиционно большое внимание в статьях уделено вопросам внешней политики Турции (статьи И. И. Ивановой, В. А. Корочкиной, И. А. Свистуновой, А. Г. Гаджиева, К. В. Вертяева, М. Ю. Бородиной и И. В. Рыжова, Э. М. Аббасова. Авторы рассматривают круг проблем, начиная от анализа исторических и идеологических основ внешней политики и возможных путей ее трансформации под влиянием конституционных реформ, в частности, усиления президентской власти, до важнейших современных направлений, как то отношения с США, государствами ЕС и странами региона, в том числе, государствами Закавказья и исламскими странами. Значительное место принадлежит анализу сирийской проблемы, которая, в том числе, существенно влияет, и на отношения с Соединенными Штатами. Вместе с тем, рассмотрена позиция Турции по курдскому вопросу, которая во многом объясняет точку зрения ее элит на перспективы сирийского урегулирования, а значит, и отношения с Россией. Впрочем, турецко-российские отношения рассмотрены и в более широком контексте международной политики.

Часть статей сборника концентрируется на анализе современных внутренних проблем Турецкой Республики (К. Хас, В. В. Цибенко, А. В. Болдырев). И. Г. Саетов в своей статье обратились к одному из эпизодов истории внутриполитического развития страны.

Проблемам экономического развития страны, точнее, возможным направлениям изменений в экономической политике Турции, обусловленных переходом страны к президентской форме правления, посвящена статья Н. Ю. Ульченко. Некоторые аспекты внешнеэкономической политики Турецкой Республики рассмотрены в статье С. Л. Волковой.

Статьи сборника интересны тем, что в ряде случаев авторы предпринимают попытку спрогнозировать изменения в социально-политическом и социально-экономическом развитии Турции, грядущие в связи со сменой политического устройства, часть из которых уже проверяется временем и историей развития страны.

Ответственные редакторы выражают признательность своим коллегам, оказавшим помощь при подготовке сборника к печати – с. н. с. Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН к. и. н. А. В. Болдыреву и научному сотруднику Центра к. и. н. А. Г. Гаджиеву.

Ульченко Н. Ю.*

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ

В докладе рассматриваются возможные изменения в экономической политике Турции, обусловленные предстоящим переходом страны к президентской форме правления. В качестве исходных посылок прогноза используется система экономических взглядов Р. Т. Эрдогана, решения, уже принятые в сфере макроэкономического регулирования в период его пребывания как на посту премьер-министра, так и президента Турецкой Республики. Из их анализа следует весьма высокая вероятность отступление Турции от проводившейся ранее более или менее последовательно политики фискального и кредитно-денежного сдерживания, первые признаки которого обнаруживаются по итогам 2016–2017 гг. В то же время, учитывая прагматизм Р. Т. Эрдогана, его умение быстро перестраиваться в поисках оперативного ответа на текущие вызовы, не следует исключать попытки возврата Турции от политики частичных бюджетных смягчений к более жесткому фискальному курсу в целях удержать достигнутую в более ранние годы правления ПСР финансовую стабильность.

Ключевые слова: Турция, референдум 2017 г., президентская республика, «модель национальной экономики», финансовая стабилизация, фискальное смягчение, политика инфляционного роста.

The report examines the changes in Turkey's economic policy may occur due to the country's upcoming transition to being presidential republic. As the initial assumptions for his forecast the author uses the system of economic views of R.T. Erdogan, the decisions already taken in the field of macroeconomic regulation during his tenure as Prime Minister and President of the Republic

* Ульченко Наталья Юрьевна – доктор экономических наук, зав. кафедрой ИСАА МГУ, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ulchenko-n@rambler.ru

of Turkey. The analysis shows a very high probability of Turkey's retreat from the policy of fiscal and monetary restraint, the first signs of which were already fixed at the end of 2016-2017. Still taking in consideration the pragmatism of Erdogan, is ability to react quickly in search of an operational response to current challenges, one should not exclude his attempts to return Turkey from the policy of partial budgetary easing to a tougher fiscal course in order to keep the financial stability achieved in earlier years of the AKP's rule.

Key words: Turkey, 2017 referendum, presidential Republic, "model of national economy", financial stabilization, fiscal easing, policy of inflation growth.

В апреле 2017 г. в Турции состоялся референдум, итоги которого позволили утвердить поправки к Конституции страны, обеспечивающие переход к президентской форме правления. Логично предположить, что итогом референдума станет начало реализации тех установок в сфере внутренней и внешней политики, которым препятствуют политические оппоненты нынешнего президента страны Р. Т. Эрдогана, располагающие, а точнее, уже в большей мере располагавшие институциональным инструментарием ограничения власти как президента, так и правящей партии. Новая система политического устройства позволит Р. Т. Эрдогану, обрести независимость не только от оппонентов вне правящей Партии справедливости и развития, но и от партийной оппозиции при условии существования таковой.

Тогда, и в сфере экономической политики следует ожидать реализации той системы взглядов и убеждений, которой придерживается президент, и ослабления позиций его противников. А то обстоятельство, что у президента имеется своя особая система взглядов на экономическую политику и деятельность регуляторов проявилось хотя бы в ситуации с Центральным банком страны, от которого Эрдоган неустанно требовал снижения ключевой процентной ставки, как он полагает, в целях снижения инфляции и удешевления кредита.

Но все же анализа отдельных мер экономической политики недостаточно для понимания системы взглядов Эрдогана на экономическое развитие. Учитывая не только практические шаги в

сфере управления экономикой страны, но также политические, религиозные взгляды нынешнего президента, следует предположить, что ему близки установки национальной разновидности школы исламской экономики. Заметим, что они являются своего рода общей исходной первоосновой экономических воззрений происламских партий Турции. Положения этой школы изложены, например, в работе турецкого экономиста Х. Баша «Модель национальной экономики»¹. Отмечая, что ни капитализм, ни социализм не могут принести счастье человечеству, автор предлагает альтернативу – модель национальной экономики, в рамках которой, он в первую очередь, настаивает на отказе от ложной посылки об ограниченности экономических ресурсов и пытается создать науку об удовлетворении ограниченных потребностей человека неограниченными ресурсами. Неограниченность ресурсов - это, в том числе, и неограниченность такого фактора экономического роста, как национальная валюта (то есть капитал – *Н.У.*), а коль скоро ресурс неограничен, то и стоимость его – нулевая. Следовательно, доступ к этой валюте должен осуществляться безгранично и безвозмездно: «Страны, стремящиеся добиться экономического подъема, безусловно, нуждаются в капитале. До сего дня эти страны удовлетворяли эту потребность не за счет эмиссии национальной валюты, а за счет привлечения имеющей процентную стоимость иностранной валюты. Мы слышим от [Международных кредитных организаций], что производство, финансируемое национальной валютой, создает инфляцию, но то же самое производство, финансируемое дорогой иностранной валютой, приведет к экономическому росту страны. К сожалению, мы сегодня сталкиваемся с подобной бессмысленной логикой... По этой причине в нашей экономической модели мы предоставляем свободу национальной валюте, не имеющей стоимости (процента) и избавляемся от зависимости от глобальных экономических сил»². Автор своеобразно толкует посылку о достижении точки равновесия между спросом и предложением. По его мнению, поддержка спроса является необходимым условием устойчивого и постоянного экономического роста, а кредитно-денежная политика должна быть направлена на

повышение доходов населения до «начала точки сбережения»³. Затем приходит черед предложения (производства). Предлагается «использовать деньги (которых много и которые ничего не стоят – *Н.У.*) в качестве движущей силы, а также задействовать труд и таким образом стимулировать производство, балансируя эмиссией»⁴. Что касается опасности инфляции, то она будет нейтрализована в краткосрочном периоде более полной загрузкой имеющихся мощностей, а в среднесрочном – по мере инвестирования дополнительных денег в производство, а значит – роста предложения.

По существу речь идет о столь любимой турецкой элитой идее бесконечно долгого и неизменно эффективного использования стимулирующей кредитно-денежной политики, утопичность которой неоднократно подтвердил собственный опыт страны. Итак, национальной интерпретации модели исламской экономики, очевидно, присущ выраженный идеализм, тесно связанный с экономическим популизмом, который заключается в претензии на максимально равное удовлетворение нужд всех граждан страны как членов исламской уммы, проживающей в пределах территории национального государства.

Тогда возникает вопрос о действительном отношении Эрдогана к ограничительной фискальной и кредитно-денежной политике (политике сдерживания бюджетных расходов и ограничения роста денежного предложения). В первые годы правления ПСР такая политика проводилась, обеспечив Турцию финансовую стабилизацию. Последняя, в свою очередь, обеспечила рост доверия иностранных инвесторов, существенно снизив издержки политики бюджетной экономии: в условиях вялой международной экономической конъюнктуры турецкий частный сектор успешно привлекал низкопроцентные займы с внешних рынков, поддерживая темпы роста национальной экономики и компенсируя инвестиционную сдержанность правительства.

Тем не менее, размышляя об отношении действующей власти и, прежде всего, самого Эрдогана к политике бюджетных и монетарных ограничений, следует отметить, что общим итогом правления ПСР стало обеспечение институциональной инфра-

структуры, по крайней мере, не препятствующей возврату к политике инфляционного роста, которой Турция придерживалась до прихода к власти ПСР. Под такого рода инфраструктурой имеются ввиду отказ правительства от принятия бюджетного правила, жестко регламентирующего допустимый размер дефицита, отказ в 2010 г. от продолжения кредитного сотрудничества с МВФ, которое рассматривалось как внешний якорь политики финансовой стабилизации, урезание полномочий независимых регулирующих агентств (по первоначальному замыслу должны были оградить экономику от принятия нерыночных политизированных решений), уже упомянутые выше нападки Эрдогана на независимый статус ЦБ, торможение переговорного процесса с ЕС.

Наконец, наряду с возможностями возврата к инфляционной политике, сформировались и факторы, предопределяющие ее необходимость. Речь идет, во-первых, о повышенных социальных обязательствах правительства, выполнение которых требует поддержания довольно высоких темпов роста, но темпы роста заметно снизились с почти 9% в 2011 до менее 3% по итогам 2016 г.⁵ Во-вторых, менее благоприятными стали условия внешнего кредитования, что требует использования внутренних быстро действующих механизмов роста.

Как же изменилась в этих условиях доктринальные основы национальной экономической политики?

По меньшей мере, в турецком обществе официально стартовала дискуссия о правомерности продолжения политики бюджетного сдерживания, и о себе заявил целый массив сторонников ослабления бюджетных ограничений.

Так, профессор Дюндар Мурат Демирес в своем эссе от 31 июля 2017 г. писал: «Бюджет страны вновь стал дефицитным. Но этот дефицит появился тогда, когда возникла явная необходимость, увеличив государственные расходы, повысить занятость. Самым реалистичным способом решить проблему замедляющейся и не создающей новые рабочие места экономики является увеличение государственных расходов. Если темповый тренд экономического развития не изменится, придется де-

лать выбор. В краткосрочном плане останется только мягкая денежная политика. В этой связи, как мы и настаиваем, придется изменить закон о Центральном банке, установив в качестве его основной задачи не обеспечение стабильности цен (борьбу с инфляцией), а поддержание стабильной экономической ситуации (борьбу с безработицей и стимулирование экономического роста)»⁶. В то же время Демироз отдает себе отчет в том, что предлагаемые им меры способны обеспечить лишь кратковременный эффект, и основная проблема носит структурный характер: переход от экономической модели рост потребления-рост займов к модели роста производства и слома внешней зависимости национальной экономики. Подчеркнем, что последовательность событий в предлагаемом им экономическом сценарии практически совпадает с той, что описывается «моделью национальной экономики» Д. Баша. Далее Демироз призывает разорвать с политикой К. Дервиша и А. Бабаджана. Видимо, по мнению автора, будучи последовательными сторонниками финансовой стабилизации, предпринятыми по их инициативе мерами экономической политики, они лишь обеспечивали привлекательность экономики Турции в глазах иностранных инвесторов. Уязвимой точкой рассуждений Демироза является то, что легко реализуемый краткосрочный сценарий (смягчение фискальной и монетарной политики) требует гораздо больших усилий по поддержке мерами стратегического развития (развития производства товаров с высокой долей добавленной стоимости), которые будет еще более трудно реализовать в условиях роста инфляции, неизбежно следующей за смягчением денежной политики. В итоге страна вновь может оказаться отброшенной к решению задач финансовой стабилизации и необходимости использования внешних источников финансирования.

В ряду прочих обращают на себя внимание и публикации в турецкой прессе, например, газете Миллиет, от 1 августа 2017 г., призывающие к слому некоторых экономических стереотипов, как то: «В Турции недостаточен уровень сбережений, поэтому следует затянуть ремни». «Нет, – утверждает автор публикации, – в Турции нет проблемы недостаточности сбережений, поскольку

используется модель открытой экономики и плавающего курса... В открытой экономике место проблемы недостаточности сбережений занимает проблема недостаточной развитости национальной финансовой системы, которая единственная может препятствовать привлечению недостающих средств из-за рубежа. В этой связи автор призывает отправить на свалку истории политику затягивания поясов, развенчанную Дж. Стиглицем в его работе 2012 г. «Цена неравенства». «Экономическая политика удержания процентных ставок на высоком уровне, сдерживание денежного спроса, наступление на потребление средних и малоимущих слоев и снижение роли госсектора всякий раз терпела фиаско. Она ни разу не обеспечила успеха» – заключает автор статьи⁷. Как видим, в данном случае автор также против проведения сдерживающей кредитно-денежной политики, но при более лояльном отношении к внешним источникам финансирования, которые, по его мнению, как раз и позволяют снять задачи экономии средств (ограничения потребления) с повестки дня.

Появление подобных публикаций, очевидно, отражало и определенные дискуссии в турецкой элите, результатом которой стало фактически произошедшее смягчение бюджетной политики в 2016- 2017 гг.

Так, по итогам 2016 г. по сравнению с 2015 г. заметно повысились темпы роста государственного потребления (более, чем на три процентных пункта), что сопровождалось некоторым, пока, правда, незначительным ростом бюджетного дефицита с 1% до 1,1% ВВП и минимальным по итогам пяти последних лет объемом профицита первичного бюджета – 0,8% ВВП⁸.

Что касается 2017 г., то уровень напряженности в сфере государственных финансов обещал оказаться еще более высоким: объем государственных займов за первые пять месяцев года составил свыше 46 млрд лир, в результате чего их объем относительно предстоящих выплат по госдолгу вырос 87% в 2016 г. до 114% по итогам первого полугодия 2017. г. Если по итогам первого полугодия 2016 г. бюджет Турции продемонстрировал профицит в объеме 1 млрд тур. лир по итогам первых шести месяцев 2017 г. дефицит уже составил 25 млрд тур. лир⁹, а по итогам

девяти месяцев – около 32 млрд тур. лир. В годовом исчислении это соответствует росту на 163%. Все это грозило наращиванием государственных займов до объемов, превышающих допустимые ныне действующим законодательством, и возникновением вопроса о его пересмотре. Последнее обстоятельство означало бы уже прямой возврат к фискальной практике Турции периода «разгула» инфляции.

Но дискуссия о будущих контурах фискальной и монетарной политики Турции еще не завершилась и эра торжества «беспроцентных национальных денег» еще не наступила. В конце концов, сила Эрдогана всегда заключалась не только страстности его убеждений, но и способности, несмотря на это, легко от них отказываться, если этого требовала реальная жизнь.

Надежду на определенное выравнивание фискальной и кредитно-денежной политики, то есть их возвращение к классическим монетарным принципам дает то, что сегодня Турция находится в преддверии определенных изменений, цель которых – оздоровление бюджета. Так, 2018 г. был объявлен премьер-министром страны Йылдырымом годом экономии. Государство категорически отказывалось от приобретения для себя новых автотранспортных средств. Рассматривался и вопрос о повышении налогов. В частности речь шла о повышении ставки налога на прибыль с 20 до 22%¹⁰. Конечно, реформы в налоговой сфере проводятся в присущей правительству ПСР манере балансирования между группами интересов и удержания прочного положения правящей партии. Так, намерение повысить налог на прибыль сопровождался обещанием снизить налога на пользование домашним телефоном с 15 до 7,5%, а мобильным – с 25% до 7,5% от абонентской платы, ужесточить контроль правительства за деятельностью муниципалитетов с тем, чтобы, не допустить повышение ими налога на недвижимость в 2018 г., более чем на 50% (в туристических районах Турции местные власти допускали повышение налога на 600% и более процентов). Повышение налога на мощные дорогостоящие автотранспортные средства должно было сопровождаться освобождением от налога средств малой мощности и пр¹¹.

Так что, возможно, смягчение бюджетной политики в 2016–2017 гг. не успеет превратиться в устойчивую тенденцию. После разогрева экономического роста по итогам 2017 г. до более, чем 7% власти попытались вернуться к политике фискального сдерживания: по данным министерства экономики Турции, дефицит бюджета по итогам января-февраля 2018 г. составил 201 млн тур. лир, что в годовом исчислении соответствует снижению на 104%, т. е. более, чем в два раза¹². Но это не означает, что в турецкой элите и обществе отсутствует запрос на возврат к использовавшейся в прошлом модели инфляционного роста, а значит, остается под сомнением незыблемость принципа финансовой стабилизации в экономической политике сегодняшней Турции.

Примечания

¹ Баш. Х. Модель национальной экономики. Новая экономическая система. Казань, ПИК «Идел-Пресс», 2011.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 83, 87.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Ekonomik Rapor 2016. Ankara, TOBB, 2017. S. 199.

⁶ Demiröz D.M. İkiz Açık. 31.07.2017 // URL: <https://gazetebirlik.com/yazarlar/ikiz-acik/>

⁷ Milliyet. 01.08.2017.

⁸ Ekonomik Rapor 2016. Ankara, TOBB, 2017. S. 113.

⁹ Demiröz D.M. Hazine Yönetimi, Bütçe Açığı ve Dışlama Etkisi. 28.07.2017 // URL: <http://www.gazetebirlik.com/yazarlar/hazine-yonetimi-butce-acigi-ve-dislama-etkisi/>

¹⁰ Milliyet. 18.10.2017.

¹¹ Milliyet. 18.10.2017; Sabah. 18.10.2017.

¹² URL: <https://www.ekonomi.gov.tr/portal/faces/eko/ekonomiInline2?>

Болдырев А. В.*

**СТРАТЕГИЯ-2023:
ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ МЕГАПРОЕКТЫ
ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ
В КАНУН 100-ЛЕТИЯ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

На сегодняшний день обоснование инфраструктурных мероприятий Анкары во многом связано со 100-летием Турецкой Республики. В связи с этим идеологическая составляющая довлеет над многими планами правительства. «Амбициозные» проекты должны укрепить положение правящей ПСР и лично Реджепа Эрдогана. Тем самым «Стратегия-2023», является составной частью политической трансформации Турецкой Республики. При этом среди новых мероприятий турецкого руководства все большие превалируют технически оправданные проекты, хотя старые проекты по-прежнему остаются в повестке дня. В то же время экологические угрозы, отсутствие прозрачности многих инфраструктурных планов и строительная «мегаломания» может в перспективе создать значительные риски для экономической политики Партии справедливости и развития.

Ключевые слова: 100-летие Турецкой Республики, Стратегия – 2023, инфраструктурные мегапроекты, проект Стамбульского канала, Третий аэропорт Стамбула.

For today Ankara's activities in the field of infrastructure are largely connected with the 100th anniversary of the Republic of Turkey. In this respect, the ideological component in many respects decimates the policy of the government. «Ambitious» projects should strengthen the positions of the ruling AKP and personally Recep Erdogan. Thus, the «Strategy–2023» is an integral part of the political transformation of the Republic of Turkey. Meanwhile, among the new projects of the Turkish leadership, it is becoming increasingly technically sound, although the old projects are still on the agenda.

* Болдырев Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boldirew.andrei2011@yandex.ru

At the same time, environmental threats, the lack of transparency of many infrastructure plans and the construction «megalomania» may in the long run to create significant risks for the economic policy of the Justice and Development Party.

Key words: *100th anniversary of the Republic of Turkey, Strategy–2023, infrastructure megaprojects, Istanbul Channel project, Istanbul Third Airport.*

Инфраструктурные мегапроекты являются важной частью турецкой экономики. В 30-е гг. XX века государственная поддержка экономического развития во многом выполняла социальную функцию, сплачивая нацию в период становления Турецкой Республики. Инвестиции в инфраструктуру продолжались и в дальнейшем. В 1950–70-е гг. за счет кредитов Всемирного банка были построены автомобильные дороги, плотины, электростанции, а также многие транспортные коммуникации¹. В 1980–90-е гг. премьер-министр, а в дальнейшем президент Турции Тургут Озал продолжил политику инфраструктурных инвестиций, рассматривая их как одно из направлений интеграции Турции в глобальную экономическую систему².

Партия справедливости и развития (ПСР), пришедшая к власти в 2002 г. решила использовать политику «развития и инвестиций» для того, чтобы привлечь на свою сторону электорат «разрушенного» правого центра³. Это способствовало росту экономики страны и дальнейшим успехам ПСР на выборах. В своих заявлениях лидер партии премьер-министр Турции (с 2013 г. – президент) Реджеп Тайип Эрдоган неоднократно отмечал, что стремится построить «новую Турцию» с трансформированной инфраструктурой к 100-летию основания Турецкой Республики (2023 г.) В 2013 г. министр транспорта, морских дел и коммуникаций Бинали Йылдырым анонсировал 10-летний план инфраструктурных мероприятий общей стоимостью в \$ 250 млрд.⁴

Среди мегапроектов турецкого руководства особое место занимает проект *Стамбульского канала*. Концепция канала, соединяющего Черное море с Мраморным морем, выдвигалась семь раз в истории Турции, начиная с эпохи Сулеймана Великолепного. В 90-е гг. XX века среди турецких экономистов велись дискуссии о возможности создания искусственного водного пути в

Черном море в связи с проблемой перенаселенности Стамбула. 17 января 1994 г. незадолго до местных выборов лидер Демократической левой партии Б. Эджевит предложил построить канал, соединяющий Черное море с Мраморным морем. В 1996 г. экономист Н. Нейзи (школьный друг Эджевита) выдвинул идею о строительстве «канала от Золотого Рога до Черного моря». В 1999 г. этот проект стал частью избирательной платформы Б. Эджевита, ставшего по итогам выборов премьер-министром Турции⁵.

Однако более реальные очертания идея строительства канала параллельно проливу Босфор возникла в период премьерства Р. Т. Эрдогана. Еще в 2001 г. в период пребывания на посту мэра Стамбула Эрдоган вновь поднял идею о строительстве искусственного пути в Мраморное море. В 2011 г. премьер-министр Эрдоган официально объявил о строительстве канала. Попытки реализации проекта прошли несколько стадий⁶. Несмотря на трудности и мощную общественную критику, связанную, прежде всего, с экологическими последствиями проекта, в декабре 2015 г. было осуществлено технико-экономическое обоснование (ТЭО) проекта Стамбульского канала. Были скорректированы технические детали проекта. Расходы на строительство Стамбульского канала были оценены в \$ 20 млрд⁷. На сегодняшний день с учетом того, что после строительства канала придется создавать и другую инфраструктуру, стоимость проекта может увеличиться до \$ 50 млрд⁸. Официально канал предполагается построить к 2023 г.

Проект также включает строительство шести (по другим данным пяти) мостов и двух городов с жильем на полмиллиона человек. Два из пяти мостов предназначены для железнодорожного сообщения. В 2017 г. министр транспорта, морских дел и коммуникаций Турции А. Арслан заявил, что первой очередью проекта станет постройка мостов, призванных разрядить транспортную нагрузку в Стамбуле. Также, отметил он, прорабатываются варианты развития железнодорожной сети в районе строительства Стамбульского канала⁹. Анонсированный в середине января 2018 г. окончательный план строительства канала включает в себя

строительство трех подводных туннелей для дорожных транспортных средств. При строительстве канала предполагается учитывать опыт создания подводного железнодорожного туннеля «Мармара», который был открыт в октябре 2013 г., поскольку этот проект вызывает меньше нареканий со стороны экологов.

Все проекты связаны между собой, а потому проект Стамбульского канала является не только целью, но и средством реализации ряда мегапроектов. 20 июля 2016 г. президент Турции заявил, что процедура тендера будет ускорена, и он пройдет до конца года (впоследствии эти планы были перенесены на 2017–2018 гг.) Накануне референдума 16 апреля 2017 г. о внесении конституционных изменений Эрдоган обосновывал расширение президентских полномочий в том числе, тем, чтобы иметь возможность реализовать задуманные инфраструктурные мероприятия (проект Стамбульского канала при этом не фигурировал)¹⁰. По мнению экспертов, Эрдоган стремится не только использовать мегапроекты для стимулирования экономического роста страны, но и стать благодаря этому самым значительным лидером Турции после Мустафы Кемаля Ататюрка. Стамбульский канал занимает среди мегапроектов особое место ввиду ярко выраженного идеологического характера. Рассмотрим его особенности.

Официальная цель Стамбульского канала состоит в том, чтобы сократить морские перевозки через Босфор и минимизировать риски и опасности, связанные, в частности, с нефтеналивными танкерами. Около 56 000 судов ежегодно проходят через Стамбульский пролив, в том числе 10 000 танкеров, перевозящих 145 млн тонн сырой нефти. Транспортное давление на Босфор и Дарданеллы растет, что приводит к рискам для безопасности морской навигации во время прохода через проливы. Перегруженность проливов является главным обоснованием строительства канала и имеет давнюю историю. В 1952 – 1992 гг. в районе Мраморного моря произошло 444 аварии¹¹. Во многом это было обусловлено сложностью фарватера Босфора.

После заявления главы Министерства транспорта и связи Турции об окончательном выборе маршрута Стамбульского кана-

ла было объявлено, что его ширина предположительно составит 400 м, ширина нового водного пути колеблется от 250 до 1000 м¹². Протяженность нового водного пути была определена в 45 км. До начала 2018 г. проектируемая ширина Стамбульского канала составляла 500 м на поверхности и 400 м у основания, глубина достигала 30 м, протяженность – 45–50 км (длина Суэцкого канала составляет 193 км, Панамском канала – 77 км). По оценке А. Арслана, «танкеры, угрожающие безопасности в проливе Босфор, будут в состоянии использовать новый маршрут»¹³. По мнению проектировщиков, даже более скромные размеры канала позволяют пропускать через него крупнотоннажные суда и подводные лодки.

По территории Турции проходят два крупных международных трубопровода: Киркук–Джейхан и Баку–Тбилиси–Джейхан. Их совместная способность транспортировки нефти почти в два раза меньше, чем у танкеров, проходящих через Черноморские проливы. По оценкам специалистов, канал «Стамбул» может удвоить количество нефтеналивных танкеров. Прогнозируемые параметры ширины и глубины этого канала позволяют проводить через него крупнотоннажные танкеры, вдвое превышающие танкеры класса Suezmax (танкеры данного типа в состоянии полной загрузки способны перевезти до 1 млн баррелей нефти). Таким образом, Турция может укрепить свое положение одного из ведущих мировых энергетических хабов. С другой стороны, экономическое обоснование стамбульского проекта сомнительно ввиду отсутствия необходимых маркетинговых исследований, а также проблем с технической осуществимостью самого проекта вследствие сложной географии местности. При этом непонятно, каким образом турецкое правительство сможет перенаправить судоходство из Босфора в Стамбульский канал. Сам Эрдоган в 2011 г. объявил, что после постройки альтернативного пути в Мраморное море, Босфор будет закрыт для торгового мореплавания, однако это означало бы пересмотр действующей конвенции Монтрё, на что у Анкары нет исключительного права. Перенаправление судоходных потоков ударило бы по интересам стран-транзитеров нефти и в первую очередь, по интересам

России, поскольку означало бы их отказ от бесплатного прохода через Босфор (за исключением сборов за санитарный контроль, спасательные услуги, двойное прохождение через Босфор и Дарданеллы и т. д.)

Многие турецкие эксперты утверждают, что строительство канала «Стамбул» не уменьшит значения Босфора, который просто перестанет быть единственным водным путем в Мраморное море. Интересы России не будут нарушены, поскольку «второй водный путь (Стамбульский канал – А. Б.) ... облегчит положение, как России, так и мирового рынка»¹⁴. При этом не комментируется заявление Эрдогана о закрытии Босфора для торгового мореплавания в случае постройки Стамбульского канала. Не учитывается и геополитический аспект проблемы, поскольку наличие дополнительного прохода в Черноморский бассейн может создать для России серьезные проблемы. Этого не могут не понимать и в Анкаре. Таким образом, игнорирование турецким правительством политической стороны вопроса, является серьезным недостатком стамбульского проекта.

Маршрут самого канала менялся уже несколько раз. На сегодняшний день он планируется много западнее первоначального направления. 15 января 2018 г. г. глава Министерства транспорта и связи Ахмет Арслан анонсировал окончательный вариант маршрута. Наиболее перспективным, по его словам, после изучения пяти вариантов был признан путь от поселка Дурусу (вблизи побережья Черного моря) до озера Кючюкчекмедже. «Мы пройдем через Кючюкчекмедже (между районами Стамбула Эсенюрт и Авжилар на европейской стороне Мраморного моря – А.Б.) и водохранилищем Сазлидере и выйдем к Черному морю южнее дамбы Теркос» – цитирует его слова агентство Anadolu¹⁵. Таким образом, часть города будет отрезана от остального Стамбула, превратившись в «местный Манхеттен». Неопределенность географии строительства не раз служила причиной массовых земельных спекуляций. Так, по данным газеты Cumhuriyet, после объявления об окончательном варианте маршрута, дочерняя инвестиционная компания правительственного жилищного агентства (TOKI) Emlak Konut Real Estate Investment

Trust, разместила на своем веб-сайте карту 33 жилищных проектов. Это заставляет предположить, что подлинная причина столь долгой тайны вокруг маршрута Стамбульского канала заключалась в стремлении ТОКІ извлечь для себя дополнительные прибыли¹⁶.

Другая причина для спекуляций – стоимость проекта. Точную стоимость строительства канала власти Турции пока не называют, но А. Арслан заявил, что он обойдется дороже, чем новый аэропорт Стамбула – пока что самый дорогой мегапроект ПСР – \$ 22 млрд¹⁷. По мнению экспертов, строительство канала окажет сильное давление на экономику страны – с ее дефицитным бюджетом, растущей инфляцией и слабеющей национальной валютой¹⁸. Совсем недавно Стамбульский канал был включен в список проектов, которые правительство планирует финансировать за счет недавно созданного Фонда Суверенного Богатства (SWF)¹⁹. В то же время, по мнению турецкого политолога М. Сонмеза, проблемы с финансированием строительства третьего аэропорта Стамбула, находящегося наряду с проектом Стамбульского канала в пакете первоочередных инфраструктурных мероприятий, делает проблематичной использование средств Суверенного фонда для финансирования строительства «Второго Босфора»²⁰. При этом Суверенный фонд пока еще не выделил средства на строительство канала. Тем самым неопределенность в вопросе финансирования Стамбульского канала делает сомнительным и весь проект в целом.

Самоокупаемость Стамбульского канала также под большим вопросом. Согласно сообщению турецкого информационного агентства Haberturk, в добавлении к 11 существующим островам Стамбула возле пристани Пендик в Мраморном море будут построены три искусственных острова общей площадью 603 500 кв. м. Огромное количество грунта, которое придется вынуть при прорытии канала, турецкая сторона собирается пустить на строительство этих островов. Планируется, что на них будет создана жилищная и спортивно-развлекательная инфраструктура. Общая прибрежная длина островов составит 7 460 м.²¹ Подобную схему правительство уже хотело применить

при строительстве нового аэропорта в Стамбуле. Однако планы по строительству третьего аэропорта были изменены из-за задержки в строительстве канала «Стамбул», поскольку подрядчики планировали вывозить грунт, извлеченный при строительстве будущего канала, на территорию аэропорта. Это сыграло не последнюю роль в переносе сроков сдачи первой очереди аэропорта с 2016 г. на 2018 г., а также в повышении стоимости самого проекта. Планы правительства остались неизменны и в 2017 г. Таким образом, прибыльность стамбульского проекта наряду с возможными экологическими проблемами оставляют много вопросов. Ряд турецких политологов полагают, что более целесообразным было бы использовать ресурсы, предназначенные для строительства Стамбульского канала, для развития депрессивных регионов Турции²².

Нет ясности и с теми организациями, которые будут реализовывать проект. На сегодняшний день, реализация проектов в Турции осуществляется по схеме «строительство-эксплуатация-передача» (Build-Operate-Transfer, BOT), что с точки зрения властей представляется оптимальным вариантом, поскольку позволяет государству не участвовать напрямую в их финансировании. Весь комплекс работ осуществляет инвестор, которому затем на длительный срок предоставляется право на эксплуатацию объекта. Однако немало людей в Турции именно такую схему считают наиболее удобной для «кланового капитализма» и средством для нецелевого расходования государственных средств²³. Зачастую проекты служат для стимулирования инвестиций в строительный сектор, а потому лишь усугубляют проблему транспортных потоков в Стамбуле. Не случайно, что помимо экологов, другой лагерь критиков проекта – урбанисты. Они указывают на то, что Стамбул уже является мегаполисом, зажатым между двумя морями, и если его превратить в остров, то изолированный водой Стамбул не сможет расти территориально, но прирост населения это не остановит. Это неизбежно приведет к проблемам перенаселенных городов: пробкам, дефициту жилья, что знакомо Стамбулу и в наши дни²⁴. Еще в ноябре 2016 г. глава правительственного жилищного агентства (ТОКІ) Эргун Туран заявил, что для

строительства Стамбульского канала Министерство транспорта намерено использовать средства, вырученные от продажи земли по предполагаемому маршруту²⁵. По мнению М. Сонмеза, «высказывания председателя ТОКІ показывают, что канал «Стамбул» – это мечта не только о водном пути, но и о массивном, ориентированном на аренду строительстве в окрестностях города»²⁶.

Потенциальное экологическое воздействие проекта является сейчас наименее обсуждаемым вопросом в турецких средствах массовой информации. Несмотря на это, со стороны экспертного сообщества Турции все время звучат предупреждения о хрупком балансе водных потоков между Средиземным, Эгейским и Черном морями и возможных разрушительных последствиях для экологии Черноморского региона в случае постройки канала. Отмечается, что нарушение водного баланса может повлечь за собой ухудшение качества воды, изменение миграционных рыбных потоков, а также высыхание самого Черного моря²⁷. После принятия парламентом Турции законопроекта, благодаря которому канал «Стамбул» получил правовую основу, ряд турецких экспертов – профессора Эмин Орзой, Джемаль Сайдам, Огуз Гюндогду, представитель Greenpeace в Турции Уйгар Озсеми и Октай Экинджи (бывший президент Стамбульской Палаты архитекторов и проектировщиков) опубликовали 24 августа 2017 г. заявление. В нем они призвали отказаться от строительства Стамбульского канала, как проекта, лишённого какой-либо научной базы и угрожающего жизни и здоровью населения турецкой столицы²⁸.

Таким образом, конфликт между правительством и представителями экологической науки далек от завершения, несмотря на утверждение Арслана о тесной координации властей с экологическим сообществом Турции²⁹. При этом настораживает, тот факт, что обследование местности поручено ТОКІ – организации, прямо заинтересованной в строительстве Стамбульского канала. В условиях чрезвычайного положения для противников строительства это создает большие трудности в плане объективной экологической экспертизы проекта. Последнее может оказаться неблагоприятным и в отношении иностранных инвестиций. Стам-

бульский канал анонсирован, прежде всего, как национальный проект, но турецкое правительство не собирается отказываться от зарубежных инвестиций, в привлечении которых у Анкары большой опыт³⁰. Однако в отличие от предыдущих проектов, проект Стамбульского канала вызывает сомнение у иностранных строительных компаний в силу недостаточной прозрачности последнего и значительных экологических рисков³¹.

До недавнего времени канал «Стамбул» просто значился в официальных инвестиционных планах. В своих бюджетных докладах парламенту министры ограничивались ссылками на этот проект. Сонмез подчеркивает в связи с этим, что канал «Стамбул» не выходил «за рамки мечты, не имея ни технико-экономического обоснования, ни планов строительства на бумаге»³². Другие эксперты полагают, что строительство спроектировано, но временно отложено³³. 2023 г. рассматривался в качестве «идеальной» конечной даты. Более подходящим рассматривался 2025 г. Тем не менее, как показало время, президент Турции не намерен отказываться от своей инициативы. На бизнес-форуме «Турция–Сербия» в Белграде 10 октября 2017 г. он анонсировал очередной перенос сроков строительства канала на конец 2017 – начало 2018 г. «Канал «Стамбул» – это моя мечта», – подчеркнул Эрдоган³⁴. 15 января 2018 г. проект Стамбульского канала формально получил дальнейшее развитие.

Таким образом, на сегодняшний день Стамбульский канал как будто вышел из стадии «проектного долгостроя». Однако из-за непроработанности экономических, международных и экологических аспектов перспектива постройка канала по-прежнему представляется сомнительной. Ситуация, при которой «шесть лет ничего не делалось, но все должно измениться в течение нескольких месяцев»³⁵ не может быть решена простым проведением тендера в 2018 г. Нужны средства, люди, ресурсы, необходимо понимание технической возможности, экономической целесообразности, экологической безопасности, международно-правовых и геополитических последствий такого шага. Все это на сегодняшний день под большим вопросом, поскольку идеологическая составляющая с самого начала довлела над «безумным»

и «блистательным» проектом Эрдогана. Однако данный концепт в настоящее время полностью исчерпан, построить же канал в оставшиеся сроки едва ли возможно. Косвенно это подтвердили и сам А. Арслан, отказавшийся конкретизировать сроки постройки Стамбульского канала. Его преемник – Мехмет Джахит Турхан, объявил об очередном переносе тендера на начало 2019 г. Будущее покажет, насколько личный авторитет Эрдогана способен реанимировать «застоявшийся» проект.

В отличие от Стамбульского канала, строительство *третьего аэропорта Стамбула* (или *Нового аэропорта Стамбула*) более обоснованно с практической точки зрения. Существующий аэропорт Ататюрка – главный аэропорт Стамбула, скован пределами города и не способен справиться с возрастающим потоком пассажиров. Кроме того, растет проблема перегруженности воздушного движения. В 2015 г. аэропорт Ататюрка стал третьим наиболее загруженным аэропортом в Европе (к 2017 г. проблема перегруженности аэропорта была частично ослаблена и он опустился на пятое место после Франкфурта и Амстердама). Второй после аэропорта Ататюрка международный аэропорт Сабиhi Гёкчен уже достиг предельной пропускной способности в 25 млн пассажиров и в настоящее время работает в режиме максимальной перегруженности (в 2015 г. аэропорт обслужил до 28 млн чел.) В отличие от них третий аэропорт Стамбула планируется построить как крупнейший аэропорт в мире, способный обслуживать в год до 150 млн пассажиров. Таким образом, новый аэропорт Стамбула должен стать главным аэропортом Турции, центром стыковки рейсов между Европой и Азией и обладать развитым автомобильным и железнодорожным сообщением. Согласно утверждению Ю. Акчайоглу, генерального директора IGA Airport Operations Inc. – компании, с которой заключен контракт на строительство и эксплуатацию нового аэропорта, новый воздушный порт «будет иметь огромное влияние на экономику Турции»³⁶. При этом, по его словам, дизайн аэропорта будет отражать богатство и красоту исторических мест Стамбула.

В качестве инвесторов и подрядчиков проекта выступают турецкие банки и компании. Из них для строительства треть-

его аэропорта создан специальный консорциум пяти турецких компаний Cengiz–Kolin–Limak–Mara–Kalyon³⁷. Последнее является принципиально важным для правящей ПСР, поскольку демонстрирует возможности турецких инвесторов по реализации масштабных проектов. Строительство аэропорта будет осуществлено в 4 этапа. Первый этап завершился 29 октября 2018 г. (в день 95-летия Турецкой Республики). При этом уже 26 февраля 2018 г. (в день рождения Эрдогана) турецкие власти планировали принять первый самолет. Достичь этого не удалось, но 26 февраля зажглись взлетно-посадочные огни. Первый этап строительства финансируется за счет инвесторов. После запуска первой очереди и доведения общего количества пассажиров до 90 млн чел. проект перейдет в режим самоокупаемости. Значительная часть рейсов будет перенаправлена из аэропорта Ататюрка в новый аэропорт. В конце 2019 г. высокоскоростная железная дорога свяжет третий аэропорт с центром города (к 2022 г. предполагается построить 34-километровую линию метро между аэропортом и Хайреттепе – центром города на европейской стороне Стамбула). Полностью аэропорт должен быть запущен к 2028 г. и перейти на полную мощность, т. е. обслуживать в год до 150 млн (по некоторым данным до 200 млн) пассажиров. Сразу после этого аэропорт Ататюрка будет закрыт, хотя многие в Турции сомневаются в целесообразности закрытия аэропорта Ататюрка – удобного расположенного, быстрого и недорогого трансфера³⁸.

После окончания строительства аэропорт будет «подключен» к построенному в 2016 г. третьему мосту через Босфор (мост султана Селима Явуза)³⁹. Взаимозависимость проектов, таким образом, должна ускорить инфраструктурную трансформацию. Этому способствует и география строительства. Согласно планам турецкого правительства, третий аэропорт должен быть построен в северной части европейского Стамбула, т. е. в районе предполагаемого строительства Стамбульского канала⁴⁰. Новый аэропорт во многом повторяет судьбу канала «Стамбул», поскольку экологическая прозрачность является больным местом многих турецких мегапроектов. Так, например, активисты экологической

группы «Оборона Северного леса» (Kuzey Ormanların Savunması) уже давно бьют тревогу по поводу угрозы для «легких Стамбула» – последнего лесного массива исторической столицы Турции. Планируемый третий аэропорт Стамбула должен быть построен в самом сердце этой местности (между населенными пунктами Еникёй и Акпынар). Десятки озер и естественная лесная среда могут быть разрушены для того, чтобы освободить место для аэропорта. Экологические последствия в случае реализации обоих проектов вызвали в свое время тревогу общественности и подняли вопросы об их технической осуществимости⁴¹. Особенно трагичной в этой связи выглядит судьба озера Теркос, которое на протяжении 122 лет является источником пресной воды для Стамбула. Многие полагают, что фактической целью строительства третьего аэропорта является создание в зеленой зоне Стамбула гигантского «аэротрополиса» (городского образования, инфраструктура которого подчинена аэропорту). По оценке одного из активистов экологического движения в Турции архитектора А. Демирташа, назвавшего строительство третьего аэропорта и моста Селима Явуза «экологическим преступлением», проектные инициативы являются примерами «политических и финансовых спекуляций», которые «оставляют правительство равнодушным к воздействию на окружающую среду»⁴².

Последнее особенно примечательно, поскольку в 1994 г. Реджеп Эрдоган, будучи мэром Стамбула, резко возражал против строительства третьего моста через Босфор, утверждая, что это погубит «легкие» Стамбула. В 2009 г. было подтверждено, что северные районы столицы не подлежат застройке. Однако в 2013 г. Эрдоган снял «красную линию», одобрив строительство нового моста через Босфор и третьего аэродрома Стамбула. По мнению оппозиционных экономистов, это связано с личной заинтересованностью Эрдогана, тесно связанного с консорциумом подрядчиков проекта третьего аэропорта – бизнес-группой турецких компаний Cengiz–Kolin–Limak–Mara–Kalyon, которые получили от правительства исключительно выгодные условия кредитования и гарантии прибыли. Между тем финансовая отдача от проекта будут возможна лишь через двадцать пять лет. Именно

к концу этого срока прибыли от проекта (\$22 млрд) сравняются с затратами на него⁴³.

Важное место в проекте занимает и политика. По сообщению газеты *Yeni Şafak*, выступая 9 июня 2014 г. на закладке фундамента будущего аэропорта, Реджеп Эрдоган заявил, что третий аэропорт повысит международный престиж Турции⁴⁴. Правительство надеется, что размер объекта сделает Стамбул глобальным авиационным узлом, таким как Дубай. При этом критика экологических последствий мегапроектов подобно Стамбульскому каналу и третьему аэропорту почти отсутствует на страницах турецкой печати. В начале февраля 2018 г. Министерство окружающей среды Турции отказалось от экологической экспертизы проекта⁴⁵. Можно не сомневаться, что используя ограничения, введенные в общественно-политическую жизнь Турции после неудавшегося переворота 15 июля 2016 г., власти доведут до конца начатое строительство крупнейшего в мире аэропорта.

Более «спокойными» в экологическом плане (и менее ангажированными в политическом отношении) являются проекты железнодорожных *подводных туннелей «Мармара»* и *автомобильного подводного туннеля «Евразия»*.

Туннель «Мармара» был открыт в октябре 2013 г., став первым подводным проходом под Босфором между Европой и Азией. Благодаря этому система пригородных поездов оказалась связанной с сетью метро Стамбула⁴⁶. Турецкие железные дороги были соединены с европейскими, тем самым расширив возможности трансконтинентальных перевозок, которые до 2016 г. осуществлялись по двум мостам через Босфор. Длина туннеля 13,6 км (по другим данным 14,6 км). В финансировании проекта участвовали Японский Банк для Международного Сотрудничества (JIBIS), Европейский Банк Реконструкции и Развития (ЕБРР), Европейский Инвестиционный Банк (ЕИБ)⁴⁷. Продолжением «Мармары» стал подводный автомобильный туннель «Евразия». Он был открыт 20 декабря 2016 г. Туннель «Евразия» должен облегчить сообщение между строящимся третьим аэропортом и аэропортом Гёкчен на азиатском берегу Стамбула, поскольку транзитный путь по существующим мостам между ними

затруднен. До недавнего времени проект «Евразия» был приостановлен из-за угрозы высокого давления воды на проектируемые конструкции (туннель расположен на глубине 106 м). Разработку проекта взял на себя совместный консорциум, состоящий из частной турецкой строительной компании Yapi Merkezi и SK Group (Южная Корея)⁴⁸. В связи с сейсмической опасностью были предприняты дополнительные меры по защите конструкций туннеля и выделены значительные средства (всего строительство туннеля потребовало инвестиций в размере \$ 1,2 млрд, включая кредиты в размере \$ 960 млн)⁴⁹. Транспортное движение с европейского на азиатский берег Босфора на сегодняшний день перенаправлено в туннель, что позволяет сократить время движения с 1,5–2 часов до 15 минут. Планируемая пропускная способность двухуровневого туннеля оставляет до 120 тыс. автомобилей в день, включая мини-автобусы. При реализации проекта «Евразия» правительство постаралось максимально учесть возможные экологические риски, истратив на техническую безопасность туннеля большие средства. При этом в отличие от прочих «политических» мегапроектов, туннель «Евразия» наименее ангажированный. Несмотря на обсуждение в обществе многих аналогичных проектов, власти предпочли остановиться на нем, как наиболее целесообразном с практической точки зрения⁵⁰.

Постройку туннеля турецкое руководство считает наиболее удачным своим проектом. Проект был реализован по схеме «принцип «одного окна». Клиенту обеспечивались прозрачные условия договора, подрядчик нес полную ответственность за проект. Таким образом, турецкие власти попытались отойти от сомнительных схем частно-государственного партнерства. Многие в Турции полагают, что туннель «Евразия» является последним проектом по преобразованию инфраструктуры страны. И хотя подобное мнение не соответствует действительности (при открытии туннеля министр транспорта Турции Ахмет Арслан заявил, что правительство не собирается останавливаться на достигнутом⁵¹), следует отметить определенную эволюцию в инфраструктурной политике правительства. В отношении «босфорских» проектов все более заметно смещение от идеологической составляющей к практиче-

ской целесообразности, внимание не к политической значимости предприятия, а к его техническим деталям. Примечательно, что в случае строительства Стамбульского канала предполагается учитывать опыт создания подводного железнодорожного туннеля «Мармара», поскольку этот проект (как это отмечалось выше) вызывает меньше нареканий со стороны экологов.

На сегодняшний день завершением транспортных проектов в районе Босфора является постройка *трехуровневого железнодорожного туннеля*, который станет второй очередью туннеля «Мармара» (6,5 км). Его открытие планируется на 2018 г. Туннель должен расширить железную дорогу под Босфором. Будет создан третий уровень для высокоскоростных поездов. После постройки второй очереди туннеля «Мармара» конечной станцией для них станет железнодорожный вокзал Хайдарпаша на азиатской стороне Стамбула. Ранее маршрут высокоскоростных поездов заканчивался в порту Пендик (в европейской части Стамбула, на берегу Мраморного моря). Таким образом, будет создан первый в мире трехуровневый туннель. По словам Арслана, «третий трек» впервые обеспечит ночные железнодорожные грузовые перевозки через Босфор в ночное время⁵². Новый туннель будет использоваться как железнодорожным, так и автомобильным транспортом.

На сегодняшний день в пакете турецкого руководства более тридцати мегапроектов: Трансанатолийский (TANAP) и Турецкий «поток», Стамбульский финансовый центр, три атомные электростанции (в том числе атомная станция Аккую в провинции Мерсин)⁵³ и проч. Многие проекты – мосты через Босфор и залив Измит⁵⁴, Северное шоссе Мраморного моря, TANAP уже реализованы, третий аэропорт Стамбула, атомная электростанция в Аккую и «Турецкий поток» находится в стадии строительства. При этом только на строительство третьего аэропорта Стамбула, постройку моста Селима Явуза, туннеля «Мармара» и разработку проекта Стамбульского канала потребовалось привлечь до двух третей от общего объема инвестиций⁵⁵. Среди них особое место занимает *проект Дарданелльского моста*. Район строительства имеет большое историческое значение для

турок как место победы османских войск над военно-морской экспедицией Антанты, пытавшейся в 1915 г. захватить Дарданеллы (предположительно после постройки Дарданелльский мост будет переименован в мост 1915 г.) Строительство нового автомобильного моста, который должен «затмить» только что построенный мост Селима Явуза, началось 18 марта 2017 г. Мост соединит Чанаккале с европейским берегом Дарданелл возле города Гелиболу (Галлиполи). «Этот мост будет на первом месте в мире по своей протяженности. Мы связываем Азию и Европу», – сказал турецкий лидер на церемонии начала строительства. Стоимость моста составляет \$ 3,3 млрд (10,5 млрд турецких лир). Длина подвесной части будет 2023 м, а его общая протяжённость от берега до берега – 3869 метров. На сегодняшний день это самый длинный подвесной мост в мире. Тендер на строительство выиграли южнокорейские компании Daelim и SK Group, которые объединились в консорциум с двумя турецкими холдингами. Они предполагают построить мост со всеми подъездными трассами в течение 5,5 лет, и еще около 10 лет будут владеть, управлять им и поддерживать его в надлежащем состоянии, передав затем трассу государству⁵⁶. Реджеп Эрдоган поблагодарил южнокорейские компании, выигравшие тендер на строительство, за готовность учесть все требования турецкой стороны. С появлением моста через Дарданеллы к имеющимся трем мостам через Босфор добавится еще одна магистраль, которая свяжет две части Турции, разделенные проливом. Мост должен быть сдан в эксплуатацию в 2023 г.⁵⁷ Постройкой моста через Дарданеллы к 100-летию республики власти Турции пытаются компенсировать отсутствие подвижек в строительстве Стамбульского канала.

Энергетические проекты имеют целью диверсифицировать источники энергии, уменьшить зависимость страны от сырьевого импорта, усилить роль Турции в качестве международного энергетического центра. Тем не менее, многие в Турции (в том числе и сторонники ПСР) сопротивляются подобным проектам, имеющих, по их мнению, разрушительные экологические последствия. Особенно сильно протестное экологическое движение в Черно-

морском регионе Турции, поскольку значительная часть проектов сосредоточена именно здесь. Так, в феврале 2016 г. жители г. Артвин (юго-восточное побережье Черного моря) заблокировали дороги, пытаясь предотвратить возведение гидроэлектростанций. Протестующие поставили палатки, развернули транспаранты. Для их разгона власти были вынуждены применить слезоточивый газ. Митинг в Артвине получил от Эрдогана наименование «младшего Гези»⁵⁸. Демонстрантам удалось отсрочить реализацию проектов, однако уже в том же году Верховный суд Турции отклонил их требования о запрете строительства.

Уже отмечалось, что в своей политике Реджеп Эрдоган стремится использовать мегапроекты для того, чтобы стать самым значительным лидером Турции после Мустафы Кемаля Ататюрка, а быть может, – и превзойти последнего в плане преобразования внешнего облика страны. Действительно, проекты являются составной частью стратегии, представляющей собой набор целей, которые должны быть реализованы к 100-летию юбилею Турецкой Республики, продемонстрировав результаты экономического рывка, предпринятого страной за последнее десятилетие. Выступая 26 декабря 2016 г. на открытии туннеля Илгаз-Маунтин, призванного связать автомобильное движение Центральной Анатолии с побережьем Черного и Средиземного морей, президент Турецкой Республики заявил, что за четырнадцать лет правления Партии Справедливости и Развития было построено «189 новых подводных, автомобильных и городских туннелей, и теперь у нас есть 393 тоннеля»⁵⁹. На сегодняшний день, несмотря на все трудности, запланированные мегапроекты (шоссе, мосты, аэропорты, электростанции) остаются в графике. По информации газеты *Milliyet*, на форуме в Сербии в октябре 2017 г. Реджеп Эрдоган подтвердил приверженность крупномасштабным проектам и инвестициям⁶⁰. Наряду с проектами, связанными с инфраструктурой, в Турции быстро развивается автомобильная и авиационная промышленность. К этому следует добавить модернизацию железнодорожного транспорта, увеличение протяженности железнодорожных путей (на 1000 км), а также участие в строительстве современной железнодорожной магистрали Баку–Тбилиси–Карс

(открытие магистрали состоялось 30 октября 2017 г.), которая должна стать частью Южного транспортного коридора и связать европейские страны с Кавказом, Центральной Азией, Китаем и другими странами дальневосточного региона⁶¹.

В заключении следует отметить, что инфраструктурные мегапроекты турецкого руководства последовательно реализуются. По этой причине не следует сбрасывать со счетов проект Стамбульского канала. В то же время нельзя не заметить и другую тенденцию. Чрезмерное увлечение мегапроектами приводит к тому, что имиджевые проекты нередко превалирует над менее эффектными, но более необходимыми мероприятиями. Таким образом, несмотря на стремление руководства ПСР путем технической модернизации поставить Турцию в ряд наиболее развитых стран мира, использование инфраструктурных мегапроектов в качестве «локомотивов» турецкой экономики может решить локальные задачи экономического развития Турции, не создав предпосылок для устойчивого экономического роста в целом⁶². На сегодняшний день обоснование инфраструктурных мероприятий Анкары во многом связано со 100-летием Турецкой Республики. В связи с этим идеологическая составляющая довлеет над многими планами правительства. «Амбициозные» проекты должны укрепить положение правящей ПСР и лично Реджепа Эрдогана. Тем самым «Стратегия-2023», является составной частью политической трансформации Турецкой Республики. При этом среди новых мероприятий турецкого руководства все больше превалируют технически оправданные проекты, хотя старые проекты по-прежнему остаются в повестке дня. В то же время экологические угрозы, отсутствие прозрачности многих инфраструктурных планов и строительная «мегаломания» может в перспективе создать значительные риски для экономической политики Партии справедливости и развития.

Примечания

¹ Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М.: Крафт+ ИВ РАН, 2007. С. 179–186.

² Утургаури С. Н., Ульченко Н. Ю. Тургут-Озал – премьер-министр. М.: ИВ РАН, 2009. С. 90, 108–109.

³ Одержав в 2002 г. убедительную победу над правящей коалицией, ПСР сформировала однопартийное правительство. Народно-республиканская партия (НРП) осталась единственной оппозиционной партией.

⁴ URL: <https://www.citylab.com/equity/2017/07/making-room-for-nature-in-erdogans-istanbul/534678/> (дата обращения 16.10.2017).

⁵ Киреев Н. Г. Внутриполитическая ситуация в Турции конца XX – начала XXI вв. // Турция на рубеже XX – начала XXI веков. М.: ИВ РАН, 2008. С. 80.

⁶ См. подробнее: Болдырев А. В. Проект Стамбульского канала: политика, экономика, экология // Эпоха правления в Турции Партии Справедливости и Развития: промежуточные итоги и прогнозы [2002–2015]. М.: ИВ РАН, 2017. С. 83–104.

⁷ URL: <http://en.trend.az/world/turkey/2490239.html> (дата обращения 2.10.2017).

⁸ URL: <http://www.iimes.ru/?p=32948> (дата обращения 16.10.2017).

⁹ URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2017/04/12/bridges-to-be-built-first-in-kanal-istanbul-project> (дата обращения 16 октября 2017).

¹⁰ URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/02/turkey-canal-istanbul-project-lots-of-dreaming.html> (дата обращения 2.10.2017).

¹¹ Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М.: Международные отношения, 1999. С. 498.

¹² URL: https://biz.censor.net.ua/news/3046829/turtsiya_v_2018_godu_nachnet_stroit_stambulskiy_kanal (дата обращения 16.03.2018)

¹³ URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/govt-gives-green-light-to-crazy-canal-istanbul-project.aspx?pageID=238&nID=44823&NewsCatID=341> (дата обращения 4.10.2017).

¹⁴ URL: <http://dailymailnews.com/2016/10/27/turkey-russia-will-gain-from-canal-istanbul/> (дата обращения: 9.10.2017).

¹⁵ URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Turtsiya-sozdast-Kyuchyukchekmedzhskiy-proliv.html> (дата обращения 16.03.2018).

¹⁶ URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/english/936703/Istanbul_Canal_provides_rich_pickings_for_Emlak_Konut.html (дата обращения: 14.03.2018).

¹⁷ URL: https://liter.kz/ru/news/show/41830-turciya_reshila_nachat_samuyu_grandioznuyu_stroiku_v_svoei_istorii (дата обращения 19.03.2018).

¹⁸ URL: https://liter.kz/ru/news/show/41830-turciya_reshila_nachat_samuyu_grandioznuyu_stroiku_v_svoei_istorii (дата обращения: 19.03.2018).

¹⁹ Суверенный фонд или фонд национального благосостояния — государственный инвестиционный фонд, финансовые активы которого включают акции, облигации, имущество, драгоценные металлы и другие финансовые инструменты. Фонд находится под патронажем аппарата премьер-министра. Суверенный фонд Турции направлен на предупреждение финансовой нестабильности, финансирование крупных инфраструктурных и энергетических проектов и прочих экономических мероприятий.

²⁰ URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/02/turkey-canal-istanbul-project-lots-of-dreaming.html> (дата обращения 2.10.2017).

²¹ URL: <https://middleeastnewsservice.com/2017/02/16/turkey-innovates-with-a-crazy-project-to-build-three-artificial-islands-with-waste-from-istanbuls-new-canal> (дата обращения 11.10.2017).

²² Таковым является «Проект Юго-Восточной Анатолии (GAP)», предусматривающий комплексное развитие юго-восточной Анатолии на основе реализации масштабных гидроэнергетических проектов. О проекте GAP см.: Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики [1923–2016]. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 197–198; Ozcahraman Cemal, Gunter Mihael M., Gunter Mihael M. Jr. The Southeastern Anatolia Project (GAP): An Obstacle to Turkish to the European Union? // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. FocusonTurkey. Villanova University. Vol. XL, No. 1, 2016. P. 26–45.

URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/11/turkey-megaprojects-threaten-black-hole-coffer.html> (дата обращения 9.10.2017).

²⁴ URL: <https://tr.boell.org/de/2016/04/15/trees-versus-concrete-deforestation-north-bosphorus-region-and-civil-society-responses> (дата обращения 9.10.2017).

²⁵ URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/11/turkey-megaprojects-threaten-black-hole-coffer.html> (дата обращения 9.10.2017).

²⁶ URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/11/turkey-megaprojects-threaten-black-hole-coffer.html> (дата обращения 9.10.2017).

²⁷ URL: <http://www.morethanshipping.com/7796-2/> (дата обращения 11.10.2017).

²⁸ URL: <http://m.bianet.org/english/people/173877-kanal-istanbul-project-approved-in-omnibus-bill-experts-express-concerns> (дата обращения 11.10.2017).

²⁹ URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2017/04/12/bridges-to-be-built-first-in-kanal-istanbul-project> (дата обращения 16.10.2017).

³⁰ Иванова И. И., Ледовская О. А. Турция и Япония: партнерство набирает силу. Восточная аналитика. М; ИВ РАН, 2016. № 1. С. 75, 80–81.

³¹ URL: <http://www.businesskorea.co.kr/english/news/industry/20042-canal-istanbul-construction-korean-builders-paying-much-attention-istanbul-canal> (дата обращения 16.03.2018).

³² URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/02/turkey-canal-istanbul-project-lots-of-dreaming.html>. (дата обращения 2.10.2017).

³³ URL: <http://www.newropeans-magazine.org/en/2015/12/21/kanal-istanbul-within-7-years-us-aircraft-carriers-will-enter-the-black-sea/> (дата обращения 17.10.2017).

³⁴ URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/groundbreaking-for-kanal-istanbul-project-to-be-held-in-late-2017-or-early-2018-erdogan-120676> (дата обращения 18.11.2017).

³⁵ URL: <http://expert.ru/2017/11/22/stambul/> (дата обращения 16.03.2018).

³⁶ URL: <https://www.airport-technology.com/features/istanbul-new-airport-building-one-turkeys-crown-jewels/> (дата обращения 19.03.2018).

³⁷ URL: <http://www.bondsloans.com/news/article/1260/case-study-istanbul-new-airport-lands-45bn-pr> Дата обращения: 19.10.2017 г.

³⁸ URL: <http://www.hierapolis-info.ru/novyj-aeroport-v-stambule.html> (дата обращения 19.03.2018).

³⁹ Первый мост введен в строй в 1973 г., второй – в 1988 г. Третий мост через Босфор предназначен как для автомобильного, так и для железнодорожного транспорта.

⁴⁰ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Istanbul_New_Airport (дата обращения: 19.10.2017).

⁴¹ URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/stagnation-of-istanbul-canal-project-causes-plan-changes-in-third-airport.aspx?pageID=238&nID=67901&NewsCategoryId=340> (дата обращения 20.10.2017).

⁴² URL: <https://www.citylab.com/equity/2017/07/making-room-for-nature-in-erdogans-istanbul/534678/> (дата обращения 16.10.2017).

⁴³ URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/03/turkey-istanbul-airport-black-hole-in-public-finance.html> (дата обращения 20.03.2018).

⁴⁴ URL: <http://www.invest.gov.tr/en-US/infocenter/news/Pages/090614-istanbul-3rd-airport-ground-breaking.aspx>. (дата обращения: 20.10.2017).

⁴⁵ URL: <https://news.sol.org.tr/decision-istanbuls-third-airport-no-need-environmental-impact-assessment-174027> (дата обращения 19.03.2018).

⁴⁶ URL: <https://www.dailysabah.com/business/2016/12/20/eurasia-tunnel-opens-linking-europe-and-asia-in-15-minutes> (дата обращения 22.10.2017)

⁴⁷ Уразова Е. И. Инвестиционная политика Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития (основные тенденции) // Эпоха правления в Турции Партии Справедливости и Развития: промежуточные итоги и прогнозы. М.: ИВ РАН, 2017. С. 58.

⁴⁸ URL: <https://www.samaa.tv/technology/2016/12/erdogan-to-open-turkeys-1st-highway-tunnel-under-sea-connecting-two-continents/> (дата обращения 25.10.2017).

⁴⁹ URL: <https://www.samaa.tv/technology/2016/12/erdogan-to-open-turkeys-1st-highway-tunnel-under-sea-connecting-two-continents/> (дата обращения 25.10.2017)

⁵⁰ URL: <https://www.samaa.tv/technology/2016/12/erdogan-to-open-turkeys-1st-highway-tunnel-under-sea-connecting-two-continents/> (дата обращения: 25.10.2017)

⁵¹ URL: <https://tribune.com.pk/story/1268665/erdogan-open-first-road-tunnel-istanbuls-bosphorus/> / (дата обращения: 27.10.2017)

⁵² URL: <http://www.railjournal.com/index.php/high-speed/istanbul-marmaray-project-will-be-completed-in-2018-says-minister.html?channel=523> (дата обращения: 24.10.2017)

⁵³ Строительство атомной станции в провинции Мерсин (на средиземноморском побережье) началось в апреле 2015 г. Аккую должна быть сдана в эксплуатацию в 2023 г. Строительство ведет российская государственная атомная энергетическая корпорация РОСАТОМ, используя новейшие технологии и методы безопасности. Французско-японский консорциум построит вторую атомную электростанцию страны в Синопе (на черноморском побережье), третий проект находится на стадии планирования.

⁵⁴ В 2016 г. в Стамбуле открылся мост Осман Гази через Измитский залив в Мраморном море – самый длинный мост в Турции, второй по протяженности в Европе и четвертый в мире.

⁵⁵ URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/11/turkey-megaprojects-threaten-black-hole-coffer.html> (дата обращения 5.11.2017).

⁵⁶ URL: <http://mk-turkey.ru/economics/2017/03/20/v-turcii-nachalos-stroitelstvo-mosta-cherez-proliv-dardanelly.html> (дата обращения 19.11.2017).

⁵⁷ URL: http://www.newvision.co.ug/new_vision/news/1442424/building-turkey-erdogans-crazy-projects (дата обращения 30.10.2017).

⁵⁸ URL: <https://www.citylab.com/equity/2017/07/making-room-for-nature-in-erdogans-istanbul/534678/> (дата обращения 17.11.2017).

⁵⁹ URL: www.dailysabah.com/economy/2016/12/27/ilgaz-tunnel-linking-black-sea-to-central-anatolia-opens (дата обращения 9.11.2017)

⁶⁰ URL: <http://www.milliyet.com.tr/kanal-istanbul-2018-in-basinda-siyaset-2534750/> (дата обращения 19.11.2017)

⁶¹ Уразова Е. И. Инвестиционная политика Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития (основные тенденции) // Эпоха правления в Турции Партии Справедливости и Развития: промежуточные итоги и прогнозы. С. 58.

⁶² Подробнее о попытках квазирешения экономических проблем современной Турции см.: Ульченко Н. Ю. Экономическое развитие Турции в период правления ПСР: достижение и риски // Эпоха правления в Турции Партии Справедливости и Развития: промежуточные итоги и прогнозы. С. 43–55.

Хас К.*

ИСЛАМ, ИСЛАМИЗМ И ИСЛАМИСТ: ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА В ТУРЦИИ В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕХОДА К ПРЕЗИДЕНТСКОЙ СИСТЕМЕ ПРАВЛЕНИЯ

Политическая трансформация на Большом Ближнем Востоке заставляет академическое сообщество по-новому взглянуть на устоявшийся в течение долгого времени лексикон. Та смысловая нагрузка, которая раньше вкладывалась в понятия «ислам», «исламитизм» и «исламит» сегодня приобретает новые очертания, в том числе, и в Турции. Внутриполитическое устройство государства и растущий там политический исламитизм и авторитаризм, как отмечают эксперты, имеют знак равенства между собой. Это находит противоречивые коннотации во многом: во внутриполитическом аспекте тон политического исламитизма превращается в «неокемалистский», растут националистические настроения; в культурной сфере сохраняется рост исламистских тенденций. Во внешней политике, руководство Турции постепенно отказывается от важной когда-то для него риторики о протекторате мусульманского населения в различных регионах мира и политики «неоосманизма», очевиден курс на углубление связей с евразийскими странами.

Ключевые слова: *Турция, Р. Т. Эрдоган, Партия справедливости и развития, политический исламитизм в Турции, авторитаризм, неокемализм, неоосманизм.*

Political transformation in the Greater Middle East compels the academic community to take a fresh look at the lexicon that was established long time ago. The semantic load that was previously invested in the notions of "Islam", "Islamism" and "Islamist" is now taking new outlines, including in Turkey. Experts say that the internal political structure of the state is equal to the growing political Islamism and authoritarianism in Turkey. This finds contradictory connotations in many aspects, such as the following: in the domestic political

* Хас Керим – кандидат политических наук, эксперт в области международных и турецко-российских отношений. E-mail: kerimhas@gmail.com

aspect, the tone of political Islamism turns into "neo-Kemalism" and rise of nationalist sentiments; the growth of Islamist tendencies remains in the cultural sphere. In foreign policy, the leadership of Turkey is gradually abandoning the once important rhetoric about the protectorate of the Muslim population in various regions of the world and the policy of "neo-Ottomanism". The course to deepen ties with the Eurasian countries is becoming more obvious.

Key words: Turkey, R.T. Erdogan, Justice and Development Party, political Islam in Turkey, authoritarianism, neo-Kemalism, neo-Ottomanism.

Принимая во внимание тенденции, которые можно наблюдать в сфере международных отношений относительно употребления терминов, так или иначе связанных с религией ислам, существенной необходимостью является уточнение некоторых важных понятий. Стоит отметить, что зачастую именно искаженное понимание (умышленное или неумышленное) важной для ислама терминологии определяет ряд проблем и для академического сообщества, и для государства в целом, в том числе для его политической элиты. Более того, не всегда «вид» и «содержание» того или иного понятия определяется одинаково как тем, кто его использует, так и тем, непосредственно к кому оно обращено. Это вызывает ряд трудностей в описании самого политического лексикона и, что немаловажно, прогнозировании последствий использования терминологии. Турция, в этом контексте, является ярким примером всех выше описанных проблемных аспектов.

Ислам, как и другие монотеистические религии, в теории противостоит злу, не приемлет воровства, взяточничества, коррупции и, конечно, насилия. Главные постулаты ислама призывают его последователей к добру и другим общепризнанным универсальным человеческим ценностям.

Исламизм – это идеология, которая в современном мире опирается на те или иные трактовки принципов самой религии ислам. Стоит отметить, что здесь подразумеваются и так называемые крайние, маргинальные течения. Как известно, идеология часто на практике включает в себя взаимоисключающие и противоположные положения, что в конечном счете приводит к ее маргинализации. Если идеология правит государством, то та

часть населения, которая не разделяет эту идеологию, зачастую подвергается дискриминации. Именно поэтому, когда речь заходит про «исланизм», то подразумевается не только интеллектуальное наполнение этого термина, но и такое явление как «политический исланизм».

Сторонники такой идеологии, как им представляется, имеют цель сделать ислам «путеводителем» для социальной и политической жизни общества, что в свете современных тенденций особенно актуально для государств Большого Ближнего Востока, в том числе и для Турции. Однако на практике насаждение религии «сверху» не приводит к положительным результатам и порождает обратный негативный эффект. Таким образом, можно отчетливо наблюдать «дуализм» и в личной, и в социальной жизни индивида, когда мир наружный и внутренний друг с другом противоречат.

Особенность процессов в странах, где большинство населения являются последователями ислама в том, что религия участвует во всех сферах жизни человека: от личной до общественной, в отличие от Западного мира, где роли Христианства не придается столь объемлющего значения. Именно поэтому, в тот момент, когда любая религия (в данном случае ислам) начинает выступать в качестве «путеводной звезды» и в личной, и в общественной жизни, плотно затрагивая социальную составляющую, это может привести к использованию самой религии в политических целях. Отсюда во многом и возникает исланизм как политико-идеологическое движение, часто способствуя проявлению авторитарного стиля в управлении государством.

В этом контексте исламист – это полностью политическая фигура, которая использует не только саму религию, но и идеологию для достижения своих политических амбиций. Необходимо четкое осознание важнейшего момента: ислам как религия и исланизм, как идеология, становятся инструментами и объектами на пути достижения конкретных политических целей, имеющих во многом материальную подоплеку, и зачастую кардинальным образом расходятся с тем, что подразумевается под исламом как религией и исланизмом как идеологией.

Понимание политической ситуации на Большом Ближнем Востоке невозможно без указания на то, что на протяжении длительного времени регион переживает ряд процессов, на которые непосредственно повлиял сам термин «исламизм» в его современной политической интерпретации и вкладываемые мировым сообществом в него понятия. Стартом этого процесса послужила Иранская Революция 1979 г., а его дальнейшему распространению способствовало геополитическое противостояние между СССР и Западом в Афганистане.

В последние 25-30 лет появилась тенденция заполнения образовавшегося вакуума идеологии в странах Большого Ближнего Востока, что связано с распадом биполярной системы международных отношений. Именно в это время открылось окно для политического исламизма или, как его еще называют, исламистского консерватизма, который для многих представлялся альтернативой западно-либеральной парадигме. В этой связи, несмотря на существование терминов «мусульманский» или «исламский мир», приходится признать, что такого мира не существует. Есть государства, в которых проживают мусульмане. На сегодняшний день существует так много различительных черт между этими государствами, что говорить о «мусульманском мире» не представляется возможным.

Параллельно с этим шёл и другой процесс: на международной арене понятие «терроризм» стало плотно ассоциироваться с термином «исламизм». Во многом даже появился знак равенства между ними, особенно после вывода советских войск из Афганистана и увеличения на пространстве Большого Ближнего Востока радикальных группировок. В итоге, с приходом к власти так называемых «исламистов», стало очевидно, что насилие во многих его проявлениях больше ассоциировалось с самой религией, что в корне неверно. Наравне с этим необходимо учитывать и прошлое многих государств, которые на протяжении длительного времени находились в зависимости от западных колонизаторов; низкий уровень грамотности и качества образования, безработицу и многие другие факторы, которые негативным образом влияли на внутреннюю ситуацию во многих странах

Ближнего Востока, где все больше стали ощущаться проявления авторитаризма.

Что же касается Турции, то недавно страна отметила 94-летие образования Республики. Сегодня, как известно, Анкара находится в положении, когда имеет серьезные проблемы со своими политическими и военными партнерами на Западе. В то же время страна идет на сближение с Россией и Ираном, с которыми еще совсем недавно имела серьезные противоречия. Интересным представляется и тот факт, что политический исламизм в Турции опирается на консервативное большинство, а отношения с арабскими государствами далеки от партнерских.

Внутриполитическое устройство сегодняшней Турции и растущий там политический исламизм и авторитаризм во многом, как отмечают многие эксперты, имеют знак равенства между собой. Еще в 2010 г. в Турции прошел один из наиболее значимых референдумов по вопросу изменения 26 положений Конституции страны. Нововведения предполагали движение в сторону вестернизации, развития демократических ценностей, прав и свобод граждан. Кроме того, они касались снижения исторически сильной роли армии в политике, что активно приветствовалось и поощрялось Западом¹. Результаты референдума показали, что 58% проголосовавших одобрили предлагаемые конституционные изменения.

Немаловажным фактором для последующего укрепления правящей «Партии справедливости и развития» (ПСР) стал тот факт, что из всех представленных на тот момент в Парламенте партий лишь ПСР активно выступала в поддержку реформ². Однако набранные на референдуме 58% голосов фактически были интерпретированы ПСР как голоса поддержки именно этой партии. Этот момент можно считать отправной точкой начала консолидации власти в руках руководящей ПСР во главе с Р. Т. Эрдоганом, которая уже в июне 2011 г. после прошедших парламентских выборов обрела четкие формы.

События в стамбульском парке Гези летом 2013 г. ознаменовали следующий этап «закрепления» власти, что отразилось на имидже руководящей политической элиты за рубежом. Ха-

рактер и форма подавления акций протеста вызвали неодобрение со стороны европейских и американских партнеров Турции, а стиль правления Р. Т. Эрдогана стал ассоциироваться на Западе с авторитарным³.

В этом контексте особо болезненно были встречены события декабря 2013 г., которые официальная Анкара называет попыткой государственного переворота, а оппозиционные группы – «крупным коррупционным скандалом», в результате которого 4 представителя кабинета министров были вынуждены уйти в отставку⁴. В кратчайшие сроки были реформатированы: весь кабинет министров, силовые структуры, органы местного самоуправления, проведена судебная «реформа», прошли массовые чистки в судебной-исполнительной системе. В то же время начатые преобразования в государственных структурах, которые могли бы вести страну по пути вестернизации после референдума 2010 г., были официально отменены, просуществовав, таким образом, лишь несколько лет, что в конечном счете вернуло государство к исходной точке. Столь жесткая реакция руководства страны была вызвана тем, что расследования коррупционного скандала непосредственным образом коснулись семьи президента, его ближайшего окружения и родственников.

Стоит также отметить, что все разбирательства в отношении лиц, имеющих близкое положение к семье президента и обвиняемых в причастности к коррупционным схемам, были в скором времени прекращены.

В июне 2015 г. ПСР не смогла набрать необходимое большинство для формирования правительства и не намеревалась создавать коалицию, что в конечном счете привело к досрочным парламентским выборам в ноябре 2015 г.⁵. Примечательно, что в это же время неожиданно был прекращен «мирный процесс» по курдскому вопросу, объявленному властями еще в начале 2013 г.⁶. Это повлекло за собой развертывание крупномасштабных военных операций турецкой армии на юго-востоке страны. Количество террористических атак как на военных, так и на мирных граждан резко увеличилось – в итоге обозначился рост националистических настроений внутри турецкого общества. Более того,

по сравнению с периодом до 2013 г. существенно расширилось и само понятие «терроризм».

В ноябре 2015 г. ПСР получила большинство голосов и вновь смогла создать однопартийное правительство.

Внутриполитическая напряженность постепенно усугублялась и к лету 2016 г. вылилась в события, которые называют попыткой государственного переворота. Стоит отметить, что до настоящего времени ни одно государство, входящее в «клуб» определяющих мировую повестку дня и расстановку сил в мире, в том числе и Россия, официально не высказалось в поддержку официальной турецкой правительственной версии событий.

Через неделю после попытки переворота в Турции был введен режим чрезвычайного положения, который продлевается каждые три месяца и действует до сих пор. Среди его основных положений следующее: с 21 июля 2016 г. руководство страной осуществляется специальными постановлениями, которые принимаются главой государства и кабинетом министров в обход одобрения Парламента и приравниваются к закону. Конституционный суд, армия, Совет по национальной безопасности Турции и прочие традиционные компоненты системы сдержек и противовесов полностью переформатированы, а назначения в этих критических для государства отраслях являются теперь прерогативой лично Р. Т. Эрдогана. Были приняты меры по фактическому «реформированию» образовательной, юридической, медицинской систем и, безусловно, военной сферы, включая в первую очередь кадровый состав турецкой армии.

Режим ЧП подвергается более широкой интерпретации, вследствие чего судебные органы во многих случаях выносят постановления об изъятии частной собственности у арестованных лиц, без состоявшегося судебного решения, в котором эти лица были бы признаны виновными в попытке госпереворота. В результате «преобразований» государственные структуры получили пространство для маневра в отношении тех (их количество исчисляется сотнями тысяч), кого власти подозревают в прямом или непрямом участии в событиях июля 2016 г.

По официальным данным, которые находятся в открытых источниках, примерно за 1 год после событий июля 2016 г. были арестованы более 50 тыс. сторонников Ф. Гюлена, проживающего на территории США, которого власти Турции с первых часов обвинили⁷ в попытке переворота⁸. В это же время Ф. Гюлен выступил с осуждением произошедшего и предложением к ведущим мировым лидерам о создании международной комиссии по расследованию событий 15 июля 2016 г.⁹, жертвами которых стали 250 человек¹⁰. Однако это предложение осталось без ответа.

Статистика также говорит о более чем 110 тыс. уволенных государственных служащих с «отягощающей санкцией» в виде запрета работы по профессии¹¹. В отношении более 170 тыс. ведутся судебные разбирательства, которые в абсолютном большинстве классифицируются как терроризм¹². Общее число задержанных включает в себя и представителей различных оппозиционных групп.

За год с момента неудавшегося переворота были уволены около 7 тыс. преподавателей вузов и ученых; аннулированы более 54 тыс. лицензий на осуществление образовательной деятельности, закрыты 15 университетов, более 1000 школ. Что касается сферы СМИ, более 200 журналистов были задержаны, 160 из которых арестованы; более 2 тыс. представителей СМИ уволены; закрыты более 180 медиа организаций, включая 31 телевизионный канал, 5 новостных агентств, 62 газеты, 34 радиостанций, 29 издательств и 19 журналов¹³.

Показатели юридической сферы имеют следующие значения¹⁴: общее число уволенных и арестованных судей и прокуроров за год достигло 4238 человек (эта цифра составляет примерно 1/3 всех служащих этой отрасли). Количество отстраненного от должности и задержанного медицинского персонала, в первую очередь врачей, – 3315 человек¹⁵.

В военной сфере насчитываются 8 тыс. уволенных, из них более 7 тыс. арестованы¹⁶. Из общего количества арестованных лиц 166 человек — генералы армии¹⁷. Стоит отметить, что общее количество военнослужащих, занимающих высшие посты, а именно генеральский состав, сократилось более чем на 40% по

сравнению с 2016 г. Существенно уменьшилось и число военных летчиков. Если раньше на службе находились 1350 человек, то сегодня это число упало до 670¹⁸, то есть на 50%. Общая численность офицерского состава турецкой армии сократилась с 32 тыс. до 24 тыс. человек¹⁹.

Турецкий Парламент также лишился²⁰ нескольких своих членов: так, ордер на арест был выдан 11 депутатам прокурдской партии «Демократическая партия народов», включая самого лидера партии (С. Демирташ), и 1 представителю ведущей оппозиционной Народно-республиканской партии.

По официальным данным Министерства юстиции Турции, количество содержащихся лиц в тюрьмах страны составляет 230 тыс., в то время как вместительная способность рассчитана на 207 тыс.²¹. После попытки переворота власти Турции внепланово амнистировали около 38 тыс. ранее осужденных²², однако несмотря на это, тюрьмы страны не способны принять то количество лиц, которое стремительно возросло после 15 июля 2016 г. Статистика, предоставленная Минюстом, также говорит о том, что с 2013 г. по 2017 г. количество содержащихся в тюрьмах Турции увеличилось с 145 тыс. до 230 тыс.²³. В связи с этим недавно правительство заявило, что в ближайшее время планирует строительство 175 новых тюрем²⁴.

Всего за две с половиной недели после неудавшегося переворота число отмененных паспортов граждан Турции достигло 75 тыс.²⁵. Подобно России, для выезда за рубеж граждане Турции получают специальный паспорт, отмена которого, соответственно, препятствует выезду с территории Турции. Во сколько раз выросло число отмененных паспортов на настоящий момент, статистика умалчивает.

В связи с событиями, которые происходят на внутривнутриполитической арене Турции, имидж руководства страны стал стремительно меняться, чувства негодования по отношению к конкретным лицам из политической элиты Турции возрастать, а ситуация внутри страны еще более усложняться. В то же время консолидация власти в руках президента Р. Т. Эрдогана укреплялась и обрела окончательную форму в результате прошедшего

в стране в апреле 2017 г. референдума о переходе Турции от парламентской системы к президентской.

Это лишь малая доля примеров, которые отражают изменения в форме и содержании стиля управления государством, которые к 2019 году, а именно дате перехода к президентской системе, станут более очевидными.

Что касается экономической составляющей в Турции, то политический исламизм, как мы можем видеть из официальной статистики, не принес тех плодов, на которые рассчитывала правящая партия. Так, за 15 лет нахождения у власти Партии справедливости и развития, жизнь граждан страны относительно улучшилась во многом из-за того, что позитивные экономические тенденции прослеживались благодаря росту потребления в стране, но не благодаря росту промышленности. Приведем несколько примеров: если в ноябре 2002 г. внешний долг Турции составлял 130 миллиардов долларов США, то в ноябре 2017 г. – 438 миллиардов²⁶, что почти в 3 раза больше всего экспорта. Если рассматривать показатели по безработице за этот же период, то они следующие: в 2002 г. – 10,3%, в 2017 г. – 10,9%²⁷. Более того, если в 2002 г. долг физических лиц перед банками составлял 6,5 миллиардов турецких лир, то в 2017 г. эта цифра увеличилась до 428 миллиардов²⁸. В 2017 г. международные агентства, как Moody's и Fitch дали негативный прогноз по инвестированию²⁹, а отток капитала за рубеж также имеет существенные показатели.

Для понимания того, что ждет Турцию в 2019 г., когда состоится окончательный переход к президентской системе, стоит отметить следующее:

Во-первых, во внутривнутриполитическом аспекте тон политического исламизма будет превращаться в «неокемалистский», то есть подразумевается исламистская форма при кемалистском наполнении в его авторитарном проявлении. Вполне возможно, что националистические настроения еще больше вырастут, тем более, что угроза национальной безопасности страны увеличивается. Интересным также является тот факт, что сама фигура Ататюрка постепенно приобретает новые очертания для политиче-

ского режима Турции. В последнее время именно «отец нации» стал одним из объединяющих инструментов политического исламизма в стране. Таким образом, можно констатировать, что исламизм в Турции как политический проект рухнул, он приобрел «неокемалистские парадигмы».

Во-вторых, во внешней политике, руководство Турции, скорее всего, уже отказывается от столь важной когда-то для него риторики о протекторате мусульманского населения в различных регионах мира и политики «неоосманизма». Анкара, с большой степенью вероятности, на фоне дальнейшего ухудшения отношений с западными партнерами возьмет курс на углубление связей с евразийскими странами, в чем существует неопределенность и в некотором смысле риск. Это во многом объясняется тем, что примерно половина всего внешнеторгового оборота Турции и 75% прямых иностранных инвестиций в нее приходится на Евросоюз³⁰.

Нельзя исключать того, что в скором времени придется наблюдать конфликт между внутренним исламистским и внешним евразийским вектором политики Анкары, так как эти идеологии представляют разную секуляристскую тональность и образ жизни. Россия же в этом контексте не сможет остаться безучастной и ей придется в некоторой степени управлять этими процессами. В этом контексте внешняя политика Турции все больше используется руководством страны для достижения своих внутриполитических амбиций, а личностные интересы правящей элиты Турции в ее обширном понимании очевиднее идут вразрез с интересами государства в целом.

В-третьих, экономка государства не находится в стадии активного роста, как об этом заявляет правящая элита, ссылаясь на статистическое ведомство Турции. Можно предположить, что политический исламизм в Турции будет всеми возможными способами искать союзников на поле экономики вне зависимости от того, к какой религиозной принадлежности относится партнер. Так, например, еще недавно трудно было представить, что Анкара будет импортировать мясо и курицу из России и Сербии.

Наконец, культурно-образовательный аспект. По утверждению властей³¹, здесь проект политического исламизма не достиг

той цели, на которую рассчитывала политическая элита государства. В качестве примера можно также привести увеличившееся количество школ «имам-хатиб», которые, по замыслу властей, должны были стать новым образовательными центрами. Так, в этих школах наравне с предметами светского характера, имеются предметы религиозной направленности. Однако, как указывает статистика, именно выпускники этих школ занимают самые низшие места по результатам экзаменов³². В сфере культуры свою роль также сыграли и действия властей после попытки переворота в 2016 г., в результате которых во много раз увеличилась интеллектуальная миграция. В истории Турции количество покинувших страну интеллектуалов никогда не было столь высоким³³.

Таким образом, можно наблюдать интересный феномен: внешняя власть в Анкаре, которая во многом ассоциирована с политическим исламизмом, во внутренней политике имеет достаточно авторитарный стиль, во внешней политике наблюдается рост евразийских настроений, в экономическом аспекте – сохранение неолиберальной направленности, а в культурном аспекте – рост исламистских тенденций.

Примечания

¹ “The Venice Commission 2010 Annual activity report”, European Commission for Democracy through Law, Council of Europe, 2011, [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-RA\(2010\)001-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-RA(2010)001-e)

² “Q&A: Turkey’s constitutional referendum”, BBC News, 12 September 2010, <http://www.bbc.com/news/world-europe-11228955>

³ Ian Traynor and Constanze Letsch, “Turkey divided more than ever by Erdoğan’s Gezi Park crackdown”, The Guardian, 20 June 2013, <https://www.theguardian.com/world/2013/jun/20/turkey-divided-erdogan-protests-crackdown>

⁴ Tim Arango, “Corruption Scandal Is Edging Near Turkish Premier”, The New York Times, 25 December 2013, <https://www.nytimes.com/2013/12/26/world/europe/turkish-cabinet-members-resign.html>

⁵ «Эрдоган объявил дату досрочных выборов в Турции», Вести, 21 августа 2015, <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2655220>

⁶ Tulay Karadeniz, “Turkey’s Erdogan: peace process with Kurdish militants impossible”, Reuters, 28 July 2015, <https://www.reuters.com/article/us-mid-east-crisis-turkey-kurds/turkeys-erdogan-peace-process-with-kurdish-militants-impossible-idUSKCN0Q20UV20150728>

7 “Turkey coup attempt: Erdoğan demands US arrest exiled cleric Gülen amid crackdown on army – as it happened”, The Guardian, 18 July 2016, <https://www.theguardian.com/world/live/2016/jul/15/turkey-coup-attempt-military-gunfire-ankara>

8 Hüseyin Hayatsever, “CHP’den 1. yılında OHAL raporu: 50 bin tutuklu, 111 bin ihraç”, Sputnik Türkiye, 20 July 2017, <https://tr.sputniknews.com/columnists/201707201029363332-chp-ohal-birinci-yil-rapor-ihrac-tutuklu/>

9 Ray Sanchez, “Fethullah Gulen on ‘GPS’: Failed Turkey coup looked ‘like a Hollywood movie’”, CNN, 31 July 2016, <https://edition.cnn.com/2016/07/31/world/fethullah-gulen-turkey-fareed-zakaria-gps/index.html>

10 “15 Temmuz’da kaç kişi şehit oldu kaç kişi yaralandı?”, Yeni Şafak, 12 July 2017, <https://www.yenisafak.com/15-temmuzda-kac-kisi-sehit-oldu-kac-kisi-yaralandi-h-2754287>

11 Hüseyin Hayatsever, “CHP’den 1. yılında OHAL raporu: 50 bin tutuklu, 111 bin ihraç”, Sputnik Türkiye, 20 July 2017, <https://tr.sputniknews.com/columnists/201707201029363332-chp-ohal-birinci-yil-rapor-ihrac-tutuklu/>

12 Там же.

13 Там же.

14 “15 Temmuz’dan sonra 4 bin 238 hakim ve savcı ihraç edildi”, Milliyet, 11 May 2015, <http://www.milliyet.com.tr/15-temmuz-dan-sonra-4-bin-238-gundem-2448679/>

15 “OHAL’de hekim bilançosu: 3 bin 315 hekim ihraç edildi”, BirGün, 21 July 2017, <https://www.birgun.net/haber-detay/ohal-de-hekim-bilancosu-3-bin-315-hekim-ihrac-edildi-171010.html>

16 “TSK’dan yaklaşık 8 bin personel ihraç edildi”, Vatan, 12 July 2017, <http://www.gazetevatan.com/tsk-dan-yaklasik-8-bin-personel-ihrac-edildi-1084085-gundem/>

17 “Bakan Bozdağ’dan ‘FETÖ’ açıklaması; 48 bin 636 kişi tutuklandı”, Hürriyet, 6 May 2017, <http://www.hurriyet.com.tr/bakan-bozdagdan-feto-aciklamasi-48-bin-636-40449322>

18 Mehmet Acet, “‘Olduğunuz yere çökün!’”, Yeni Şafak, 28 August 2017, <https://www.yenisafak.com/yazarlar/mehmetacet/abd-turkiye-coksun-istedi-2039849>

19 “TSK’da general ve amiral sayısı yüzde 40 azaldı”, Yeniçağ, 23 July 2017, <http://www.yenicaggazetesi.com.tr/tskda-general-ve-amiral-sayisi-yuzde-40-azaldi-168848h.htm>

20 “CHP milletvekili Enis Berberoğlu tutuklandı”, BBC Türkçe, 14 June 2017, <http://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-40277736>

21 “Kapasitesi 207 bin 339 olan cezaevlerinde toplam 229 bin 790 kişi bulunuyor”, Habertürk, 24 October 2017, <http://www.haberturk.com/cezaevlerinde-229-bin-790-kisi-var-1684323>

²² “38 bin mahkuma tahliye”, Sabah, 17 August 2017, <https://www.sabah.com.tr/gundem/2016/08/17/38-bin-mahkuma-tahliye>

²³ “Kapasitesi 207 bin 339 olan cezaevlerinde toplam 229 bin 790 kişi bulunuyor”, Habertürk, 24 October 2017, <http://www.haberturk.com/cezaevlerinde-229-bin-790-kisi-var-1684323>

²⁴ “Adalet Bakanı açıkladı: Dış güvenlik Jandarma’da kalacak”, Hürriyet, 17 February 2017, <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/adalet-bakani-acikladi-dis-guvenlik-jandarmada-kalacak-40368719>

²⁵ “74 bin 562 pasaport iptal edildi”, Yeni Şafak, 3 August 2016, <https://www.yenisafak.com/gundem/74-bin-562-pasaport-iptal-edildi-2505053>

²⁶ “Dış borç 438 milyar dolara yükseldi”, Cumhuriyet, 29 December 2017, http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/ekonomi/895424/Dis_borc_438_milyar_dolara_yukseldi.html

²⁷ “2017 İşsizlik Oranı Belli Oldu | İllere göre işsizlik oranları”, Türkiye Gazetesi, 23 March 2018, <http://www.turkiyegazetesi.com.tr/ekonomi/552111.aspx>

²⁸ Hüseyin Aslan, “15 yılda nereden nereye?..”, Habertürk, 6 November 2017, <http://www.haberturk.com/yazarlar/huseyin-aslan/1701600-15-yilda-nere-den-nereye>

²⁹ “Fitch Türkiye'nin notunu düşürdü: Son ‘yatırım yapılabilir ülke’ notu kaybedildi”, BBC Türkçe, 28 January 2017, <http://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-38775811>

³⁰ Sercan Bahadır, “2017 yılında ithalat yüzde 17,9 ihracat yüzde 10,2 arttı”, Dünya, 11 January 2018, <https://www.dunya.com/kose-yazisi/2017-yilinda-ithalat-yuzde-179-ihracat-yuzde-102-artti/398096>

³¹ “Erdoğan'dan eğitim ve kültür özeleştirisi”, Al Jazeera Turk, 9 February 2017, <http://www.aljazeera.com.tr/haber/erdogandan-egitim-ve-kultur-ozelestirisi>

³² “İmam hatip mezunları LYS’de başarısız oldu”, Sputnik Türkiye, 10 August 2017, <https://tr.sputniknews.com/turkiye/201708101029635107-imam-hatip-mezun-lys/>

³³ Mark Lowen, “Turkey brain drain: Crackdown pushes intellectuals out”, BBC News, 28 December 2017, <http://www.bbc.com/news/world-europe-42433668>

Цибенко В. В.*

УЧАСТИЕ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТУРЦИИ: ПРИМЕР ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ¹

Самой крупной и влиятельной диаспорой Турции является черкесская (кавказская). Однако официальный политический дискурс Турции до настоящего времени исключает применение термина «меньшинство» по отношению к мусульманскому населению страны, не используется и термин «диаспора». В этих условиях и с учетом длительной ассимиляционной политики турецких властей по отношению к этническим меньшинствам в XX в. неудивительно, что определить степень участия черкесов в политической жизни Турции – достаточно сложная задача. Несмотря на традиционно активное вовлечение в общественно-политические процессы и включение во властные структуры всех уровней, вплоть до последнего времени черкесы не афишировали свою этническую принадлежность.

Ключевые слова: черкесы в Турции, этнические меньшинства, политическая трансформация

The largest and most influential diaspora in Turkey is the Circassian (Caucasian). However, the official political discourse of Turkey so far excludes the use of the term “minority” in relation to the Muslim population of the country, and the term “diaspora” is not used. Under these conditions and taking into account the long assimilation policy of the Turkish authorities in relation to ethnic minorities in the twentieth century it is not surprising that determining the degree of participation of Circassians in the political life of Turkey is a rather difficult task. Despite the traditionally active involvement in the socio-political processes and the inclusion in the power structures at all levels, until recently the Circassians did not advertise their ethnicity.

Keywords: Circassians in Turkey, ethnic minorities, political transformation

* Цибенко Вероника Витальевна – к. и. н., директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета. E-mail: tsibenkovv@sfedu.ru

Так исторически сложилось, что самой крупной и влиятельной диаспорой Турции является черкесская (кавказская). Сами черкесы – второе по численности этническое меньшинство² страны после курдов, насчитывающее, по разным оценкам, от 500 тысяч [Önder 2011, 302] до 12 миллионов человек [Jane 2010]³. Однако официальный политический дискурс Турции до настоящего времени исключает применение термина «меньшинство» (тур. *azınlık*) по отношению к мусульманскому населению страны. Не используется и термин «диаспора» (тур. *diaspora*)⁴, оставляя для официальных лиц только такие определения как «черкесские граждане» (тур. *Çerkes vatandaşları*) и «черкесское (со)общество» (тур. *Çerkes toplumu*) Турции. Однако, по большей части, черкесов не выделяют из общей массы населения, представляя их как часть турецкой нации.

В этих условиях и с учетом длительной ассимиляционной политики турецких властей по отношению к этническим меньшинствам в XX в. неудивительно, что определить степень участия черкесов в политической жизни Турции – достаточно сложная задача. Несмотря на традиционно активное вовлечение в общественно-политические процессы и включение во властные структуры всех уровней, вплоть до последнего времени черкесы не афишировали свою этническую принадлежность.

Тем не менее, на рубеже XX–XXI вв. ситуация кардинальным образом изменилась, что обусловлено рядом причин. Во-первых, в процессе евроинтеграции, поворотной точкой для которой стало предоставление Турции в 1999 г. статуса страны-кандидата на вступление в ЕС, турецкое руководство приняло на себя обязательства по обеспечению прав и свобод всех граждан вне зависимости от их «языка, расы, цвета кожи» и пр. [Кудряшова 2004]. Во-вторых, Турция с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. начала отходить от жестких рамок национального государства к неоимперской (неоосманской) модели [Аватков 2014; Цибенко 2016].

Как следствие, возможности этнических меньшинств сохранять свою культуру и родные языки значительно расширились, более того они получили право получать поддержку турецкого

правительства в этой области. Так, например, в 2009 г. был запущен государственный телеканал на курдском языке «TRT Kurdi» в формате 24/7. Аналогичного шага от турецких властей ждут и черкесы, о чем свидетельствуют их требования при проведении массовых акций. При этом стоит отметить, что в двух университетах турецких городов Дюздже и Кайсери в 2013 г. были открыты кафедры черкесского языка и литературы⁵.

Произошедшие изменения привели к тому, что черкесы в Турции получили больше возможностей для своего публичного самовыражения и отстаивания своих этнических требований, что привело к ускорению процессов этнополитической мобилизации, форсированных также и внешними факторами. Среди последних необходимо в первую очередь упомянуть:

- распад СССР и, как следствие, появление возможности беспрепятственного посещения исторической родины;
- попытки объединения Адыгеи с Краснодарским Краем в единый субъект РФ, о которых черкесские активисты рассказывали через средства массовой информации, мобилизуя черкесов России и диаспоры на массовые протесты в 2005–2006 гг.;
- проведение Олимпиады в г. Сочи в 2014 г., что дало черкесам возможность привлечь к своим политическим требованиям широкое международное внимание, в том числе, признанию «геноцида» черкесов со стороны России 150 лет назад на данных территориях [Hansen 2012; Lopes; Zhemukhov 2009].

Условно участие черкесов в политических процессах в Турции в контексте их этнополитической мобилизации можно разделить на две составляющие, ориентированные на достижение внешних и внутренних целей соответственно.

Политические требования черкесов, более известные как «черкесский вопрос», формулируются политическими лидерами и активистами диаспоры следующим образом: признание Россией и Турцией массового переселения черкесов после окончания Кавказской войны⁶ в Османскую империю актом геноцида; предоставление компенсаций со стороны РФ и двойного гражданства; объединение исторически принадлежавших черкесам земель в единый субъект внутри РФ либо государственное об-

разование; поддержка переселения черкесов на историческую родину.

Одновременно черкесская диаспора Турции выдвигает ряд дополнительных требований к турецкому правительству, включающих признание «культурным геноцидом» политики ассимиляции черкесов в Турецкой Республике, обеспечение их культурных и языковых прав через прямое государственное финансирование высшего и среднего образования, а также телерадиовещания на черкесском языке.

Кроме того, огромное значение уделяется турецкими черкесами развитию отношений Турции с республиками Северного Кавказа, а следовательно, и с Россией в целом. Так, именно черкесская диаспора лоббирует признание независимости Абхазии и Южной Осетии, развитие экономических связей и вложение инвестиций в Абхазию и республики Северного Кавказа, переводит в политическую плоскость вопросы новых кавказских мухаджиров («беженцев» из Чечни и Дагестана, черкесов Сирии) и привлекает международное внимание к их положению.

Заинтересованность черкесов в поддержании связей с Северным Кавказом превращает их в активных сторонников сохранения и улучшения российско-турецких отношений. Этим объяснялись попытки черкесской диаспоры повлиять на турецкое руководство в вопросе урегулирования кризиса в российско-турецких отношениях, возникшего после того, как в 2015 г. турецкой стороной в Сирии был сбит российский военный самолет СУ-24. Тогда черкесы возложили на себя функцию «моста дружбы» между Россией и Турцией.

Немаловажен в данном случае тот факт, что только поддержание связей с Северным Кавказом позволяет черкесам Турции бороться с процессами ассимиляции в диаспоре. Ключевую роль играет сохранение, а чаще возрождение родных языков, поскольку 70% диаспоры не знает черкесского (кабардинского, адыгейского) языка [Kafkas Dernekleri... 2018] и фактически не имеет собственных квалифицированных преподавателей. Кроме того, при поддержке турецкого правительства в последние годы отдельная группа турецких черкесов реализует программу перево-

да преподавания черкесского языка в Турции на латиницу, что в перспективе еще более усилит ассимиляцию [Топчу 2017].

В этих условиях наиболее желаемой стратегией сохранения своей этнической идентичности и культуры видится черкесам возвращение на историческую родину, а при невозможности ее реализации — развитие максимально интенсивных контактов.

В итоге, для достижения своих требований и целей турецкие черкесы начали формировать собственную «этническую» политику. Помимо протестной активности, включающей демонстрации, шествия, митинги⁷, а также лоббистских встреч, переговоров, информационно-деятельности через публикации в черкесских (турецкоязычных) изданиях и сети Интернет, черкесы начали принимать непосредственное участие в политической борьбе.

Так, на парламентских выборах июня 2015 г. Партия справедливости и развития (ПСР), прокурдская Демократическая партия народов (ДПН) и ультраправая Партия националистического движения (ПНД) выставили черкесских кандидатов в депутаты [Цибенко 2015]. На повторных выборах ноября 2015 г. ПСР провела в турецкий парламент в качестве депутата от Кайсери черкешенку Хулю Нергис Атчы, которая с того момента претендует на роль главного медиатора между турецким правительством и черкесской диаспорой.

Следует отметить, что в парламент и ранее входили черкесские депутаты от ПСР, однако они не афишировали свое черкесское происхождение. Их отличало только посещение отдельных мероприятий черкесской диаспоры и публичные выступления на тему трагедии черкесов XIX в.⁸ — без упоминания о собственной этнической принадлежности.

Также важно подчеркнуть, что сближение части черкесов с прокурдскими политическими силами (например, ДПН) неслучайно и носит долгосрочный характер. В основном, стратегический альянс черкесов и курдов как «угнетенных народов» продвигают для отстаивания черкесских требований левоориентированные черкесы. Именно левое крыло черкесской диаспоры при поддержке оппозиционных курдских сил озвучивает наиболее радикальные требования в отношении турецкого правительства (например, признание «культурного геноцида»).

Однако, поскольку фактор принадлежности к этническому меньшинству сопровождается в данном сближении использованием общей левой идеологии, это позволяет не менее многочисленному правому крылу черкесской диаспоры обвинять левых черкесов в предательстве национальных интересов (как черкесских, так и турецких), сотрудничая с террористами⁹. Например, когда в 2015 г. в ходе теракта в г. Суруч, направленного против социалистической (прежде всего, курдской) молодежи, погибло несколько черкесов-активистов, ряд черкесских лидеров правого крыла отказались называть их черкесами и выражать соболезнования их семьям.

Одним из главных этапов этнополитической мобилизации черкесов стало формирование собственной политической Партии плюралистической демократии (ППД) в 2014 г. Хотя в названии в соответствии с турецкими нормами нет указания на этническую принадлежность, партия создавалась черкесами для черкесов на базе общественного движения Инициатива черкесских прав¹⁰. В июне 2015 г. ППД выставила на парламентские выборы 9 независимых кандидатов (из них 8 черкесов и 1 лаз), ни один из которых не прошел в турецкий парламент. Это было связано с отсутствием широкой поддержки среди самих черкесов ввиду мозаичности черкесской диаспоры Турции и текущей неготовностью сплотиться вокруг одной политической силы. В этой связи не случайно, что создатели партии подверглись жесткой критике альтернативных черкесских групп¹¹.

Несмотря на отсутствие успеха у первой черкесской политической партии, общая политизация диаспоры продолжает нарастать, а сама диаспора начинает активно участвовать в политической трансформации Турции. Примером тому служит вовлечение черкесов в дискуссию вокруг изменений в конституции страны. Длительное время эта тема, инициированная сверху, является одной из главных в общественном дискурсе страны. Действующая до настоящего времени конституция была принята в 1982 г. после военного переворота, что обусловило ее строгость в отношении религиозных и иноэтничных групп. В этой связи этнические меньшинства, как и исламски ориентированная ПСР,

заинтересованы в принятии новой конституции Турции. Что касается черкесов, то центральная организация диаспоры – зонтичная Федерация кавказских ассоциаций (Каффед)¹² – в 2011 г. подготовила список из восьми «черкесских демократических требований», в первую очередь¹³, подготовки новой конституции, которая будет защищать права этнических меньшинств – уважать права человека; соответствовать международным нормам; устранять все ограничения, накладываемые на религиозные верования, культуры и родные языки граждан Турции [Türkiye Çerkeslerinin... 2011].

Отреагировали черкесы и на внесение изменений в конституцию Турции в 2017 г. Характерно, что диаспора активно включилась как в обсуждение, так и в критику поправок к конституции, выставленных на референдум 16 апреля 2017 г. [Цибенко 2017 (б)], разделившись на несколько оппозиционных друг другу групп по принципу принадлежности к правому или левому политическому крылу, светскому или религиозному сектору турецкого общества. При этом переход от парламентской к президентской форме правления был положительно оценен только религиозным крылом черкесской диаспоры.

Следует отметить, что черкесы Турции выражают меньшую степень религиозности, чем турецкое общество в целом. Эта особенность проявляется в более свободных (однако, регламентированных традиционным этическим кодексом Адыгэ Хабзе) отношениях между полами, большим количеством женщин без хиджаба, особенно среди руководства черкесских организаций. Таким образом, этническая идентичность преобладает над религиозной.

Существенно отличается религиозное крыло черкесской диаспоры прежде всего тем, что этническую идентичность считает подчиненной религиозной, а потому главенствующими идеями для них становятся братство и единство всех мусульманских народов Кавказа и признание Турции центром мусульманского мира (в данном случае речь идет о продолжении восприятия Турции как Османского Халифата). Естественным образом, при таких установках усиление системы лидерства в стране, тем более вкупе с усилением происламского курса турецкого правительства и ори-

ентации на религиозные нормы и ценности, получает очень высокую оценку именно в среде религиозных черкесов.

Также естественно, что наиболее критично по отношению к референдуму, как и к любым инициативам действующих властей, настроены левоориентированные черкесы. Это, в свою очередь, порождает конфликт политических взглядов внутри черкесской диаспоры и делает этнополитическую мобилизацию вариативной и даже разнонаправленной.

При этом конфликт левых и правых, последние из которых характеризуются именно религиозным уклоном и даже близостью к турецким националистам, разворачивается среди черкесов Турции уже с 60-70-х гг. XX в., что позволяет говорить о фиксации подобного разделения. Необходимо, однако, отметить, что большинство черкесов диаспоры¹⁴ на первое место ставят свою этническую идентичность, а не религию или идеологию. Основное их отличие в контексте участия в политических процессах Турции — ориентация на свою историческую родину и связанное с этим повышенное внимание к развитию отношений Турции с республиками Северного Кавказа.

Подводя итог, следует отметить, что черкесов Турции непосредственно затронули такие важные события последних лет как охлаждение и улучшение российско-турецких отношений; попытка военного переворота в Турции 15 июля 2016 г.; серия терактов по всей стране; парламентские выборы, проведенные дважды в 2015 г. и референдум о внесении поправок в конституцию Турции, направленных на переход страны от парламентской к президентской форме правления.

Изучение вовлеченности диаспоры в эти процессы позволило рассмотреть, как формируется «этническая» политика черкесов. Турецкие черкесы взяли на себя активную роль по влиянию на общественно-политическую ситуацию в стране и ее трансформацию в таких вопросах как изменение национально-ориентированного курса внутренней политики и положения прав этнических меньшинств. Черкесы также старались воздействовать на внешнеполитический курс страны в отношении Москвы и северокавказских республик.

При этом черкесская диаспора не выступала как монолитная сила, а делилась на группы в зависимости от того, какая идентичность выставлялась ими на первый план — этническая, религиозная или идеологическая. Это дало возможность выделить в ходе исследования неоднородность и даже разнонаправленность этнополитической мобилизации черкесов, которая находится в противоречии с мобилизацией этнорелигиозной.

Кроме того, пример борьбы против ассимиляции черкесской диаспоры, претерпевающей активную политизацию в рамках корректировки турецкого национального проекта, представляет обширный материал для сравнения и анализа с положением других этнических меньшинств Турции — курдов, крымских татар, ногайцев и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. №3. С. 71–78.
2. Кудряшова Ю.С. Копенгагенские критерии и Турция // Востоковедный сборник. Ред. А. О. Филоник Вып. 6. М.: ИИИиБВ, 2004. С. 118–131.
3. Топчу (Папшу) М. Состояние и перспективы изучения родного языка в черкесской диаспоре Турции // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева. Майкоп, 2017. № 12 (36). С. 147–153.
4. Цибенко В. В. (а) Восприятие «Кавказской войны» в западной и турецкой историографии // Кавказология. 2017. №4. С. 84–94.
5. Цибенко В. В. Обыкновенный неоосманизм: османские очаги и янычары дворца // Арабские маршруты в азиатском контексте. Ред. П. И. Погорельский, М. И. Василенко. СПб: МАЭ РАН, 2016. С. 394–404.
6. Цибенко В. В. Северо-Западный Кавказ в политическом фокусе Турции в контексте парламентских выборов 2015 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015, № 5. С. 56–63.
7. Цибенко В. В. (б) Черкесский взгляд на конституционный референдум в Турции // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017, № 3. С. 77–86.
8. DEİK (Dış Ekonomik İlişkiler Kurulu). Türk Diaspora Stratejileri. Türk Diasporası için Öneriler [Электронный ресурс]. Kasım, 2011. URL: <http://www.deik.org.tr/Shared%20Documents/Dunyada%20Diaspora%20>

Stratejileri%20ve%20Turk%20Diasporasi%20icin%20Oneriler.pdf (дата обращения 06.04.2017).

9. Ertekin S. Çerkes sürgününde ölenler anıldı [Электронный ресурс] // Al Jazeera Turk. 2015. URL: <http://www.aljazeera.com.tr/al-jazeera-ozel/cerkes-surgununde-olenler-anildi> (дата обращения: 27.01.2018).

10. Hansen L.F. Renewed Circassian Mobilization in the North Caucasus. 20-years after the Fall of the Soviet Union // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe: JEMIE. Vol 11. No2. 2012. P. 103–135.

11. Jane Ş. Çerkes Nüfusu İçin Yaklaşımlar [Электронный ресурс] // Cerkes.net. 2010. URL: www.cerkes.net/cerkes/index.php/ozel/makale/249-cerkesnufusu-icin-yaklasimlar.html (дата обращения: 27.01.2018).

12. Kafkas Dernekleri Federasyonu (KAFFED). Çerkesler Dillerine Sahip Çıkıyor [Электронный ресурс] // TRT AVAZ.2018. URL: <https://www.facebook.com/Kafkas.Dernekleri.Federasyonu/videos/10156112575044717/> (дата обращения: 27.01.2018).

13. Lopes T.F. End Game or New Game to the Circassian Ethnonational Agenda? [Электронный ресурс] // Strategic Outlook. URL: www.strategicoutlook.org/caucasus/news-end-game-or-new-game-to-the-circassian-ethnonational-agenda.html (дата обращения: 27.01.2018).

14. Önder A.T. Türkiye'nin Etnik Yapısı. Ankara: Kripto Yayınları, 2011.

15. Tsibenko V.V. The War which was not: Russian, Turkish and Western Historiography on the North-Western Caucasus of the 19th Century // Bylye Gody. 2016. Vol. 42. Is. 4. P. 1148-1157.

16. Türkiye Çerkeslerinin Demokratik Talepleri [Электронный ресурс] // Kafkas Dernekleri Federasyonu.2011. URL: <http://www.kaffed.org/kaffed/taleplerimiz/item/939-turkiye-cerkeslerinin-demokratik-talepleri.html> (дата обращения: 27.01.2018).

17. Zhemukhov S. The Circassian Dimension of the 2014 Sochi Olympics // Ponars Policy Memo. 2009. №65. P. 1–5.

18. Zhemu Ponars Policy Memo, 2009, No. 65, P. 1–5.

Примечания

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ в сфере научной деятельности. №30.2875.2017/8.9. Проведенное исследование основано на материалах, собранных автором в ходе исследования черкесской диаспоры Турции в 2013-2018 гг. Анализу подвергаются деятельность черкесских организаций в Турции (более 150), публикационная активность черкесских СМИ Турции, дискурс черкесского сегмента социальных медиа.

² По отношению к черкесам определение «этническое меньшинство» используется условно, поскольку в Турции традиционно под черкесами по-

нимают всех выходцев с Северного Кавказа, а также абхазов и осетин. Тем не менее, подавляющее большинство черкесов Турции составляют этнические адыги, что соответствует более корректному пониманию этнонима «черкес».

³ В Турции отсутствует официальная статистика этнического состава страны, в этой связи при подсчете используют косвенные признаки.

⁴ Только по отношению к турецкой диаспоре за рубежом. См., например: [DEİK 2011].

⁵ Первые выпускники кафедры в Университете Дюздже получили свои дипломы в 2017 г., кафедра (направление) в Университете Эрджиес осуществляет первый набор студентов в 2018–2019 г. Такая задержка объясняется отсутствием квалифицированных кадров для обеспечения преподавательского состава. На обеих кафедрах преподавание осуществляется силами преподавателей с Северного Кавказа.

⁶ Термин «Кавказская война» и принятая хронология 1817–1864 гг. вызывает возражения в среде российских и зарубежных исследователей. Подробнее см.: [Цибенко (а) 2017; Tsibenko 2016].

⁷ Максимальное участие черкесов отмечено в ежегодных траурных мероприятиях 21 мая в память о «геноциде и изгнании» черкесов в 1864 г. Так, в 2015 г. в протестной акции у Генерального Консульства РФ в Стамбуле участвовало 5 тысяч человек [Ertekin 2015].

⁸ Как правило, в качестве ответных действий на заявления РФ о положении и исторической трагедии армян в Османской империи.

⁹ Именование курдских политиков террористами распространено в турецком провластном политическом дискурсе.

¹⁰ Создано в 2011 г. для отстаивания черкесских культурных прав и продвижения требований в рамках «черкесского вопроса».

¹¹ Более подробно о политической деятельности партии и ее восприятии черкесами см.: [Цибенко 2015].

¹² Создана в 2003 г. на базе существовавшего ранее объединения и на данный момент включает в свой состав 53 организации.

¹³ Остальные требования — взятие под защиту культурных прав и идентичности; введение образования на родном языке; запуск телерадиовещания на черкесском языке; поддержка черкесских общественных организаций, ориентированных на культурную деятельность; признание права на репатриацию; укрепление отношений с республиками Северного Кавказа; признание независимости Абхазии и Южной Осетии.

¹⁴ В эту категорию не входят т.н. турки с черкесскими корнями

Саетов И. Г.*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ ТУРЕЦКО-ОСМАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «МЕДЕНИЕТ» В БОЛГАРИИ В 1933 Г.

В статье исследуется турецкая газета Medeniyet, запущенная в 1933 году в Болгарии. Цель работы — показать как исторические, так и политические контексты газеты, которая публиковалась на османском языке и оппонировала кемалистам в Турции и Болгарии с исламских позиций, а также раскрыть основные темы ее первых десяти номеров. Исследование основывается на первичных источниках, которые в полном объеме до этого никогда не изучались. В конце приведены заголовки всех статей первых десяти выпусков в современной турецкой транскрипции и в переводе на русский язык.

Ключевые слова: Турецкая пресса в Болгарии, кемализм, исламизм, мусульмане на Балканах, 1930-е годы XX века

This research looks at the Medeniyet, Turkish newspaper, launched in 1933 in Bulgaria. The goal is to show both historical and political contexts of the newspaper, published in Ottoman language and opposing to Kemalists in Turkey and Bulgaria, and discover main topics of its first ten issues. Research draws upon primary sources, never examined thoroughly before. At the end, all titles of these issues are given in modern Turkish description and in translation to Russian.

Key words: Turkish press in Bulgaria, Kemalism, Islamism, Muslims in the Balkans, 1930s of the 20th century

История османской прессы начинается с газеты «Таквим-и Векаи», которая увидела свет в 1831 г. Первая частная газета «Терджюман-ы Ахваль» появилась на тридцать лет позже и с

* Саетов Ильшат Габитович – кандидат политических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: saetov@ivran.ru

1860-х гг. в империи начался бурный рост СМИ. Не обошел он стороной и турок в Болгарии.

С расширением территории и влияния Османской империи в Европе в 14–15 веке началось переселение тюрков-огузов на земли современной Болгарии. К моменту начала русско-турецкой войны 1878 г. туркоязычное население составляло примерно треть населения Болгарии, к концу 19 века — примерно 14%¹. По другим данным, к 1900 году турок в 1900 г. было 31,6%².

Широту аудитории турецко-османской прессы в Болгарии подтверждает как количество выпускаемых газет — Аджароглу насчитал их 125 в период до 1944 года³ — так и разнообразие представленных взглядов и течений⁴.

Автономия, а затем и независимый статус Болгария служил защитой для свободы турецко-османской прессы. Оппозиционные правящему в Стамбуле, а затем Анкаре режиму СМИ до начала 1930-х гг. имели возможность высказывать свои взгляды, не опасаясь быть тотчас закрытыми. Можно сказать, что 20-е гг. XX века в Болгарии были самой либеральной эпохой и плодотворной почвой для турецко-османских СМИ, возможно, за всю их историю.

Карагёз делит османо-турецкие СМИ, выходившие в Болгарии в 1879-1945 гг., на четыре группы:

1. Газеты, которые выпускали «восставшие против султана» и разъехавшиеся по миру и, в том числе, обосновавшиеся в Болгарии «просвещенные турки» — сторонники реформ.

2. Партийные газеты.

3. Националистические и революционные газеты.

4. Газеты, которые выпускали сбежавшие из Турции «реакционеры и ходжи»⁵.

Ургандокур относит ко второй группе в период 1923–1933 гг. газеты «Чифтчи Бильгиси», «Зия», «Тунджа», «Достлук»; к третьей (куда она причисляет и газеты, которые Карагёз выделил в отдельную первую группу) — «Туран», «Оздилек», «Истикбаль», «Родоп», «Делиорман» и др. В четвертую категорию попадают «Ачкxсёз», «Румели», «Ярын» и другие газеты, в том числе, «Медениет», являющаяся предметом настоящего исследования⁶.

Описание газеты

Газета «Медениет» (с тур. — «культура/цивилизация») начала выходить в сентябре 1933 г. в городе Пловдиве, печаталась в типографии «Зарафет». Затем печать перенесли в Софию, в типографию «Нювваб». Выходила раз в неделю, с 15-го номера — раз в 10 дней, затем до закрытия — раз в две недели.

Формат газеты — близкий к фолио, 31 на 47 см, четыре страницы.

По тиражу данные разнятся от 300 до 2750 экземпляров, представляется что реальный тираж был близок к двум тысячам (для сравнения, тираж других популярных газет: «Туран» — 1000 экз., «Тербие» — 1500, «Балкан» — 800–3000, «Чифтчи» — 1500, «Делиорман» — 1000, большинство же выходило тиражом 200–500 экземпляров). Стоимость «Медениет» составляла 3 лева, годовой абонемент — 100 левов.

Печаталась на османском/арабском шрифте. Название газеты и выходные данные также давались на болгарском.

Владельцем газеты являлся Ахмет Хикмет из Ипсала (Эдирне). Из-за сотрудничества с греками при захвате Эдирне был выдворен в 1924 г. за границы Турции. Был депутатом в Греции, затем перебрался в Болгарию. Открыл газету «Ачык Сёз», в 1931 г. болгарские власти ее закрыли, его сослали в село рядом с Шумне. В 1932 г. вернулся в Пловдив.

Редактировал газету Юсуф Шинаси Якубов. Ранее он редактировал «Интибах» и «Сада-йы Ислам». Ответственным директором и редактором «Интибах» был и активный автор «Медениет» Неджип Мустафа Асым (ум. в 1935), зам. муфтия Болгарии, преподаватель медресе «Нювваб». Газета «Интибах» была закрыта из-за нападок националистических и революционных газет и активных действий МИД Турции.

Ответственным директором «Медениет» был Хаджи Мехмед Ахмедов (из г. Асеновград, но выходец из Турции), который ранее был совладельцем «Ачык Сёз».

С 26-го номера «Медениет» стала официальным органом «Общества защитников религии ислама». Среди авторов — известный шейх Хафиз Юсуф Шинаси Якуп оглу.

С 240-го номера – ответственный директор Ахмет Пехливан оглу.

Газета существовала при финансовой поддержке головного муфтията Болгарии, а также различных «турецких оппозиционных сил», считает Окдай⁷.

Политическая ситуация

Положение болгарских турок сильно изменилось после получения Болгарией автономии (1878–1879 гг.) и независимости (1908 г.). Из представителей «государствообразующей» нации в колонии турки стали меньшинством в стране с православным большинством. Ситуация осложнялась противостоянием новой родины и наследников старой метрополии, а также внешнеполитической переориентацией болгарских властей на Россию и Запад. Для определения статуса мусульман Болгарии была взята османская модель “миллета”, основу которой заложил Ней-иский договор (1919 г.). На какое-то время турки Болгарии, не игравшие активную роль в политической жизни страны и представлявшие в основном сельское население, находились вне фокуса политики Софии. Однако обострение отношения между Турцией и Болгарией в конце 20-х – начале 30-х гг. XX века и растущий градус болгарского национализма привели к тому, что на внутренний «турецкий фактор» стали обращать все больше внимания. К 1933 г. практически все турецко-османские газеты были закрыты. В этом же году в Анкаре был подписан двусторонний греко-турецкий договор о “сердечном согласии”, который был направлен против Болгарии. Возможно, эти обстоятельства и послужили благоприятной почвой для появления газеты «Медениет», запуск которой по времени практически совпадает с названными событиями. В 1934 г. в Софии произошел военный переворот, власть в результате которого сконцентрировал в своих руках царь Борис, который проводил авторитарную политику и начал сближение с национал-социалистической Германией. Он руководил Болгарией вплоть до занятия страны советскими войсками в 1944 г. “Нужно задуматься о том, – пишет Аджароглу, – почему “Медениет” была единственной газетой, которой дали разрешение выходить в 1933–1944 гг., то есть и

в годы Второй мировой войны!»⁸. «Когда все газеты с новыми взглядами закрыты, эта продолжает выходить», — недоумевает Карагёз, также делая намек на связь редакции с болгарскими властями⁹. Несмотря на априори негативное отношение этих авторов к мусульманской (и оппозиционной кемализму) прессе и некоторые неточности в оценках (некоторые другие газеты все же выходили в эти годы, хотя и непродолжительное время), на справедливо задаваемые этими авторами вопросы ответ еще предстоит найти.

Отечественный исследователь Наапетян, который настроен довольно тенденциозно — он уже в заголовке работы именует турок в «пятой колонной», ссылаясь на издание «Bulgaria Turks», подобно турецким коллегам подчеркивает оппозиционность «Медениет» кемалистам: «Проводником идеологии республиканского правительства Турции был и журнал «Делиорман», между тем более религиозная часть болгарских турок стала издавать журнал «Медениет», осуществляющий контрпропаганду против Ататюрка»¹⁰.

Несомненна преемственность «Медениет» с выходившими ранее «Ачыксёз» и «Интибах». Про первую из них Окдай пишет: «Представляет взгляды ходжей и беженцев, открывших в Шумене Медресе Ньюваб... Орган Турецкой демократической партии в Париже»¹¹. Связь «Медениет» с сообществом медресе «Ньюваб» также очевидна: как отмечалось выше, газета уже с 7-го номера выходила в типографии медресе, кроме того, многие авторы статей являлись в то же время преподавателями в этом медресе. Хатибоглу, современный автор с мусульманскими взглядами, считает, что «в начале газета отстаивала консервативную линию, затем с увеличением влияния медресе «Ньюваб» перешла на реформаторские позиции. Защищала исламскую культуру». Цитируя редактора Ахмета Хикмета, исследователь обозначает цель издателей следующим образом: «Объединить настоящих мусульман, чтобы они защищали религию, спасти беспечных и молодежь от невежества, религию от недостойных нападок, поощрять использование законов нашей страны и показать прямой путь»¹².

Основные темы «Медениет» в 1933 г.

Содержание первых десяти номеров газеты «Медениет» (19 августа – 16 декабря 1933 г., более 100 статей), которую в целом допустимо охарактеризовать как исламско-политическую, можно классифицировать по следующим темам (все заголовки см. ниже):

1. Несомненно, газета, в первую очередь, политической направленности, темы внутренней и внешней политики находятся на первом месте. Проблемы международных отношений, особенно касающиеся Турции, доминируют по объему над всеми остальными. Часто упоминаются также Греция, Австрия и Германия, иногда Россия, Центральная Азия, Америка и другие страны. Несколько номеров подряд освещается тема союза Греции и Турции, раскрываются негативные последствия этого договора. Несмотря на то, что рубрикация как таковой в газете нет, периодически (видимо, когда количества сообщений достаточно) новости делят на внутриболгарские («внутренние») и международные («внешние»).

2. Много новостей про царя Болгарии, например, в 10-м номере их в общей сложности три (из 17).

3. Кемализм и вообще революционные идеологии, даже в отдельных уголках земного шара, также занимают существенную долю публикаций, в контексте угроз для Болгарии. Акцентируются негативные, с точки зрения редакции, последствия кемализма в Турции - упадок морали, деградация социальных отношений и т.п. Иногда авторы газеты вступает в полемику с публикациями или заявлениями кемалистов. Явное беспокойство у редакции газеты вызывают представители Турции в Болгарии – как действия посольства, так и визиты отдельных турецких политиков.

4. Практически в каждом номере имеются новостные сообщения из Турции. По всей видимости, собственного корреспондента у редакции там нет, поэтому публикации, в основном, представляют перепечатки, нередко с комментариями, из национальной турецкой прессы.

5. Основной красной линией газеты, сквозь призму которой рассматриваются большинство тем, является ислам. В газе-

те много статей как непосредственно по исламскому богословию, так и смежным темам, связанным с религией - внедрением латинского алфавита, развитием мировой цивилизации. Само название газеты «Медениет» означает, согласно редакционной статье в первом номере, «исламскую цивилизацию». Заметен пиетет по отношению к монархическому режиму и халифату.

6. Есть публикации в форме обращения к властям Болгарии, редакция явно рассматривает власти Болгарии в качестве своей аудитории. В частности, очень показательна адресованная министру образования публикация, в которой автор пишет: «Как вы знаете, в Турции создана республика на лаицистской основе. Основа революций — молодежь. В школах Турции запрещены уроки религии. Духовное и божественное никак не могут быть преподаны молодежи, за это предусмотрены тяжелые наказания. Поскольку молодежь не постигает Творца [в школе], они ему не поклоняются. Моральные ценности полностью поменялись. Политика образования построена на основе материального, наслаждения и разврата (богемности). Когда в Турции был халифат, мусульмане были к нему привязаны. Сегодня, несмотря на то, что формально мы турки, мы по-прежнему мусульмане, наша вера сильна и мы к ней привязаны, у нас не осталось никаких отношений с безбожной революцией и нынешним правительством Турции. Пока есть свободные законы Болгарии, никакое покровительство нам не нужно... Но тут некоторые из турок хотят внедрить лаицистскую систему как в Турции. Они заручились поддержкой некоторых инспекторов образования и сеют смуту....» (Медениет, №6, 12.10.33).

7. Кроме политики и ислама, в газете уделяется некоторое место некрологам, рекламе (типографии «Нювваб», в частности), новостям местной мусульманской общины.

Ниже представлены все заголовки первых десяти номеров газеты "Медениет". Они приводятся в современной транскрипции на турецкий язык и, через две обратные косые черты, дается перевод на русский язык. Там, где заголовок отсутствует, в скобках кратко описывается основной посыл сообщения. Заголовки даны в порядке очередности чтения номеров газеты – с первой

страницы по четвертую и справа налево, сверху вниз, на отдельных страницах.

№1, 19 августа 1933 года

1. Mesleğimiz... // Наше призвание...
2. Medeniyet nedir // Что такое цивилизация
3. Beyanname-i dini // Религиозный манифест
4. Filibe'de nümayiş ve katl // Представление и убийство в Филибе
5. Kuba'da 'isyan // Восстание на Кубе
6. Iraktaki ihtilal // Революция в Ираке
7. Türkiye'de // В Турции
8. Siyasi ziyaretler // Политические визиты
9. Uzak Şark'de neler oluyor? // Что происходит на Дальнем Востоке?
10. Sofiya kongresi // Софийский конгресс
11. Musiyev (Hayriyev) ne için seyahat ediyor? // Почему путешествует Мусиев-Хайриев?
12. Radikal kongresinde // На конгрессе радикалов
13. Radikal kongresinin kararı // Решение конгресса радикалов
14. Almanya-Avusturya münasabeti // Отношения Германии и Австрии
15. Son bir ikaz // Последнее предупреждение

№2, 1 сентября 1933 года

1. Medeniyet nedir // Что такое цивилизация
2. Yeni harf meselesi // Проблема нового алфавита
3. Fransızlar, Alemi İslamı anarşiden kurtaracak ancak hilafetin iadesidir diyorlar // Французы говорят, что мир ислама от анархии спасет только возврат халифата
4. Bulgar maarif nezaretinin mühim bir kararı // Одно важное решение министерства образования Болгарии
5. Asuri ne Nasturi isyanı // Восстание ассирийцев и несторианцев
6. Mühim bir casusluk // Важное событие в области шпионажа
7. İtibar // Внимание

8. Gençler okusun! // Пусть прочтет молодежь!
9. Mezahib müdür gospodin Guruyefin dikkatine // Вниманию директора [комитета] по делам религий г-на Гурюева
10. Ben Kemalistim' diyenler okusun! // Пусть прочтут те, кто говорит "Я – кемалист"!
11. Zarafet Matbaası // Типография "Зарафет" (реклама)

№3, 10 сентября 1933 года

1. Nur-ı İslam sönmeyesektir // Свет ислама не погаснет
2. Arz-ı teşekkür // Объявление благодарности
3. Harf meselesi // Проблема нового алфавита
4. Zalim // Тиран
5. Viyana'da Türkiye'den kurtuluş bayramı // Праздник спасения от Турции в Вене
6. Viyana ihtifali // Празднества в Вене
7. Irak emiri Feysal Bern'de öldü // В Берне умер эмир Ирака Фейсал

№4, 23 сентября 1933 года

1. Türk-Yunan ittihamı: Bizans hakimiyeti ihya mı oluyor? // Турецко-греческий союз: возрождение византийского правления?
2. İslam'da hilafet // Халифат в исламе
3. Türk-Yunan misakinin metni // Текст соглашения между Турцией и Грецией
4. Yunan icalisi Fener Patrikhanesinde // Греки в Константинопольской церкви
5. Yazıklar olsun! // Позор!
6. Mücahid bir müfti // Муфтий-муджахид

№5, 2 октября 1933 года

1. İnkılab karşısında Bulgaristan müslümanları // Болгарские мусульмане перед лицом революции
2. Bulgar-Türk dostluğu // Болгарско-турецкая дружба
3. Yunanlar tezvirata başladı // Греки начали распространять ложь
4. Harb mağlûpleri birliği // Союз ветеранов войны
5. Türkiye nüfûsü artıyor // Население Турции растет
6. (нет заголовка) // (Про смерть Мустафы Февзи)

7. Şehzade Abdulkadir Efendi // Принц Абдулькадир эфэн-ди
8. (нет заголовка) // (Турецкий консул в Пловдиве поехал на месяц в Кырджалы для инспекции)
9. Hindenburg çekiliyor mu? // Гинденбург отходит [от политики]?
10. Viyana'da siyasi bir cinayet // Политическое убийство в Вене
11. Grajdansky klüb terhinmi ediliyor? // Гражданский клуб берут в заложники?
12. Itizar // Извинения
13. Şayan dikkat bir istihbara cevap // Ответ на сведения, достойные внимания
14. Venizelos da Istanbulda! // И Венизелос в Стамбуле!

№6, 12 октября 1933 года

1. Maarif Nazarı muhteremi dohtur Boyadjiev hazretlerine açık arz-ı hal // Открытое письмо уважаемому министру образования Бояджиеву
2. Türk edipleri de cihan matbuatının hürriyetinden sıkılmağa başladılar // И турецкие литераторы начали уставать от свободы мировой прессы
3. Fes giyenlere müjde // Хорошая новость для тех, кто носит фески
4. Türkiye müsülmanları ne günlere kimin ellerine kalmış, yahu! // Боже, в какие руки попали мусульмане Турции, в какое время!
5. Dostluk hatırası // Напоминание о дружбе
6. Türk-Yunan dostluğunun Bulgaristandaki akisleri // Эхо греко-турецкой дружбы в Болгарии
7. Tayinler // Назначения
8. Türk-Yunan misakinin semerelerinden bir numune // Один из плодов турецко-греческого союза
9. (нет заголовка) // (После союза с Грецией кемалисты меняют учителей в Западной Тракии, внедряют своих агентов)
10. Türk haberleri // Новости Турции

№7, 13 ноября 1933 года

1. Müslümanlarda buhranı-ictimai ve tedavisi // Общественная депрессия у мусульман и ее лечение
2. Eşkal-i idare // Формирование власти
3. (нет заголовка) // (От спецкорра в Румынии)
4. Tarih-i ilm // История наук
5. (нет заголовка) // (Объявление)
6. Yeni harf meselesi // Проблема нового алфавита
7. Yeni Türk mefkurecilerininindi // Они принадлежали к новым турецким мечтателям
8. Hayırlı bir müessese // Благое учреждение
9. İ'tizar // Извинения

№8, 24 ноября 1933 года

1. Müslümanlarda buhranı-ictimai ve tedavisi // Социальные потрясения среди мусульман и их лечение
2. "Mir" gazetesindeki hezeyanlar dolayısıyla // В связи с чепухой[, написанной] в газете "Мир"
3. (нет заголовка) // (Про вероятность российско-японской войны)
4. Almanyadan kovulan Yahudiler Türkiye'ye mi yerleşecek? // Обоснуются ли в Турции евреи, прогнанные из Германии?
5. Afgan kralı Nadir Han öldürüldü // Убит король Афганистана Надир-хан
6. Japonlar hazırlanıyor // Японцы готовятся
7. Karlova şimendifer hattının resmi keşadı // Официальное открытие железной дороги в Карлово
8. Parası olanlar okusun // Пусть прочитают те, у кого есть деньги
9. Türkiye sefareti vekili-harici Fuad Beyin mağrifetleri // Махинации Фуад-бея, представителя турецкого посольства
10. Kamara havadisleri // События Палаты
11. Nüvvab Matbaası // Типография [медресе] Ньюваб (реклама)

№9, 4 декабря 1933 года

1. Leyle-i Beraat // Ночь Бераат
2. Müslümanlarda buhranı-ictimai ve tedavisi // Социальные потрясения среди мусульман и их лечение

3. Ankara hükümetinin harf inkılabı // Алфавитная революция правительства Анкары
4. Leyle-i Mirac // Ночь Миладж
5. Türkistan Çini Sultanı // Султан китайского Туркестана
6. Eşkal-i idare // Формирование власти (начало в №7)
7. Çar hazretleri Belgrada gidecekler // Их высочество царь поедут в Белград
8. (без заголовка) // (О дефтерии в Германии)
9. Yeni tayinlat // Новые назначения
10. (без заголовка) // (Об открытии ж/д сообщения в Пловдиве)
11. Dikkat // Внимание [на способы подписки]
12. Takvim // Календарь (реклама)
13. Nüvvab Matbaası // Типография [медресе] Ньюваб (реклама)

№10, 16 декабря 1933 года

1. Ramadan al-mubarek // Пусть будет благословен Рамазан
2. Müslümanlarda buhranı-ictimai ve tedavisi – 3 // Social depression among Muslims and its cure - 3
3. Eşkal-i idare // Формирование власти (продолжение)
4. Bulgar-Yunan muzakeresi // Болгарско-греческие переговоры
5. Tamirat borçları meselesi // Проблема выплат репараций
6. Çar hazretlerinin Belgrad seyahatı // Путешествие их высочества царя в Белград
7. Borçlar kanunu ne oluyor? // Что происходит с законом о долгах?
8. Çar hazretlerinin Romanya seyahatı da tahkik oluyor // Его высочество царь осуществляет также поездку в Румынию
9. Asılsız haberler // Необоснованные новости [об отставке правительства]
10. Istanbulda yangın // Пожар в Стамбуле
11. Fransızların çarımız hakkındaki takdirleri // Одобрение французами нашего царя
12. Yunan hariciye nazarı Romada // Министр иностранных дел Греции в Риме

13. Taşkentte bulunan mühabir mahsususmuzdan // От нашего специального корреспондента, находящегося в Ташкенте
14. Fransızlar yine Amerika'ya borcunu ödemiyor // Французы опять не платят долги Америке
15. Dikkat // Внимание [на способы подписки]
16. İlan // Объявление (рекламное о часовщике)
17. Nüvvab Matbaası // Типография [медресе] Ньюваб (реклама)

Примечания

¹ Eminov, A. (1997). Turkish and other Muslim minorities in Bulgaria. Routledge. – С. 138.

² Ertürk, H., Eminoglu, R., & İhsanoğlu, E. (1993). Bulgaristan'da Türk-İslam eğitimi ve kültür müesseseleri ve Medresetü'n-Nüvvab. İstanbul: İslam Tarih, Sanat ve Kültürünü Araştırma Vakfı. – С. 4.

³ Acaroğlu, M. T. (1990). Bulgaristan'da Türk 120 yıllık Türk gazeteciliği: 1865–1985. İstanbul: Gazeteciler Cemiyeti. — С. 3–65.

⁴ Для сравнения, когда тот же автор в 1970-х посетил Болгарию, там остались всего одна газета и один журнал на турецком языке, выходявшие в Софии. “Новые поколения турков уже не могут читать газеты и журналы на своем языке”(Acaroğlu, 1990, р. 67).

⁵ Karagöz, Â. R. (1945). Bulgaristan Türk basını: 1879–1945. İstanbul: Üniversite Matbaası. – С. 3–4.

⁶ Urgandokur, M. (2004). Türkiye-Bulgaristan ilişkileri (1923–1933) (Master thesis). Celal Bayar Üniversitesi. – С. 227.

⁷ Okday, I. (1982). Bulgaristan'da Türk basını. Ankara: Basın Yayın Genel Müdürlüğü. – С. 117–119.

⁸ Acaroğlu, M. T. (1990). Bulgaristan'da Türk 120 yıllık Türk gazeteciliği: 1865–1985. İstanbul: Gazeteciler Cemiyeti. – С. 32.

⁹ Karagöz, Â. R. (1945). Bulgaristan Türk basını: 1879–1945. İstanbul: Üniversite Matbaası. – С. 59–60.

¹⁰ Наапетян, А. (2007). ТуркиБолгарии: пятая колонна Анкары. 21-й век, (1 (5)). – С. 86 [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turki-bolgarii-pyataya-kolonna-ankary>]

¹¹ Okday, I. (1982). Bulgaristan'da Türk basını. Ankara: Basın Yayın Genel Müdürlüğü. – С. 27–29.

¹² Hatiboğlu, İ. (2003). Medeniyet. In İslâm Ansiklopedisi (Vol. 28, pp. 301–303). TDV. – С. 302.

Вертяев К. В.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ У ГРАНИЦ ТУРЦИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ ОПЕРАЦИИ «ОЛИВКОВАЯ ВЕТВЬ» И ОККУПАЦИИ СИРИЙСКОГО АФРИНА

В статье рассматриваются политические последствия оккупации турецкой армией и поддерживаемыми Турцией силами т.н. «сирийской оппозиции» курдского региона Африн на севере Сирии в середине марта 2018 года. Приведен анализ причин этой операции, а также политических и исторических предпосылок формирования на севере Сирии курдского самоуправления, опосредованного как гражданской войной в Сирии, так и неразрешенностью курдского вопроса на Ближнем Востоке со времен соглашения Сайкс-Пико (1916) о разделении этнического Курдистана. Проанализирована нынешняя позиция турецких властей в отношении этого региона Сирии, а также основных внешних сил, вовлеченных в сирийский конфликт, таких как Россия, США, Иран.

Ключевые слова: Африн, Турция, Сирия, оккупация, Курдистан, Рожава

The article focuses on political consequences of the occupation of the Kurdish region of Afrin in northern Syria in mid-March 2018 by the Turkish army and the forces of "Syrian opposition" supported by Turkey. The analysis of the political and historical prerequisites for the formation of Kurdish self-government in the north of Syria mediated both by the civil war in Syria and by the unresolved Kurdish issue in the Middle East since the agreement of Sykes-Pico (1916), which has divided ethnic Kurdistan. The current position of the Turkish authorities regarding this region of Syria, as well as the main external forces involved in the Syrian conflict: such as the US, Iran is also the subject of the study.

Key words: Afrin, Turkey, Syria, occupation, Kurdistan, Rojava

* Вертяев Кирилл Валентинович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kitezh@mail.ru

20 января 2018 г. началась турецкая операция «Оливковая ветвь». Она направлена против подконтрольных Рабочей партии Курдистана (РПК) вооруженных формирований в расположенном на северо-западе Сирии и населенном в основном курдами Африне. Операция имеет далеко идущие как цели, так и их последствия. В целом эта операция лежит в фарватере ставших уже не единичными случаев военных действий Турции против курдских инсургентов из РПК и аффилированных с ними сил на территории сопредельных государств. С точки зрения собственно турецких национальных интересов операция имеет заявленной целью предотвращение создания на территории Сирии вдоль всей границы с Турцией неконтролируемого правительством в Дамаске политического образования, именуемого «Рожава» («Запад», «Западный Курдистан», или «Федерация Северной Сирии»). По словам турецкого вице-премьера Хакана Чавушоглу, сравнившего складывающееся на севере Сирии курдскую квазигосударственность¹ с «террористическим коридором», Турция защищает также и южные границы НАТО в регионе от этой угрозы².

По мнению ряда экспертов, эту операцию необходимо рассматривать еще и как попытку Анкары сыграть более значимую роль в определении политического будущего Сирии. Также одной из целей операции "Оливковая ветвь", возможно, является стремление не допустить формирование «курдского коридора» к Средиземному морю и строительство там альтернативного нефте-газопровода из Иракского Курдистана в обход территории Турции, что может находиться в интересах крупных нефтегазовых корпораций, активно участвующих в нефтедобыче в Иракском Курдистане и собственно Иракского Курдистана³.

Независимые источники отмечают, что после падения в марте 2018 г. Африна под натиском поддерживаемых Турцией военизированных формирований т. н. «сирийской оппозиции» город покинули около 137 тыс. курдов⁴. Вслед за этим, по сообщениям курдских агентств, оккупационная турецкая армия стала перебрасывать в Африн арабских переселенцев из числа непримиримой оппозиции из Восточной Гуты, что многими курдами из

Африна небезосновательно расценивается, как попытка изменения демографической ситуации⁵.

На этом фоне курдский фактор вновь становится безусловно дестабилизирующим ситуацию у государственных границ Турции, аналогично тому, как более ста лет назад также остро стоял вопрос о дестабилизации политических границ Персии и Османской империи в преддверии Первой мировой войны. Сейчас ситуация усложнилась: курдское национальное движение уже не в том зачаточном состоянии, в котором пребывало в начале XX века, а курдский фактор в Сирии тесно связан с общей дестабилизацией внутри страны в результате кровопролитной гражданской войны.

Курды составляют одну из основных этнических групп сирийского государства, их численность, по разным сведениям, около 2–2,5 млн человек, или 10% всего населения страны. Наибольшее количество сирийских курдов проживает в районе Джазира на северо-востоке страны. Африн (или Курдские горы), расположенный к северу от Алеппо, является вторым крупным курдским анклавом на территории Сирии, где до его оккупации Турцией около 80% его населения составляли курды. Около 10% всех сирийских курдов проживают также в небольшом анклаве Кобани близ турецкой границы. Все эти области являются полиэтничными конгломератами, где этническое большинство (в разной пропорции) составляют курды, говорящие на диалекте курманджи курдского языка. В качестве других этноконфессиональных групп здесь присутствуют арабы, туркоманы, несториане, армяне, езиды и др. Достаточно сказать, что сложный полиэтнический характер не только северных регионов, но и всей Сирии является одним из основных препятствий урегулирования политического кризиса, приведшего к гражданской войне.

В Турции в среде политических элит и партий многие дистанцировались от решения Р.Т. Эрдогана начать операцию в Африне, которое принималось без одобрения Парламента в тот период, когда депутаты ушли на зимние каникулы. Некоторые оппозиционные политические партии Турции – партия "Ватан" и, естественно, прокурдская Партия демократии народов (ПДН)

выступили против решения президента о начале интервенции на территорию соседнего государства. Находящийся в статусе политзаключенного в тюрьме в Эдирне бывший со-председатель ПДН Селахаттин Демирташ заявил, что в условиях идущей «де-факто внутренней войны в Турции, поддержка джихадистов является большой ошибкой». Он отметил также, что ЕС, США, Россия и Иран также несут ответственность за трагические события вокруг Африна⁶. Тем не менее, турецкие СМИ фиксируют, что большинство турецкого общества одобряет проведение этой операции на территории сопредельного государства.

По сути, возможность нынешнего вооруженного вторжения на территорию Сирии была заложена еще в решениях созданного в 2011 г. в Турции «Сирийского национального конгресса», целью которого объявлялась поддержка сирийской оппозиции и отстранение Башара Асада от власти⁷. Вскоре после начала военной операции «Оливковая ветвь» в январе 2018 г. Асад при посредничестве России предложил руководству Африна совместно выступить против турецкой интервенции под сирийским флагом, но политическое руководство Африна в лице TEV-DEM (Движение за демократическое общество) отвергло это предложение, что, впрочем, не исключало наличие неких договоренностей между Асадом и руководством мятежного кантона. Сирийский правящий режим до некоторых пор демонстрировал стойкое неприятие идеи курдской автономии на принципах демократического конфедерализма, оставаясь верным фарватеру политического управления страной и ее устройству, заложенному еще во времена правления БААС. Как бы то ни было, но силы, подконтрольные Асаду, должны были, по идее, рассматривать сторонников федерализации в качестве своих естественных союзников. Однако сирийскому режиму на момент проведения Турцией операции «Оливковая ветвь» было выгоднее подавить непримиримую оппозицию в Идлибе, а также в оккупированном Турцией Джераблусе и примыкающих к нему городах – т. е. в регионах компактного проживания туркоманов на территории Сирии, что в условиях турецкой интервенции было невозможно.

Военная полиция РФ, присутствовавшая на территории кантона в качестве наблюдателей, перед началом операции «Оливковая ветвь» отошла на безопасное расстояние от турецкой границы, но полностью не покинула кантон. Возможно, что предметом переговоров и торгов с Россией стала глубина той зоны безопасности, которую Турция хотела бы создать на контролируемом ею участке вдоль турецко-сирийской границы.

Основное же противоречие между РФ и Турцией по поводу сирийских курдов сейчас заключается в том, что руководство России, по-видимому, рассматривает силы курдской самообороны (YPG), в качестве не столько аффилированных с РПК, сколько в качестве одной из основных сил, способных поддержать Асада в обеспечении территориальной целостности Сирии. Однако в стане самих сирийских сторонников Оджалана по этому вопросу пока нет единства. В любом случае, декларируемый РФ и Турцией принцип территориальной целостности Сирии должен оставаться главенствующим в дальнейших действиях сторон.

Следуя логике и риторике правящих в Турции политических элит, нынешней целью военной операции Турции на территории Сирии является уже не Асад, а курдские силы самообороны, которые Анкара упорно называет террористическими. При этом на очереди турецкого военного вторжения в сопредельные Сирию и Ирак теперь находятся Кандиль (бомбардировки этого региона в одноименных горах Иракского Курдистана, где располагаются базы и руководство ПРК, проводились и раньше, однако до проведения там наземных операций с участием турецкого спецназа пока дело не доходило), а также регионы Манбидж (Сирия), Синджар, Махмур (Иракский Курдистан). Правительство в Багдаде уже заявило, что не потерпит турецкого вторжения на территорию страны, однако, по сообщениям ряда агентств, приняло меры по выдворению расположенных в Санджаре частей ПРК, которые находились там с 2014 г. после участия в очистке Синджара от захватчиков из ИГИЛ.

С падением Африна в середине марта 2018 г. следующей целью был также заявлен сирийский Манбидж. В конце марта 2018 г. Совет национальной безопасности Турции распространил ульги-

матум, в котором потребовал от сторонников курдской партии «Демократический союз» (PYD), входящих в состав сил сирийской самообороны, немедленно уйти из Манбиджа⁸. Ситуация вокруг этого сирийского региона на западном берегу Евфрата сейчас осложнена тем, что войска возглавляемой США коалиции стараются не допустить вооруженного столкновения Турции с присутствующими здесь силами курдской самообороны и связанными с ними мусульманско-христианскими «демократическими силами», и заняты поиском политического компромисса, при этом наращивая здесь свое военное присутствие. Так, по сообщениям агентств после выдвижения Турцией ультиматума о выдворении сил самообороны курдов из Манбиджа, численность американского спецназа здесь была увеличена на 300 человек⁹.

Взяв под контроль Манбидж в 2016 г. и выбив оттуда сторонников ИГИЛ, поддерживаемые США «Сирийские демократические силы», в которых доминируют курды из партии «Демократический союз», фактически расширили границу Рожавы, вынеся ее на западный берег Евфрата, что для Турции являлось заявленной «красной линией». Это послужило началом военной операции «Щит Евфрата» в том же августе 2016 года. Сейчас в результате турецкой интервенции на кон поставлены судьба созданной США анти-игиловской коалиции и, собственно, всей Сирии, как единого государства. Установив свой контроль в регионе Джераблус, Турция смогла создать плацдарм для начала операции против расположенного западнее Африна, находящегося под контролем аффилированных с РПК политических сил. По мнению одного из ведущих экспертов Турции по курдскому вопросу Дженгиза Чандара, Турция в настоящее время формирует основы своего постоянного присутствия на северо-западе Сирии¹⁰.

Между тем Манбидж, или «манбиджский карман» – весьма выгодная с военно-стратегической точки зрения территория, значительную часть населения которой составляют арабы. Американские политические и военные советники рассматривают контроль над Манбиджем как эффективный способ включения в проамериканскую коалицию («Сирийские демократические

силы») арабского населения северных регионов страны. Одним из способов урегулирования сирийского кризиса Соединенными Штатами рассматривается перспектива создания умеренной политической оппозиции режиму Асада, «которая будет максимально дистанцироваться от транснациональных салафитских джихадистских группировок, угрожающих странам Запада»¹¹.

В условиях военной экспансии Турции на территорию северной Сирии союзники США по коалиции поддерживают идею трансформации партии «Демократический союз» с целью дать возможность этой политической силе дистанцироваться от этнического партикуляризма, раздражающего Анкару, создав на севере Сирии такую политическую силу, целью которой будет объединение разношерстного в этническом и конфессиональном отношении населения на принципах все того же демократического конфедерализма. Такая трансформация вполне бы устроила и союзников по коалиции, и Россию, однако, скорее всего, вновь вызовет резкое неприятие Турции. Тем не менее, фактор актуализации поиска путей мобилизации внутри Сирии будет налицо: для США и их союзников очевидна роль курдских формирований в разгроме ИГИЛ, поэтому в качестве предпосылки дипломатического невоенного разрешения вопроса присутствия ориентированных на РПК формирований у границ Турции с точки зрения США может стать их политическая трансформация.

В конце марта 2018 г в Ракке провела свой учредительный съезд Партия Будущего Сирии (ПБС), создание которой, с одной стороны, явилось политической попыткой примирения участников сирийского конфликта (как внутренних, так и внешних), а с другой – способом расширения социальной платформы для нового политического объединения. Создаваемая на основе «Демократического союза» новая партия (председатель – Ибрахим Кафтан, араб, бывший функционер партии БААС) выступает за «демократическую, плюралистическую, децентрализованную Сирию с сохранением ее территориальной целостности»¹².

Согласно турецким сведениям, ПБС является продолжением курдской партии «Демократический союз» с вовлечением в число ее сторонников большего числа арабов, туркоманов,

христиан-сирияков и представителей других этнических и религиозных общин в количестве более 700 человек из Ракки, Дейр-Эз-Зора, Хасеке, Алеппо, участвовавших в ее учредительном съезде. По сути, программой партии является реализация принципов конфедерализма на всей территории Северной Сирии. По мнению ряда источников, ПБС является своеобразным политическим компромиссом между курдской партией «Демократический союз» и военизированными формированиями (милицией) оппозиционных Сирийских демократических сил. Создание такой силы в Сирии не устраивает Турцию, власти которой, по словам премьер-министра Бинали Йилдырыма, не видят разницы между «Демсоюзом» и ПБС, т. е. считают ее также террористической¹³.

Исторические предпосылки формирования курдского самоуправления на севере Сирии

Опасения Турции о том, что курдская самооборона (YPG) будет рано или поздно вести вооруженную борьбу за распространение своего влияния по другую сторону сирийско-турецкой границы, имеют мотивацию, уходящую в историческое прошлое курдского национализма. Дело в том, что проживающие на северо-востоке Сирии и юго-востоке Турции курды являются потомками некогда могущественных курдских конфедераций племен милли и миран, которые были разделены границей двух государств в 1921 г. в результате соглашения Сайкс-Пико, что привело к разрыву не только экономических, но подчас и семейных связей. В настоящее время курды Сирии по-прежнему традиционно сохраняют тесные контакты с курдами Турции. Сирийское правительство времен Хафеза Асада благоволило курдским повстанцам в лице РПК, ведущим на территории Турции борьбу за создание независимого Курдистана, рассматривая их в качестве одного из политических инструментов влияния на позицию Анкары в вопросе, связанном в первую очередь со спорами вокруг водных ресурсов реки Евфрат. Они заметно обострились после реализации в Турции масштабного проекта по строительству дамб и плотин в юго-восточной Анатолии (проекта GAP) в самом конце XX века.

В период эскалации водных проблем с Турцией и фактического отсутствия внешних союзников по этой проблеме, сирийское руководство приступило к налаживанию связей с РПК, а ее руководитель А. Оджалан с 1979 г. получил политическое убежище на территории Сирии и Ливана, откуда осуществлял руководство своей партией, ведущей с 1984 г. на территории Турции вооруженную борьбу за создание независимого социалистического Курдистана. Это привело к тому, что пришедший к власти в Турции в результате военного переворота генерал Кенан Эврен заявил в 1981 г., что курдская проблема Турции происходит извне, а в 1985 г. министр иностранных дел Турции открыто обвинил власти Сирии в поддержке курдских боевиков¹⁴.

Влияние партии Оджалана было традиционно сильно в сирийских курдских регионах. Однако для Сирии РПК являлась (как бы то ни было) политической организацией, чье влияние на базе этнического партикуляризма было и остается достаточно сильным по обе стороны сирийско-турецкой границы и чьи левые идеи импонируют курдской, и отчасти, сирийской интеллигенции. Сирийский режим, вольно или не вольно, стал выступать стороной, поддерживающей курдский сепаратизм в Турции ввиду того, что РПК обладала весомой поддержкой со стороны курдов и на сирийской территории, большинство из которых, при этом, не являлись сирийскими гражданами, а имели статус беженцев. Такая двусмысленность негативно сказалась на разрешимости курдских противоречий между Турцией и Сирией, которые приобрели новую, более драматическую фазу после высылки Сирией под давлением Турции Абдуллы Оджалана в 1998 г., когда Сирия фактически потеряла возможность влиять на курдский вопрос в Турции.

В 1994–1996 гг. турецкое правительство проводило массированные военные операции против повстанцев из РПК как на территории Турции, так и на территории сопредельного северного Ирака. В результате этого многие курды, являвшиеся членами РПК или сочувствующие этой организации, были вынуждены бежать от репрессий вглубь соседних Ирака и Сирии. Созданные здесь в указанный период поселения курдов, разделявших идео-

логию апочизма, постепенно стали трансформироваться в своеобразные оплоты по реализации идеи создания анархического государства на основах т.н. «демократического конфедерализма». Иными словами, речь шла о модернистской попытке реализации доктрины «государства без институтов государства» на территории Сирийского и Иракского Курдистана. Необходимо отметить, что в свое время Саддам Хусейн в период после операции «Буря в пустыне» благоволил формированию поселений апочистов из числа беженцев на территории Иракского Курдистана, надеясь создать в лице курдских анархистов идеологический противовес курдскому национализму, ставшему основным идейным стержнем сторонников Демократической партии Курдистана на севере Ирака. На этом фоне еще с конца 1960-х гг., опасаясь усиления курдского сепаратизма, баасистское правительство Сирии создавало на севере страны так называемый «арабский пояс» из поселений с целью предотвращения возможного отторжения курдских регионов Сирии и создания здесь независимого Курдистана.

В начале XXI века на авансцену борьбы курдов Сирии за свой суверенитет вышла Курдская партия «Демократический союз» (ПДС, PYD, год создания: 2003 г), имеющая, по данным турецкой разведки, «органические связи с РПК». Позицию о том, что «Демсоюз» является террористической организацией не разделяют большинство европейских стран, США и Россия, поскольку нет объективных данных, подтверждающих участие «Демсоюза» и связанных с этой партией военизированных формирований в террористической деятельности. Тем не менее, партия «Демократический союз» — это политическая «франшиза» Партии рабочих Курдистана в Сирии, обладающая, к тому же, собственными силами (отрядами народной обороны, YPG). С началом активной фазы сирийской гражданской драмы, силы самообороны ПДС фактически взяли под свой контроль целый ряд населенных пунктов, где проживают преимущественно курды, в провинциях Африн, Кобани, Камышлы и Хасеке (объединившиеся в 2014 г. в самоуправляемый кантон Джизре), то есть вдоль турецкой границы, которые с началом активной фазы гражданской войны в Сирии перешли в полуавтономное самоуправле-

ние. В рамках внутрисирийского кризиса у ПДС была понятная политическая роль: ПДС настаивала и продолжает настаивать на учреждении демократической автономии курдов в Сирии, и это никак не связано со сменой политического режима в стране. Однако говорить о легитимности контролируемого ее вооруженными силами политического образования в рамках действующей старой конституции Сирии пока не приходится.

Сирийский кризис, несмотря на стратегические сдвиги в балансе сил, произошедшие с конца 2015 г., когда в гражданскую войну на стороне режима Башара Асада фактически вступила Россия, к сожалению, еще далек от завершения. На момент написания этой статьи трагические события, связанные с интервенцией Турции на территорию Сирии, стали камнем преткновения для дипломатического урегулирования в целом и, в частности, проблемы курдов в Сирии. Пользующаяся значительной поддержкой местного населения политическая платформа, объединяющая как аффилированное с курдской партией «Демократический союз» Движение демократического общества (TEV-DEM), так и созданный в 2015 г. Сирийский демократический совет (SDC), несмотря на имеющиеся между ними противоречия, стремится к политическому признанию курдской автономии на севере Сирии.

Уже в 2014 г. становилось очевидным (и в первую очередь, для Турции), что противостояние курдского ополчения в Кобани с боевиками ИГИЛ играет на руку дальнейшей суверенизации сирийских курдов. Для ИГИЛ находящийся почти на самой турецкой границе Кобани был важным стратегический пунктом при продвижении на восток Сирии и выход к Средиземному морю. Его освобождение курдами при поддержке американских точечных бомбардировок в январе 2015 г. радикально изменило обстановку на фронте войны в их противостоянии со сторонниками самопровозглашенного халифата, а, возможно, и во всем внутрисирийском конфликте.

Учитывая, что освобождение Кобани подарило надежду на возвращение десяткам тысяч курдов, оказавшихся беженцами в Турции, победа курдов над силами ИГИЛ способствовала подъ-

ему общекурдского интегрального национализма в целом в регионе, а также в странах Запада. С начала противостояния курдских сил самообороны в Кобани, а также курдов на севере Ирака с силами ИГИЛ, курдские активисты по всей территории Турции продолжали вести активную агитацию за присоединение курдов Турции к борьбе с мусульманскими экстремистами на севере Сирии. Однако в период активной фазы борьбы с ИГИЛ официальная Анкара стремилась дистанцироваться от конфликта на севере Сирии и Ирака, несмотря на усиленные требования Ирана вмешаться и не допустить уничтожения Кобани силами псевдохалифата.

Победа курдских сил в битве за Кобани способствовала росту популярности Рожавы не только среди курдов Сирии и Турции, но и в среде многочисленных политических сил левого толка из стран Запада. Изначально это политическое образование, провозглашенное в марте 2016 г. под именем «Федерации Северной Сирии», формально находящееся в составе Сирии, должно было включать населенные различными этническими группами кантоны – Камышлы, Хасеке, Африн, расположенные вдоль сирийско-турецкой границы и представляющее из себя некий политический конгломерат, основанный на принципах демократического конфедерализма. По замыслу идеологов такого политического проекта, среди которых наиболее часто упоминается имя находящегося в турецкой тюрьме лидера РПК Абдуллы Оджалана, Федерация Северной Сирии подразумевала реализацию прав сирийских курдов на самоопределение в форме такой автономии, которая исключала бы признаки национального государства. Политическая система такого проекта объявлялась основанной на демократических правах («1 человек – 1 голос»), избираемости представителей власти «снизу», а также уважении прав женщин путем стимулирования их участия в политической жизни. При этом сторонники данного политического устройства дистанцируются от определения такого «конгломератного национализма», как исключительно курдского. По сути, это – национальная концепция, которая основана на идее «единства в разнообразии». Множество различных культур, религий, языков,

национальностей, народностей и конфессий существуют вместе, как часть союза, в котором один не отрицает присутствие другого. По словам сирийского оппозиционера и руководителя Сирийского демократического совета (SDC) Рияда Дарара, в качестве примера можно привести Швейцарию, которая состоит из немецко-, французо-, итальяно- и ретроромано- говорящих сообществ, каждое из которых говорит на своем языке. Все эти сообщества практикуют свою культуру; каждый язык имеет официальный статус и представлен в рамках демократических институтов, а государство играет между ними координирующую роль¹⁵.

Однако в данном политическом проекте отсутствовало и пока что отсутствует чёткое понимание того, кому и каким образом будут делегированы в таком обществе функции и полномочия конвенционального насилия, обычно закрепляемые за институтом государства. Сложившаяся в 2015–2018 гг. на севере Сирии кантонная коммунальная система реализует мобилизацию жителей на «низовом» уровне с помощью Движения за демократическое сообщество (TEV-DEM), которое выступает гарантом связи подобной прямой демократии с избираемым межджлисом. Однако TEV-DEM находится под сильным политическим влиянием РПК и партии «Демосюз», чьи вооруженные силы, а также силы безопасности («Асаиш»), по сути, и берут на себя функции подобного конвенционального насилия, что вызывает справедливую критику других политических сил.

Другим влиятельным политическим движением в среде сирийских курдов являются сторонники Мосуда Барзани – Демократическая партия Сирийского Курдистана, ответвление Демократической партии иракских курдов, вошедшие в созданный в 2011 г. по инициативе Барзани Курдский национальный совет (ENKS). Влияние этого политического объединения сильно среди курдов провинции Джизре (Джазира), переселившихся туда во времена политической нестабильности в Иракском Курдистане еще в конце 1950-х гг., и все это время фактически лишенных права на сирийское гражданство. Будучи достаточно влиятельной политической силой среди курдов Сирии, КНС выступает за кантонизацию курдского этноареала, выдачу всем си-

рийским курдам паспортов и федерализацию Сирии, вплоть до признания курдского языка в качестве одного из государственных. Также среди сирийских курдов заметно влияние и более левого политического движения иракских курдов – Патриотического союза Курдистана.

Возможное политическое сотрудничество двух ведущих сил сирийских курдов из партии «Демократический союз» (ПДС) и КНС (то есть, сторонников Оджалана и сторонников Барзани) затруднено целым набором объективных препятствий, связанных, в первую очередь, с идеологическими разногласиями. Во второй половине июля 2012 г. подконтрольные «Демсоюзу» силы самообороны захватили несколько небольших городов на севере страны, населенные в основном курдами, а стратегически важный город Кобани, находящийся непосредственно у границы с Турцией, перешел под полный контроль сил самообороны YPG (в действительности – под контроль ПДС) и здесь при активном участии TEV-DEM начало формироваться курдское самоуправление.

Почему создание такой мультинациональной политической системы на севере Сирии, имеющей явно выраженный левацкий оттенок, так пугает нынешнюю власть в Турции? И только ли проблема в том, что поставка США вооружений формированиям под флагом подобных политических сил, а также де-факто моральная поддержка со стороны ряда стран вызывают озабоченность властей и спецслужб Турции в виду возможного использования этого вооружения в дальнейшем сторонниками РПК с целью дестабилизации ситуации в юго-восточных провинциях страны, населенной курдами? Действительно, в бюджете Соединенных Штатов на 2019 г. 550 млн долларов были заявлены на поддержку курдских вооруженных групп на территории Сирии. Видимо, в Анкаре не понимают, зачем Штатам продолжать вооружать сирийских курдов, если борьба с ИГИЛ как никогда уже близка к завершению. Очевидно также, что курдские силы самообороны (YPG) – оружие обоюдоострое, и может быть направлено как против сил дамасского режима, так и против северного соседа.

Важным аспектом здесь является восприятие в Турции Партии «Демократический союз» как «естественного продолжения» РПК на территории Сирии. По мнению руководства Турции, целью РПК и ПДС является создание государства Курдистан, в том числе и на турецкой территории, а установившийся в процессе борьбы с ИГИЛ перевес сил в пользу Сил курдской самообороны (YPG) и полный контроль лояльных РПК сил над практически всей турецкой границей является прямой угрозой национальной безопасности страны, учитывая тот факт, что сама турецко-сирийская граница, сформировавшаяся вначале 1920-х годов прошлого века в результате мирного соглашения Турции и подмандатной Сирии, прошла по территории расселения народа, который говорит на одном языке и разделяет общую культуру, общую судьбу, в том числе и политическую. В наши дни апочисты умело сыграли на внутрикурдских противоречиях, распространив свое влияние и на езидские анклавы на территории Северного Ирака, ставшие объектом геноцида со стороны сторонников Халифата (ИГИЛ) в августе 2014 г. Однако обличение ПДС, как союзников Оджалана и террористов, а также настойчивость Анкары в недопущении участия этой политической силы в переговорном процессе о будущем Сирии в Астане и Сочи, на чем настаивала Россия, являлись дипломатическим шагом, опосредовавшем военные вторжения Турции на территорию Сирии, сначала в августе 2016 г. в рамках военной операции «Щит Евфрата» в населенном преимущественно туркоманами Джераблусе с целью выдавливания оттуда как сил ИГИЛ, так и апочистов, затем в рамках операции «Оливковая ветвь» 20 января 2018 г. эта же стратегия распространилась и на Африн – один из плотов ПДС в Сирии. Следующим, по идее, должен стать населенный в основном езидами Синджар в Иракском Курдистане, где позиции РПК (YPG) укрепились после их участия в изгнании отсюда захвативших этот регион в августе 2014 г. сил ИГИЛ. Как уже отмечалось, по всей видимости, цели этой операции были доведены до сведения официальных Ирана и Москвы, как участников тройственного союза по созданию зон деэскалации в Сирии и инициированию мирного диалога.

Политическое переформатирование на севере Сирии после оккупации Турцией районов Джераблус и Африн

На оккупированной Турцией территории Африна Анкара приступила к созданию контролируемой администрации. С этой целью в середине марта 2018 г. в Газиантепе состоялся так называемый «Конгресс освобождения Африна», на котором было принято решение о формировании милиции Африна в количестве 450 человек. Из Турции также назначены вали и каймакам этого региона. Также оккупационная администрация приступила к формированию местного меджлиса, в который войдут, как утверждают турецкие СМИ, 24 курда, 8 арабов, один алевит и один туркоман¹⁶. Координация управления администрацией Африна будет осуществляться губернатором Хатая в Турции, а вали Африна также будет назначен из Турции. Таким образом, форма администрирования в Африне будет аналогична той, которую Турция внедрила на оккупированных ранее в результате операции «Щит Евфрата» сирийских территориях Джераблуса, эль-Баба, Азеза и Маре. По словам доцента юридического факультета Университета Диджле Вахапа Джошкуна, Турция на оккупированных территориях формирует группу представителей местного населения, которые будут осуществлять управление на местах, но при этом общая координация будет осуществляться назначаемыми из Турции руководителем (каймаком), руководителями местной службы безопасности и жандармерии. Комментируя ситуацию с точки зрения международного права, бывший прокурор Европейского суда по правам человека Рыза Тюрмен отметил, что «на основании Гаагского соглашения 1907 года, которое вошло в мировую практику, оккупирующая держава обязана обеспечить общественный порядок и достойные условия жизни местного населения, однако не может использовать право суверенитета над этой территорией, который по прежнему принадлежит Сирии». Он отметил, что на территории продолжает действовать законодательство Сирии, а не Турции, однако с целью защиты прав человека и общественного порядка, «безусловно, в это законодательство необходимо внести определенные изменения»¹⁷. Полномочия Турции, по словам указанного источника,

который ссылается на положения 51 статьи устава ООН о праве на самооборону, не должны превышать время, необходимое для ликвидации угрозы национальным интересам, чтобы оставаться в рамках легитимности в условиях вторжения на территорию сопредельного государства. При этом Турция, как оккупирующая держава, несет полную ответственность за соблюдение прав человека на оккупированных территориях¹⁸. Пресс-секретарь т. н. «Освободительного конгресса Африна» Шинди заявил, что в Африне сформирована полицейская бригада в количестве 450 человек, не принадлежащих к каким-либо политическим объединениям, и «безопасность будет обеспечена только полицией, а не военными»¹⁹.

К моменту, когда 4 апреля 2018 г. в Стамбуле состоялась встреча президентов Турции, России и Ирана по Сирии, Турция де-факто контролировала Африн и Джераблус на Севере Сирии, а также имела опосредованное влияние на «анклав непримиримой оппозиции» в Идлибе, где были размещены турецкие наблюдательные пункты на линии соприкосновения с силами сирийской армии. Так, отдельный турецкий военный конвой достиг 5 февраля позиций на холме Аль-Эйс на юго-западе города Алеппо. Согласно трехсторонним соглашениям, направленным на предотвращение вооруженного насилия, Турция, как сообщается, согласилась создать десятки наблюдательных пунктов в Идлибе и соседних провинциях. Тем не менее, несмотря на соглашение, такие наблюдательные пункты, прежде всего, нацелены на сдерживание продвижения сирийских правительственных сил в направлении Идлиба. Поэтому неясно, как и Иран, и Россия будут иметь дело с этой ситуацией, и смогут ли зоны деэскалации пережить очевидный конфликт интересов, что, собственно и делает триумвират Турции, России и Ирана малоперспективным в деле урегулирования сирийского кризиса. И этому видятся несколько причин. Во-первых, создание конституционного комитета по будущему Сирии будет встречено с недоверием многими политическими силами и полевыми командирами из числа непримиримой оппозиции, представленной, в основном, в Идлибе. Уровень недоверия в отношениях между крупными игро-

ками в сирийском конфликте пока что очень высок и влияние такого недоверия на общую картину в раздираемой войной стране вряд ли смогут нивелировать договоренности России, Турции и Ирана. Во-вторых, курдские политические силы, аффилированные с РПК, «благодаря» усилиям Анкары оказались фактически исключенными из конституционного процесса в Сирии, по поводу чего у России и Турции уже наметились серьезные расхождения. Дело в том, что курдские силы самообороны (YPG) вряд ли откажутся от стремления противостоять турецкой оккупации Африна. Они предусмотрительно отвели свои вооруженные силы из Африна, сохранив при этом вооружения и живую силу, и вполне эффективно могут противостоять поддерживаемому Турцией джихадистскому крылу ССА в случае военной операции в районе Манбиджа, тем более, что курды, не исключено, могут быть здесь поддержаны американским или даже французским спецназом. Для противостояния турецкой интервенции они могли бы солидаризироваться со своими политическими оппонентами в лице Курдского национального Совета (КНС), или даже режимом Асада. Однако в интересах Турции теперь внести раскол в курдское движение, предложив именно КНС распространить свое политическое влияние на оккупированный курдский кантон. Так, в ответ на это в контролируемом «Демсоюзом» Хасеке прошли задержания активистов Курдского национального совета по обвинению в предательстве курдских интересов и сотрудничестве с оккупантами²⁰. В-третьих, усилия Анкары по исключению апочистов из сирийского мирного процесса позволит «Демосюзу» в результате политического переформатирования этой партии еще больше сблизиться с США, тем более, что Вашингтон не является участником российско-турецко-иранского триумвирата по урегулированию сирийской проблемы.

В апреле 2018 г. трехсторонняя встреча глав России, Турции и Ирана проходила по аналогичной схеме, как и встреча в Сочи 22 ноября 2017 года, когда были заложены рамки для сотрудничества между тремя государствами в сирийском кризисе. С начала военной кампании в Африне цели Турции вызывали серьезную озабоченность у Ирана и России, а их реакция заключалась

в том, чтобы дистанцироваться от поддержки турецкого нападения, одновременно воздерживаясь от поддержки курдских сил самообороны (YPG), аффилированных с РПК. С точки зрения Ирана вмешательство Турции только осложнит и без того непростую ситуацию в Сирии и ослабит сочинский мирный процесс, учитывая серьезные препятствия на встрече 28 января в России, когда большая часть сирийской оппозиции бойкотировала конференцию в Сочи. По словам одного иранского чиновника, который выступал на условиях анонимности, Тегеран посоветовал Анкаре осознать, что ее втянули в войну истощения в Африне. Чиновник сказал «Аль-Монитору»: «Точка зрения Ирана заключается в том, что курдские бойцы имеют свои линии поддержки, и многие курдские партии, возможно, захотят увидеть, как Турция застрянет в сирийской в трясине. Поэтому лучше попытаться придержать пыл, иначе кто знает, насколько это истощит турецкую армию»²¹. Тегеран убежден, что курдские бойцы в Африне не действуют самостоятельно и получают щедрую помощь с разных сторон. Иранцы пытались заключить сделку между курдами и сирийской армией, чтобы обеспечить развертывание в этом районе вместе с курдскими бойцами военизированных группировок, которые связаны с Ираном. Иранские усилия направлены на прекращение боевых действий с наилучшими возможными результатами; сохраняя свою позицию друга как сирийских курдов, так и Турции; и в то же время блокируя возможности других сторон, которые могут желать инвестировать свои усилия в разрешение конфликта в Сирии. Это касается в первую очередь Соединенных Штатов.

Тем не менее, также ясно, что любая серьезная неудача Турции в Африне означала бы новый статус-кво на севере Сирии и, следовательно, также возобновила надежду на то, что курды вернутся к своему требованию формирования автономного политического образования вдоль турецкой границы. Кроме того, в случае турецкой неудачи также будет много ожиданий со стороны различных политических сил, связанных с усилением позиций США в Сирии, что гипотетически может представлять угрозу для Ирана и его союзников в соседнем Алеппо.

Большинство курдских партий настаивают на децентрализации управления в курдских регионах, что, несмотря на имеющиеся разногласия, лежит в целом в рамках парадигмы системы «демократического конфедерализма», предлагаемой рядом политических партий Рожавы для Сирии. При этом национальная доктрина строится в Рожаве(сейчас, после оккупации Африна, это де-факто территории сирийской Джазиры) на постепенном отходе от принципов собственно национального государства; в этом проекте продолжает акцентироваться многокультурный, плюралистический характер данного политического образования, которое, являясь образцом прямой народной демократии, максимально дистанцируется от любых концепций нации-государства как одной из наиболее распространенных форм суверенизации народов в прошлом. "Конгломератный национализм" или "демократический конфедерализм", как способ государственного устройства, основывается на принципах федерализации автономии как конгломерата входящих в него территориальных или национальных единиц, объединенных по принципу равноправного участия в управлении, т.е. в режиме "прямой демократии". Собственно национализмом здесь (при том, что национализм, как идеология, отрицается сторонниками Оджалана) трансформируется в приверженность к "родиноцентризму" в отношении Рожавы как совокупности входящих в него кантонов и национальностей. Эту модель идеологи Рожавы хотели бы распространить на всю Сирию. В этой связи прослеживаются определенные аналогии с организацией государственного устройства Швейцарской Конфедерации. По сути, подобный вид национализма является результатом соперничества элит на определенной территории, разделенной различными этно-культурными и политическими символами, определенным способом манифестаций своих требований.

По состоянию на апрель 2018 г. после встречи на высшем уровне гарантов сирийского мирного процесса в лице России, Турции и Ирана мы видим формирование (в том числе и в результате оккупации Турцией Африна и Джераблуса) трех основных зон разграничения огня: это подконтрольные пользующе-

мусья поддержкой России и Ирана сирийскому режиму столица, выходы к Средиземному морю, а также центральные и южные регионы страны; контролируемые «Сирийскими демократическими силами» во главе с курдскими формированиями YPG, поддерживаемые США северо-восточные и восточные регионы Сирии, включая Манбидж, Джазиру и обширные территории до Дейрэз-Зора, и, наконец, анклавы непримиримой оппозиции, включая находящиеся вне закона террористические группировки в Идлибе, а также в оккупированных Турцией Африне и Джераблусе.

Три столпа астанинского процесса – Россия, Турция и Иран – находятся по разные стороны в вопросе поддержки турецкой интервенции в Африне. Несмотря на то, что стороны согласились с тем, что создание конституционного совета, выработка конституции должны превалировать над любыми попытками провести в отсутствие конвенциональных правил игры какие-либо выборы в Сирии, существует множество факторов, которые могут вызвать значительные расхождения в рамках такого совместного пути урегулирования кризиса в Сирии, который возник между этим трио за последние несколько месяцев. В то время как Турция находится в наступлении на позиции апочистов в Сирии, Россия пытается сохранить свои связи с Анкарой, поддерживая при этом неформальные отношения с курдами из партии «Демсоюз», настаивая на их участии в астанинском процессе. Таким образом, в ближайшей перспективе проблема сирийского урегулирования выглядит не как решение глобальной проблемы всеобщего перемирия, а как заключение локальных перемирий (так, уже около 2600 населенных пунктов включены в зону деэскалации) и формирования на основе «дорожной карты» нового конституционного процесса в Сирии.

Примечания

¹ Определение «квазигосударственности» Рожавы опосредовано тем, что идеологическую основу формы политической организации в этом образовании составляет идеология демократического конфедерализма, которая отрицает не только любую форму национального государства, но и вообще любую форму государственности, как инструмента насилия и империали-

стического порабощения (если пользоваться терминологией ее главных идеологов: Букчина и Оджалана). При этом Рожава, или Федерация Северной Сирии пока еще не является легитимным политическим образованием с точки зрения ныне действующей сирийской конституции.

² <http://www.trthaber.com/haber/gundem/basbakan-yardimcisi-hakan-cavusoglu-turkiye-natonun-guney-sinirlarini-da-korumus-oluyor-347500.html>

³ www.rudaw.net/turkish/kurdistan/160520164

⁴ Independent. 18.03.2018

⁵ www.hawarnews.com/en/haber/how-did-french-press-see-ankara-meeting-h482.html

⁶ bbc.com/turkce/haber-turkiye-43654451

⁷ И. И. Иванова. Турция на Ближнем Востоке: концепции реагирования на вызовы региональных акторов. В кн.: Нации и национализм на мусульманском Востоке. ИВ РАН. 2015. стр. 395.

⁸ Hürriyet. 28.03.2018

⁹ tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5087382

¹⁰ С. Çandar. Deadly Ankara-West fault line cracks open at Syria's Manbij. Источник: www.al-monitor.com/pulse/ru/contents/articles/originals/2018/04/turkey-united-states-syria-manbij-becomes-fault-line.html

¹¹ N. Heras. From the Bottom, Up: A Strategy for U.S. Military Support to Syria's Opposition. Источник: www.cnas.org.

¹² www.hawarnews.com/en/haber/founding-conference-of-future-syria-party-begins-in-al-raqqa-h214.html

¹³ www.tr.sputniknews.com/turkiye/201803291032827091-yildirim-suriye-gelecek-partisi

¹⁴ Арутюнян А. Э. Курдская проблема, как фактор дестабилизации турецко-сирийских отношений // Курды Западной Азии (XX – начало XXI в). М.: ИВ РАН, 2012. С 104.

¹⁵ Al-Monitor. 26.03.2018

¹⁶ www.ahvalnews.com/afrin/congress-makes-afrin-part-turkish-province

¹⁷ www.dw.com/tr/türkiyenin-afrindeki-yol-haritası-ne-olacak/a-43194684

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ <http://riataza.com/2018/04/07/sud-zapadnogo-kurdistan-vyidal-order-na-arrest-dolznostnyih-lits-kns/>

²¹ Al-Monitor. 26.03.2018

Волкова С. Л.*

ВНЕШНЕТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТУРЦИИ И ПАКИСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Внешнеторговое сотрудничество Турции и Пакистана обоюдно важно для каждой из сторон. Сотрудничая с Пакистаном, Турция успешно реализует стратегию расширения и диверсификации экспорта. В статье рассматривается объем и структура внешней торговли Турции и Пакистана на современном этапе, анализируется уровень ее технологической сложности. Отражены основные этапы подписания Соглашения о свободной торговле между странами. Кроме того, уделяется внимание деятельности Турецко-Пакистанского Совета высшего уровня и Представительства в Пакистане Ассоциации всех промышленников и предпринимателей Турции (TÜMSİAD), играющих важную роль в налаживании двусторонних торговых контактов.

Ключевые слова: *внешняя торговля Турции и Пакистана, Соглашение о свободной торговле, высокотехнологичные товары, военное сотрудничество.*

Foreign trade cooperation between Turkey and Pakistan is mutually important for each of the parties. In cooperation with Pakistan, Turkey is successfully implementing a strategy of expansion and diversification of exports. The article deals with the volume and structure of foreign trade of Turkey and Pakistan at the present stage, analyzes the level of its technological complexity. The main stages of signing the free trade Agreement between the countries are reflected. In addition, attention is paid to the activities of The Turkish-Pakistani Council of the highest level and the Representation in Pakistan of the Association of all Industrialists and entrepreneurs of Turkey (TÜMSİAD), which play an important role in establishing bilateral trade contacts.

Key words: *foreign trade of Turkey and Pakistan, free trade Agreement, high-tech goods, military cooperation.*

* Волкова Светлана Леонидовна – кандидат экономических наук, старший преподаватель Военного университета МО РФ, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: svet-200932@rambler.ru

Экспортная стратегия продолжает играть существенную роль в экономическом развитии Турции. Согласно 10-му Плану экономического развития страны на 2014–2018 гг. было намечено использование различных методов для повышения конкурентоспособности продукции, развития более высокотехнологичного производства, создания прочных предпосылок для обеспечения роста экспорта, обновления и усовершенствования имеющихся механизмов содействия экспорту, в частности, для представления своей продукции за рубежом. Кроме того, Программой экономического развития на 2016 г. было предусмотрено снижение зависимости от импорта за счет роста собственного производства и увеличения экспорта высокотехнологичной продукции и снижения дефицита внешней торговли. В долгосрочной Программе экономического развития до 2023 г. также ставилась задача роста экспорта и реализации основных направлений экспортной стратегии¹. При этом страна уделяет внимание как структурной диверсификации экспорта и повышению доли экспортных товаров с более высокой добавленной стоимостью (более высокотехнологичной продукции), так и географическому расширению числа партнеров, что остается актуальным для Турции с точки зрения увеличения валютных поступлений от экспорта и снижения дефицита торгового баланса. Турецкая Республика продолжает сотрудничать с традиционными партнерами, а также налаживает контакты с новыми странами. Так, в Программе развития на 2016 г. отмечалось, что необходимо наращивать экспорт в новые страны, при этом не снижая объема экспорта в европейские страны². Особое внимание уделяется странам, имеющим с Турцией культурную, историческую, географическую близость, а также дружественным странам.

Среди традиционных партнеров Турции следует назвать и Пакистан, который всегда был для Турции дружественной и братской страной. Турция демонстрирует, что она считает Пакистан своим союзником и партнером в регионе. Данная политика, направленная на сотрудничество с соседними странами и странами соседних регионов, подтверждает турецкую тактику сильного лидера в своем регионе. Интенсивное сближение Пакистана и

Турции в 2016 г. отвечает национальным интересам обеих стран. Причем и Турции выгодна поддержка Пакистана, своего стратегического партнера, и Пакистану также необходимо сотрудничество с Турцией – стабильной и более развитой страной – для укрепления позиций в регионе и преодоления изоляции.

В послании Министра иностранных дел Турции Генеральной Ассамблее Меджлиса по законопроекту на 2017 финансовый год говорилось, что Пакистан имеет большое значение как для укрепления мира, борьбы против терроризма и экстремизма, так и для экономического развития страны.³

Особое значение придавалось в данном послании Турецко-Пакистанскому Совету экономического сотрудничества высшего уровня. Совет был образован еще в 2009 г. и включал в себя шесть рабочих групп для оказания помощи сотрудничеству в различных сферах, таких как энергетика, торговля, банковский сектор и финансы, образование, транспорт, культура и туризм. В рамках деятельности Совета к 2015 г. было заключено 51 соглашение.

Премьер-министр Пакистана Н. Шериф на совещании Совета экономического сотрудничества высшего уровня между Турцией и Пакистаном, состоявшемся в феврале 2015 г., отмечал, что обе страны являются партнерами, работающими ради процветания и мира своих народов и своего региона. Премьер-министр Турции А. Давутоглу в свою очередь подчеркивал, что отношения Турции и Пакистана являются для всех примером, и страны имеют общую судьбу.⁴

В ноябре 2016 г. Президент Турции Р. Т. Эрдоган посетил с официальным визитом Исламабад, где его приветствовал премьер-министр Пакистана М. Н. Шериф словами: «Добро пожаловать в свой второй дом»⁵. Во время визита было намечено подписание договора о свободной экономической зоне, обсуждались совместные проекты, осуществляемые в рамках деятельности Турецко-Пакистанского Совета экономического сотрудничества высшего уровня в различных областях: от энергетики и промышленности до строительства и инвестиций. Также затрагивались вопросы дальнейшего развития двусторонних экономических отношений.

Пятое заседание Пакистано-Турецкого Совета сотрудничества высшего уровня состоялось в феврале 2017 г. в Стамбуле. Между Анкарой и Исламабадом было подписано десять соглашений о сотрудничестве, которые касались различных сфер: экономика, энергетика, оборона, окружающая среда, урбанизация, банковское дело, медицина, культура и другие. Среди договоров имели место следующие: договор о сотрудничестве между Турцией и Пакистаном в сфере углеводородов; меморандум о взаимопонимании между провинцией Пенджар и холдингом Зорлу; договор о сотрудничестве между сторонами в области лесного хозяйства; меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в библиотечном деле; протокол об обмене персоналом в вооруженных силах Турции и Пакистана; меморандум о взаимопонимании по обмену в сфере финансовой разведки и другие⁶. Кроме того, между информагентствами Турции (Anadolu Ajansı) и Пакистана (Pakistan Resmi Haber Ajansı) было подписано соглашение о совместной работе⁷. Премьер-министр Пакистана М. Н. Шериф встречался также с турецким премьер-министром Б. Йылдырымом и президентом Р. Т. Эрдоганом. В результате переговоров стороны отметили дружественные связи партнеров и выразили решимость продолжать развивать прочное сотрудничество с целью расширения торгового и экономического потенциала ради интересов обеих стран⁸.

Благодаря открытию в Пакистане представительства Ассоциации всех промышленников и предпринимателей Турции (TÜMSİAD – TÜM SANAYİCİ VE İŞ ADAMLARI DERNEĞİ)⁹ в марте 2016 г., турецкие фирмы получили возможности сотрудничества и производства товаров в различных сферах, таких как строительство, энергетика, инфраструктура, производство автомобильной продукции, металлургия, производство продуктов питания, бумаги, косметики и других, что должно было увеличить в результате инвестиционный и торговый потенциал двух стран.

После подписания соглашения об открытии представительства Ассоциации Пакистан стал еще более привлекательным партнером для турецких предпринимателей. В программе экономиче-

ского развития на 2016 г. также отмечалось, что турецкая сторона будет прилагать усилия для обмена опытом и консультаций по заключению соглашений для расширения экспорта¹⁰. Министр экономики Турции отметил, что на представителей Ассоциации всех промышленников и предпринимателей ложится большая задача. Ее генеральный секретарь О. Капыджюглу добавил, что надеется на положительное развитие внешнеэкономических отношений сторон, имеющих длительную историю. Турецкие предприниматели давно ждали начала деятельности представительства Ассоциации в Пакистане. Пакистан является важным партнером для Турции как с точки зрения рабочей силы, так и по производству различных товаров. Именно для того чтобы внести новый вектор в развитие отношений, и было открыто Представительство TÜMSİAD в Пакистане. Турция осуществляет различные мероприятия для укрепления позиций своих предпринимателей за границей. И с этой точки зрения пакистанское представительство Ассоциации должно превратиться в центр, объединяющий бизнесменов двух стран. Глава представительства TÜMSİAD в Пакистане А. Икбаль добавил, что «Представительство Ассоциации промышленников и предпринимателей упрочит торговые и дружественные связи между сторонами»¹¹.

В программе развития на 2016 г. было отмечено, что Турция стремится расширить число стран, с которыми планируется подписание торговых соглашений. Турецкая сторона намеревалась приложить усилия и продолжить свою работу в данном направлении¹². Руководство Турции и Пакистана выражало надежду на скорейшее завершение всех технических вопросов, касающихся Соглашения о свободной торговле между Турцией и Пакистаном (Pakistan-Türkiye Serbest Ticaret Anlaşması – STA (FTA)). Официально переговоры, касающиеся подписания Соглашения, были начаты 22 марта 2016 г. в Исламабаде с подписанием рамочного соглашения. А старт переговорам был дан еще в октябре 2015 г., когда Анкару посетил пакистанский премьер-министр. На переговорах затрагивались вопросы торговли сторонами товарами и услугами, охраны прав на интеллектуальную собственность, условий конкуренции и механизмов разрешения торговых противоречий. Министр экономики Турции М. Элиташ и министр торговли Па-

кистана Х. Дастгир Хан обсудили пути дальнейшего расширения торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. Элиташ подчеркнул, что в последние годы Турция осуществляла инвестиции в пакистанскую экономику, в такие сферы, как энергетика, недвижимость, связь, здравоохранение. Планировалось и далее развивать торговые отношения, в результате чего объем внешней торговли между странами предположительно должен был достичь к 2018 г. 2 млрд долл.¹³

2 августа 2016 г. в Анкаре прошли очередные переговоры по Соглашению. А ранее был завершен третий тур переговоров – 25–27 июля 2016 г. Министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу отмечал, что Турция и Пакистан, не являясь соседними странами, имеют особые неповторимые отношения, построенные на братстве народов. Однако, несмотря на желание сторон сотрудничать, потенциал экономических связей не используется полностью. И основной причиной этого можно назвать недостаточно развитую логистику¹⁴.

Следующий тур переговоров по двустороннему соглашению проходил в Исламабаде 29–31 августа 2016 г., в результате которых стало очевидным, что Пакистан и Турция близки к завершению обсуждения. Обе стороны согласились ликвидировать 85 процентов тарифов на торговлю между двумя странами и подготовили почву для решения остающихся вопросов к концу 2016 года. Благодаря заключению соглашения Пакистан и Турция смогут повысить интенсивность двусторонней торговли, которую планируется довести до 10 млрд долл. в ближайшем будущем¹⁵.

Однако подписание данного соглашения не проходило столь гладко. Так, турецкие производители текстильной продукции были обеспокоены последствиями, которые возможны после окончательного подписания договора, о чем лично заявили на собрании в декабре 2016 г. Министру экономики Турции. Турецкое руководство в свою очередь обещало поддержку производителям в виде поощрений и льгот. Но в тоже время заявило, что данное соглашение, несмотря на то, что может осложнить деятельность отдельных отраслей, призвано расширить объем внешней торговли между сторонами¹⁶.

В ноябре 2016 г. исследователи Центра Европейских исследований сообщили, что в течение декабря 2016 г. все документы по подписанию соглашения будут готовы окончательно. В декабре 2016 г. в Анкаре состоялся пятый тур по соглашению о свободной торговле между Турцией и Пакистаном, на котором было отмечено, что стороны достигли значительных продвижений по таможенным тарифам, а также по соглашениям о товарах, услугах и инвестициях, являвшимся наиболее спорными в процессе переговоров. В результате сторонами была намечена следующая дата переговоров, которые было решено провести в Исламабаде в начале 2017 г.¹⁷

В феврале 2017 г. состоялось собрание Совета директоров производителей текстиля в Денизли при Торгово-Промышленной палате Турции, где вновь производители высказали свою обеспокоенность возможным увеличением объема китайских и бангладешских текстильных товаров, поступающих через Пакистан, на турецкий рынок в результате подписания соглашения, что вызовет сокращение турецкого экспорта, сокращение рабочих мест и закрытие многих текстильных фабрик (при этом они отметили, что 70% турецкого экспорта в 2015 г. составляли текстильные товары и одежда). Поэтому представители текстильной промышленности не считают подписание данного соглашения необходимым¹⁸.

Во время визита пакистанской делегации в Анкару в мае 2017 г., посол Пакистана С. Махмуд отметил, что подготовка соглашения о свободной торговле между сторонами находится на завершающей стадии¹⁹.

Однако, вопреки заявленным планам, пока внешнеторговый оборот между странами имеет более скромные объемы. Стоит отметить, что удельный вес внешней торговли между Турцией и Пакистаном составил в 2014 г. и в 2015 г. – 0,17%, в 2016 г. около 0,2% общей стоимости внешней торговли Турции. При этом Пакистан не входит в двадцатку крупнейших стран ни по импорту, ни по экспорту Турции. Несмотря на некоторое увеличение доли пакистанско-турецкой торговли, ее объемы незначительны, но страны имеют огромный потенциал для будущего сотрудничества.

Объем внешней торговли между Турцией и Пакистаном, возраставший и достигший максимального значения к 2011 г. в 1,1 млрд долл., начиная с 2012 г. начал сокращаться (2014 г. – 694,9 млн долл., 2015 г. – 600 млн долл.). Только в 2016 г. падение было приостановлено и отмечался незначительный рост до 610 млн долл. При этом имевший место дефицит внешней торговли Турции с Пакистаном в 2000-х гг., постепенно возрастал и достиг также максимума к 2011 г. – 659 млн долл. С 2012 г. внешнеторговый дефицит начал сокращаться, причем как за счет роста экспорта Турции, так и в результате сокращения турецкого импорта из Пакистана. В 2014 г. стоимость турецкого экспорта составила 259,3 млн долл., импорта – 435,6 млн долл., в результате дефицит турецкой стороны составил 176,3 млн долл. В 2015 г. экспорт несколько вырос – до 289 млн долл. (относительный прирост на 11,5%), а импорт сократился до 310 млн долл. (относительное сокращение на 28,7%), что существенно снизило отрицательное для Турции сальдо до 21 млн долл. А уже в 2016 г. Турция сумела преодолеть отрицательный баланс и вышла на положительные значения внешнеторгового баланса – 86 млн долл. Объем внешней торговли составил 610 млн долл. Баланс сводился в пользу турецкой стороны как за счет значительного роста экспорта (347 млн долл.), так и сокращения импорта (263 млн долл.)²⁰. Таким образом, торговое сотрудничество Турции с Пакистаном способствует решению основной экспортной задачи страны по наращиванию экспорта и снижению внешнеторгового дефицита, несмотря на то, что объем внешней торговли между партнерами еще не столь значителен. Параллельно повышалось и отношения экспорта Турции к ее импорту из Пакистана. Так, в 2014 г. данный показатель составил 59%, в 2015 г. – 93%, а в 2016 г. – 131%²¹.

Как уже отмечалось, начиная с 2012 г. экспорт демонстрировал рост стоимостных значений (за исключением 2014 г.). В 2015 гг. объем экспорта вырос на 30 млн долл. – на 10,3% по сравнению с 2014 г. В 2016 г. абсолютный прирост стоимости экспорта по сравнению с 2015 г. составил уже 88 млн долл. (относительный рост на 25%). Импорт, напротив, снизился на 125 млн долл.

с 2014 по 2015 гг. (на 29%), и на 47 млн долл. с 2015 по 2016 гг. (на 15%)²².

В товарной структуре экспорта Турции в Пакистан лидирующее место по группам товаров в 2016 г. занимали летательные аппараты (вертолеты, самолеты), космические аппараты (включая спутники), средства для запуска космических аппаратов, суборбитальные аппараты. Стоимость экспорта по этим статьям составила 21,8 млн долл. – 6,3% общего объема экспорта в Пакистан. Причем, данная товарная группа полностью отсутствовала в 2014 и 2015 гг. Стоит отметить, что товары этой группы принадлежат к товарам высокой степени переработки, и этот факт характеризует турецкий экспорт в Пакистан как достаточно диверсифицированный, и говорит о высоком экспортном потенциале Турции. Вторую позицию заняли аппараты телефонные, прочая аппаратура для передачи или приема голоса, изображений или других данных – 10,7 млн долл. (3%). Третье место разделили статьи: молоко и сливки, сгущенные или с добавлением сахара или других подслащающих веществ – 10,5 млн долл. (3%); товары, не указанные по виду (10,3 млн долл. – 3%); тканые ковры и прочие текстильные напольные покрытия (8,9 млн долл. – 2,6%); оборудование для промывки, чистки, отжима, сушки, глаженья, прессования, крашения, отделки и др. пряжи, тканей или готовых текстильных изделий (7,9 млн долл. – 2,3%). Кроме того, Турция также экспортировала в Пакистан трансформаторы электрические, статические электрические преобразователи; пряжу хлопчатобумажную; средства женской гигиены, детские пеленки и подгузники; нетканые материалы; холодильники, морозильники и прочее холодильное или морозильное оборудование электрическое или других типов, тепловые насосы; станки (включая прессы) для обработки металлов; металлоконструкции из черных металлов и их части; центрифуги, включая центробежные сушилки; оборудование и устройства для фильтрования или очистки жидкостей или газов; части и принадлежности моторных транспортных средств. На долю данных статей приходилось около 2% турецкого экспорта в 2016 г.²³ Таким образом, анализируя структуру турецкого экспорта в Пакистан, стоит отметить преоблада-

ние товаров средне-высокотехнологичных отраслей, таких как различные виды оборудования, машины, части и принадлежности моторных и транспортных средств (около 20% общего объема экспорта) и средне-низкотехнологических отраслей таких, как металлургическое производство, производство пластмассы, резины, металлических изделий – 7,5%). В экспорте присутствуют и товары высокотехнологичных отраслей (летательные, космические аппараты – 6% и производство оружия – револьверы, пистолеты – 1,1%) и низкотехнологичных отраслей (производство пищевых продуктов – 4%, текстильных материалов, хлопка и готовых изделий – 9,6%)²⁴.

Стоит отметить, что было подписано значительное количество соглашений между Турцией и Пакистаном о поставках военной техники и ее модернизации. Так, Турция, подписав с Пакистаном Соглашение об обороне в январе 2015 г., взяла на себя финансовое обеспечение строительства новой линии бронированных транспортных средств. Турция, в отличие от США, Франции и некоторых других членов НАТО, не желает уменьшать военное сотрудничество с Пакистаном, а даже наоборот, увеличивает. Данное соглашение позволит значительно нарастить производство в оборонной отрасли. Турция играет значительную роль в поставках военной техники, и в частности самолетов F-16 Пакистану. Согласно сообщению пакистанских военных специалистов, Пакистан за последние годы подписал множество военных соглашений. И основными партнерами являлись Россия, Китай и Турция²⁵.

Турецкая компания Otokar – производитель бронетанковой техники – представила в январе 2016 г. правительству Турции свой проект по организации серийного производства перспективных основных боевых танков Altay. Компания предложила производство первой партии танков в количестве 250 машин и создание интегрированной логистической поддержки программы. «Отокар» также заявила, что завершила производство прототипов танка и проводит квалификационные приемочные испытания. Сообщалось, что серийное производство танков начнется в 2017 г. Турецкие официальные лица сообщали, что в приобре-

тении танков этого типа заинтересован и Пакистан. В настоящее время построено пять прототипов, которые проходят успешные испытания по всей территории Турции²⁶.

В мае 2016 г. Турция и Пакистан заключили контракт стоимостью 75 млн долл., согласно которому Стамбул будет модернизировать парк истребителей F-16 ВВС Пакистана²⁷. Такое заявление сделал высокопоставленный представитель Турецко-Азиатско-Тихоокеанского Совета по внешнеэкономическим связям – DEİK. Турция производит двигатели и запчасти для этих самолетов.

Министр обороны Турции Ф. Ышык встречался со своим коллегой Х. М. Асифом в июне 2016 г. в Исламабаде для обсуждения сотрудничества в области обороны. Отмечалось, что одним из наиболее важных обсуждаемых вопросов стал возможный контракт по приобретению ударных вертолетов Т-129 компании «Тюркиш Аэропейс Индастриз» (Turkish Aerospace Industries – TAI). Кроме того, министр сообщил о заявке властей Пакистана на покупку четырех турецких корветов класса Ада (Ada), которые будут построены на пакистанской судостроительной верфи. Начато обсуждение деталей сделки по модернизации флота из трех подводных лодок класса «Агоста» (Agosta) ВМС Пакистана. Со своей стороны, министр обороны Турции также напомнил, что вопрос по приобретению учебно-тренировочных самолетов MFI-395 «Супер Мушшак» пакистанского производства по-прежнему находится в стадии обсуждения²⁸.

Согласно сообщению турецких источников в феврале 2017 г., 45 истребителей F-16A/B Block-15 ВВС Пакистана будут модернизированы на середине жизненного цикла (Mid-Life Update) компанией Turkish Aerospace Industries (TAI).²⁹ Основной задачей модернизации является повышение возможностей истребителей для действий в ночных условиях. Турецкая компания поставит «очки ночного видения». В настоящее время два самолета прошли обновление. Отмечалось, что в скором времени TAI поставит 43 комплекта оборудования. Контракт стоимостью 75 млн долл. был подписан еще в мае 2015 года. В то время не было сообщено о деталях работы, но сейчас стало ясно, что самолеты получают "кабину для ночных полетов". Возможно, что

подобной модернизации подвергнутся 74 истребителя на сумму 100 млн долл. Истребители этой версии оснащены РЛС управления оружием AN/APG-68(v9), и летный ресурс самолета составляет 8000 часов.

В турецкой газете Daily Sabah от 30 мая 2017 г. имела место информация, что турецкая компания Aselsan поставила Пакистану восемь прицельных контейнеров ASELPD – высокотехнологичное военное оборудование – на сумму 24,9 млн долл., согласно подписанному в июне 2016 г. контракту. Оборудование позволит истребителям JF-17 BBC Пакистана применять УАБ с лазерным/инерциальным и спутниковым наведением³⁰.

Таким образом, Турция имеет соглашения с Пакистаном о поставках ему военной техники (танки, вертолеты, прицельные контейнеры) и ее модернизации. За последние годы Турция направляла значительный объем инвестиций в свою оборонную промышленность для уменьшения зависимости страны от иностранного вооружения. Турция развивает свою оборонную промышленность и, экспортируя продукцию, значительно увеличивает валютные поступления в бюджет страны. Пакистан рассматривает Турцию как источник получения современных американских и европейских технологий, которые Исламабад использует для развертывания собственного военного производства.

Оценивая экспортную стратегию, объемы экспорта и заключенные договора о поставках продукции, можно говорить об успехах диверсификации экспорта Турции на примере Пакистана, что является одной из основных задач турецкой модели развития. Пакистан, в свою очередь, импортируя турецкую продукцию средне- и высокотехнологичных отраслей, обеспечивает собственную экономику средствами производства для решения задач индустриализации страны, а покупая товары сельскохозяйственного производства – обеспечивает продовольствием быстрорастущее население.

Анализируя турецкий импорт из Пакистана, стоит отметить, что стоимость турецкого импорта из Пакистана в 2015 г. сократилась на 125 млн долл. по сравнению с 2014 г. (почти на 30%) и

составила 310 млн долл. В 2016 г. также отмечалось сокращение импорта по сравнению с 2015 г., хотя и менее значительное – на 47 млн долл. (на 15%). Импорт составил 263 млн долл.³¹

В импорте Турции по группам товаров первое место принадлежало в 2016 г. тканям хлопчатобумажным с поверхностной плотностью более 200 г/м² – 25% (65,4 млн долл. – сокращение на 10% по сравнению с 2014 г.) от общего объема импорта Турции из Пакистана. Второе место занимала также статья хлопчатобумажного производства – пряжа хлопчатобумажная (кроме швейных ниток) – 12% импорта (30,3 млн долл. – сокращение на 44% по сравнению с 2014 г.). Полиацетаты, полиэфирные простые и смолы эпоксидные в первичных формах; поликарбонаты, смолы алкидные, сложные полиаллильные эфиры заняли третье место со стоимостью импорта 17 млн долл. (6,5% – сокращение на 57% по сравнению с 2014 г.³²). Далее следовали следующие статьи: карандаши, грифели, постели, мелки – 5,7% импорта; ткани хлопчатобумажные с поверхностной плотностью не более 200 г/м² – 5,5%; пряжа хлопчатобумажная (кроме швейных ниток), содержащая менее 85 мас.% хлопковых волокон, не расфасованная для розничной продажи – 5%; предметы одежды и принадлежности к одежде, из натуральной кожи или композиционной кожи – 4,6%; импорт трех статей, включающих предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных, машинного и ручного вязания составил 6,6%; дубленая кожа или кожевенный краст из шкур крупного рогатого скота (включая буйволов) или животных семейства лошадиных – менее 1%. Кроме того, Турция импортировала следующие продукты и продовольственное сырье: спирт этиловый неденатурированный; этиловый спирт и прочие спиртовые настойки, денатурированные, любой концентрации; семена и плоды прочих масличных культур, дробленые или недробленые. В незначительном количестве импортировались приборы и устройства, применяемые в медицине, хирургии, стоматологии или ветеринарии – 1,7% импорта³³. Таким образом, мы видим, что импорт Турции из Пакистана был представлен в основном продукцией текстильной промышленности, товарами хлопковой группы,

продовольственной продукцией и сырьем (именно эти товарные группы имеют лидирующие позиции и в общем экспорте Пакистана), то есть низкотехнологичными товарами, что говорит об отсталой товарной структуре экспорториентированных отраслей экономики Пакистана. Преобладание этих видов товаров в экспорте Пакистана делает Пакистан уязвимым на мировом рынке³⁴.

Турция, импортируя данную продукцию, удовлетворяет свои потребности в более дешевом сырье и имеет возможности дальнейшей переработки текстиля, кожи, ткани, пряжи и экспорта готовых товаров.

Стоит надеяться, что поставка Пакистаном военной техники в Турцию в ближайшем будущем сможет несколько изменить данную ситуацию. После обсуждения вопроса о приобретении турецкой стороной самолетов у Пакистана, в ноябре 2016 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между Турцией и Пакистаном по закупке Анкарой 52 тренировочных самолетов Super Mushshak, сумма контракта составит более 50 млн долл. Министр оборонной промышленности Пакистана Р. Т. Хуссейн отметил, что данное соглашение является значимым в сфере оборонного сотрудничества. Соглашение было подписано на полях международной выставки IDEAS в Карачи. Предполагалось, что самолеты будут поставляться тремя партиями — по одной каждый последующий год. Самолет Super Mushshak является модернизированной версией MFI-17 Mushshak, который в свою очередь является улучшенным вариантом шведского самолета Saab MFI-15 Safari. Пакистан владеет лицензией на производство данной модели самолета. Данный контракт, по словам председателя комитета Сената по обороне, станет крупнейшей сделкой в истории Пакистанского авиастроительного комплекса. В 2013 г. Турция выпустила требование для замены устаревших UTC SF-260, и свое предложение немедленно озвучил Пакистан. Первый самолет этого типа был выпущен в ноябре 2000 г., первый полет совершен в мае 2001 г., машина была принята на вооружение ВВС Пакистана. Самолет одержал ряд побед в конкурсах в Саудовской Аравии, ЮАР и Омане³⁵.

Таким образом, мы наблюдаем, что Пакистан сам производит самолеты и заключает соглашения об экспорте продукции, в том числе и в Турцию. И Турция, и Пакистан обладают потенциалом отвечать на запросы собственных вооруженных сил и удовлетворять потребности других стран.

Можно отметить, что недостаточный уровень развития производства высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей Пакистана, а также необходимость данной продукции для обороны страны открывает возможности для сотрудничества с Турцией на начальных этапах на основе принципа взаимодополняемости экономик.

Итак, в последний период времени рост двусторонней торговли был обеспечен за счет роста турецкого экспорта, но при сокращения импорта из Пакистана. Стоит отметить, что отличительной особенностью данного партнерства является то, что Турция экспортирует не только продукцию среднетехнологичных отраслей, но и высокотехнологичную продукцию, в частности, военную технику, оборудование и другие товары с высокой добавленной стоимостью, что имеет большое значение для экономики страны, и говорит об успехах турецкой экспортноориентированной стратегии. При этом значительная роль отводится деятельности Турецко-Пакистанского Совета экономического сотрудничества высшего уровня и Турецкому Представительству Ассоциации всех промышленников и предпринимателей в Пакистане. Стороны надеются на расширение торгового сотрудничества и увеличение внешнеторгового оборота стран.

Примечания

¹ Ulusal Kalkınma Planı. 2016 Yılı Programı // URL: <https://www.gmka.gov.tr/dokumanlar/yayinlar/3.-10.-Ulusal-Kalkinma-Planı-2016-Yılı-Programı.pdf> и URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/06/20120613-31-1.pdf/>

² URL: <https://www.gmka.gov.tr/dokumanlar/yayinlar/3.-10.-Ulusal-Kalkinma-Planı-2016-Yılı-Programı.pdf>

³ 2017yılı başında dış politikamız. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2017-yili-basinda-dis-politikamiz.pdf

⁴ Pakistan-Türkiy ilişkileri // URL: <http://www.byegm.gov.tr/ENGLISH/haber/pakistan-turkiye-iliskileri/76565>

⁵ Пакистан к визиту президента Турции Реджепа Эрдогана. URL: <http://katehon.com/ru/article/pakistan-k-vizitu-prezidenta-turcii-redzhepa-erdogana>

⁶ Türkiye ile Pakistan arasında imzalan anlaşımlar / 23 Şubat 2017 Perşembe, 15:41 // URL: <http://www.haberturk.com/yerel-haberler/haber/11042301-turkiye-ile-pakistan-arasinda-imzalan-anlasmalar>

⁷ Türkiye ve Pakistan arasında 10 işbirliği anlaşması imzalandı // URL: <http://www.byegm.gov.tr/turkce/haber/turkiye-ve-pakistan-arasinda-10-is-birligi-anlasmasi-imzalandi/106220>

⁸ Prime Minister of Pakistan concludes a highly successful visit to Turkey; Strategic Relationship between the two brotherly countries reaffirmed as a number of MOUs / Agreements signed at the conclusion of the 5th Session of the Pakistan-Turkey HLSCC // URL: <http://pakturkey.blogspot.ru/-of/html>

⁹ Ассоциация была создана в 2005 г. для содействия деятельности предприятий мелкого и среднего бизнеса в стране и за рубежом с целью укрепления национальной экономики и выхода Турции на более высокий конкурентный уровень развития. Цель Ассоциации – стать мировым лидером. В результате активно открываются представительства и в других странах / TİM SANAYİCİ VE İŞ ADAMLARI DERNEĞİ TÜZÜĞÜ / <http://www.tumsiad.org.tr/tuzuk.php>

¹⁰ Ulusal Kalkınma Planı. 2016 Yılı Programı // URL: <https://www.gmka.gov.tr/dokumanlar/yayinlar/3.-pdf>

¹¹ Türk iş adamlarından Pakistan atağı / 22 Mart 2016 Salı 17:51 // URL: <http://www.alanyapostasi.com.tr/genel/turk-is-adamlarindan-pakistan-atagi-h14109.html>

¹² URL: <https://www.gmka.gov.tr/dokumanlar/yayinlar/3.-10.-Ulusal-Kalkınma-Planı-2016-Yılı-Programı.pdf>

¹³ URL: <http://www.hurriyet.com.tr/pakistana-yakin-markaj-40073992>

¹⁴ Pakistan Türkiye ticaret anlaşması // URL: <http://www.byegm.gov.tr/turkce/haber/pakistan-ile-turkiye-yakinda-serbest-ticaret-anlasmagini-imzalayacak/98185>

¹⁵ URL: <http://www.offshore.su>, 8 сентября 2016 > № 1889731

¹⁶ Özenalp A. Pakistan serbest ticaret anlaşması // URL: http://www.ekohaber.com.tr/ekohaber-ahmet-ozenalp-03-01-2017-yazisi-yazi_id-27153.html

¹⁷ Türkiye – Pakistan Serbest Ticaret Anlaşması // URL: <http://www.ciftlikdergisi.com.tr/turkiye-pakistan-serbest-ticaret-anlasmasi.html>

¹⁸ Tekstilde Pakistan ile serbest ticaret anlaşması / DHA 23.02.2017 // URL: <http://www.hurriyet.com.tr/tekstilde-pakistan-ile-serbest-ticaret-anlasmasi-40375454>

¹⁹ Pakistan-Türkiye Serbest Ticaret Anlaşması (FTA) son aşamada // URL: <http://www.haberlerankara.com/pakistan-turkiye-serbest-ticaret-anlasmasi-fta-son-asamada-3174yy.htm>

²⁰ URL: <https://www.ekonomi.gov.tr/portal/faces/home/disIliskiler/ulkeler/ulke-detay/Pakistan/html-viewer-ulkeler/>

²¹ Рассчитано по: Türkiye-Pakistan Dış Ticaret Değerleri // URL: <http://www.ekonomi.gov.tr/>

²² Ibid

²³ Türkiye'nin Pakistan'a İhracatında Başlıca Ürünler (Milyon Dolar) // URL: <https://www.ekonomi.gov.tr/>

²⁴ Рассчитано по: Türkiye-Pakistan Dış Ticaret Değerleri // URL: <http://www.ekonomi.gov.tr/>

²⁵ Pakistan-Türkiye savunma ilişkileri // URL: <http://www.byegm.gov.tr/turkce/haber/pakistan-turkiye-savunma-iliskileri/75341>

²⁶ URL: defensenews.com (15 января)

²⁷ URL: <http://www.timesofislamabad.com> (14 мая)

²⁸ URL: <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2016/0607/145035407/detail.shtml>

²⁹ URL: militaryparitet.com. 1 февраля 2017 > № 2065755

³⁰ URL: <http://www.militaryparitet.com>, 31 мая 2017 > № 2193306

³¹ Рассчитано по: Türkiye-Pakistan Dış Ticaret Değerleri // URL: <http://www.ekonomi.gov.tr/>

³² Рассчитано по: Türkiye'nin Pakistan'dan İthalatında Başlıca Ürünler (Milyon Dolar) / URL: <http://www.ekonomi.gov.tr/>

³³ Ibid

³⁴ Каменев С. Н. Экономическое развитие Пакистана (1947–2012). Макро-экономический анализ. М., 2014, с.177.

³⁵ URL: <https://ria.ru/economy/20161124/1482083696.html>

Аббасов Э.*

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ РОССИИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ (2002–2017)

В пятивековой истории российско-турецких отношений были как напряженные и драматические, так удачные и благоприятные страницы. С приходом к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) внешняя политика Турции подверглась существенной трансформации и российско-турецкие отношения вышли на качественно новый уровень. Драйвером этих отношений, безусловно, являются торгово-экономические отношения и осуществление крупных энергетических проектов, таких как прокладка газопровода «Турецкий поток» строительство первой в Турции АЭС «Аккую». Однако в политической сфере между Россией и Турцией существует немало расхождений и несовпадений взглядов на разрешение и урегулирования ряда региональных и международных вопросов. Несмотря на это, Турция является не только надежным, но и естественным партнером России, как в экономическом, так и политическом плане.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения, Партия справедливости и развития, «Голубой поток», «Южный поток», «Турецкий поток», АЭС «Аккую», российский бомбардировщик Су-24М, операция «Щит Евфрата», сирийский кризис, борьба с ИГИЛ

In the five-century history of Russian-Turkish relations there were both tense and dramatic as well as successful and favorable pages. With the coming to power in Turkey in 2002 of the Justice and Development Party (AKP), Turkey's foreign policy has undergone significant transformation and Russian-Turkish relations have reached a qualitatively new level. The driver of these relations are, of course, trade and economic relations and the implementation of large energy projects, such as the construction of the Turkish Stream gas pipeline and

* Аббасов Эльдар Мазахир оглы – кандидат исторических наук, заведующий сектором Всеобщей истории Научно-исследовательского института истории, права и экономики. E-mail: eldar.abbasov@mail.ru

the construction of the first Akkuyu nuclear power plant in Turkey. However, in the political sphere between Russia and Turkey there are many contradictions in views on resolving of regional and international issues. Despite this, Turkey is not only a reliable, but also a natural partner of Russia, both economically and politically.

Key words: *Russian-Turkish relations, Justice and Development Party, Blue Stream, South Stream, Turkish Stream, Akkuyu Nuclear Power Plant, Russian bomber Su-24M, Operation Euphrates Shield, Syrian crisis, fighting ISIS*

Существенная трансформация во внешней политике Турции произошла после прихода к власти в ноябре 2002 г. Партии Справедливости и Развития (ПСР). Учитывая уникальное геополитическое положение Турции, ПСР ставила своей задачей превратить страну в центр региональной силы и позиционировать Турцию как главную региональную державу. После завершения эры «холодной войны» в мире сложилась новая международная конъюнктура, в которой принадлежность к военным блокам перестала быть определяющим фактором внешнеполитического курса новых властей Турции. В своей внешнеполитической концепции ПСР исходила из того, что совместные проекты превратились в важный инструмент развития межгосударственных отношений¹. Участие Турции в крупных международных проектах должно было усилить экономическую мощь страны, которая в свою очередь могла обеспечить благоприятные условия для развития многовекторного характера внешней политики. Идея реализовать потенциал Турции как ведущей региональной державы и «энергетического хаба» для Европы и превратить страну в основной маршрут доставки нефти и газа из стран Ближнего Востока, Кавказа, Средней Азии и России на европейские рынки лежала в основе внешнеполитической концепции ПСР. Географически Турция находится в непосредственной близости к основной части подтвержденных запасов нефти и природного газа планеты².

Развитие российско-турецких отношений являлось важным звеном осуществления грандиозных и масштабных планов ПСР. Хотя во внешнеполитической части Программы ПСР, учитывая

ее географическое расположение и исторически сложившиеся близкие отношения со странами Европы, первостепенные значение придавалось развитию отношений с европейскими странами, но вместе с тем важное место отводилось и развитию дружеских отношений с Россией. Примечательно, что развитие отношений с Россией рассматривалось через призму сотрудничества на Кавказе и в Средней Азии,³ где подавляющее большинство населения имело этническую, культурную и религиозную близость с Турцией. Это было обусловлено доминированием России в этом регионе даже после распада СССР. Курс, взятый 8-м президентом Турции Тургутум Озалом на установление и упрочение отношений с тюрко-мусульманскими государствами Кавказа и Средней Азии, был ослаблен после его скоропостижной смерти 17 апреля 1993 г. Избранный новый девятый президент Турции Сулейман Демирель был осторожным, предусмотрительным, а порой нерешительным. Будучи политиком эпохи холодной войны и переживший Карибский кризис Сулейман Демирель остерегался раздражать Россию своими действиями на постсоветском пространстве. А коалиционные правительства Турции в 1990-х годах были погружены в пучину собственных проблем. К тому же в отсутствие необходимой экономической мощи и политического веса Турция не смогла напрямую экспортировать свою модель государственного управления в тюрко-мусульманские страны Кавказа и Центральной Азии. Вскоре бывшие коммунистические руководители путем «выборов» захватили в этих государствах власть и установили авторитарные режимы. ПСР понимала провальную политику предыдущих правительств Турции в этом регионе и по-новому определяла свою задачу с учетом интересов России, чтобы новая политика не воспринималась официальной Москвой как вторжение в сферу ее национальных интересов. «Несмотря на историческую, культурную и социальную близость с тюркскими государствами Центральной Азии, Турция в отношениях с ними не смогла оправдать их ожиданий. Развивая с тюркскими государствами отношения, ПСР будет стараться превратить регион в поле широкого сотрудничества»,⁴ – говорилось в Программе ПСР.

Сразу после победы ПСР на выборах в ноябре 2002 г. лидер партии Реджеп Таййип Эрдоган, не являясь еще главой правительства, совершил две знаковые зарубежные поездки – в США и Россию. Тем самым Эрдоган четко давал понять, что ПСР, исходя из национальных интересов Турции, будет проводить сбалансированную внешнюю политику как по отношению к Западу, так и по отношению к Российской Федерации. Путин на встрече с Эрдоганом в Кремле выразил уверенность в сохранении лучших традиций в отношениях между Турцией и Россией и достижении новых рубежей сотрудничества при новом правительстве ПСР в Турции. Вместе с тем, Президент России выразил удовлетворение успешным развитием торгово-экономических отношений между Россией и Турцией, констатировал увеличение товарооборота в 2002 г. до 5 млрд долларов (без учета объема челночной торговли, которая составляла приблизительно 4 млрд долларов) и акцентировал внимание на завершении строительства крупного энергетического проекта «Голубой поток» мощностью 16 млрд кубометров в год, который реализовался по межправительственному договору от 15 декабря 1997 г.⁵ Отмечая значение данного проекта для обеих стран, Путин отметил, что «это лишь один раз подчеркивает прочность наших отношений, уверенность, как Турции, так и России в том, что мы будем друг для друга надежными партнерами»⁶.

Новую страницу в российско-турецких отношениях открыл первый государственный визит в Турцию президента РФ В. Путина в декабре 2004 г., в рамках которого была подписана Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между двумя странами⁷. Подчеркивая значение этого документа в развитии двусторонних отношений, Путин сказал: «Она закрепляет не только возросшее качество взаимоотношений России и Турции, она не только фиксирует уже достигнутое, но и определяет перспективные направления сотрудничества. В целом декларация отражает наш общий с руководством Турции настрой на развитие всего комплекса межгосударственных связей в политической, экономической, культурной и других сферах»⁸. Помимо совместной декларации в присутствии двух

президентов были подписаны межправительственные соглашения о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод, о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемые и полученные в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества, о взаимной защите секретной информации и материалов, передаваемых или образовавшихся в ходе двустороннего сотрудничества в области оборонной промышленности, меморандумы о сотрудничестве между дипломатической академией МИД РФ и центром стратегических исследований МИД Турции, о развитии сотрудничества в газовой сфере между «Газпромом» и турецкой государственной компанией BOTAŞ и соглашение о сотрудничестве в банковской сфере.

До наступления мирового финансово-экономического кризиса и российско-грузинской войны в связи с южноосетинским конфликтом 2008 г. отношения между Россией и Турцией как в политической, так и в торгово-экономической сфере развивались по восходящей линии. Однозначно можно утверждать, что экономические связи явно опережали политическое взаимодействие двух стран. В 2002–2008 гг. взаимный товарооборот между Россией и Турцией увеличился с 5 до 38 млрд долл. США. Необходимо отметить, что динамику товарооборота между двумя странами по-прежнему определяет изменение мировых цен на энергоносители, так как на энергетическое сырье приходится около 70–75% российского экспорта или 2/3 всего объема российско-турецкой торговли⁹. Именно по этой причине у Турции существует отрицательное сальдо в торговле с Россией. Если в 2002 году отрицательное сальдо составляло 2,7 млрд долл. США, то в 2008 году оно достигла уровня 24,8 млрд долл. США¹⁰. Турция пытается компенсировать отрицательное сальдо за счет увеличения туристического потока из России и расширением деятельности турецких строительных фирм на рынке подрядных услуг России.

С ростом экономики Турции увеличивается ее потребность в природном газе и нефти. Если в 2004 г. общий объем потребления газа составлял 22,3 млрд м³, то 2015 г. этот объем увеличился

до 48 млрд м³. В самой Турции добывается только 1% от нынешней потребности экономики страны в газе. 99% потребляемого газа Турция импортирует из-за рубежа. Россия стала для Турции главным поставщиком энергоносителей. 83% импортируемого объема газа поставляется в Турцию по трубопроводам из России (56%), Ирана (16%) и Азербайджана (11%)¹¹. Стоит отметить, что после ФРГ – Турция второй крупнейший импортер российского природного газа. В целях диверсификации источников импорта и обеспечения стабильности поставок Турция закупает в Алжире и Нигерии по долгосрочным контрактам сжиженный природный газ (СПГ).

Наряду с природным газом увеличивается и потребление нефти. Всего лишь 9% потребляемой нефти добывается на территории Турции, а остальное импортируется. Объем импортируемой нефти в 2015 г. превысил 25 млн тонн. Поставки сырой нефти в Турцию осуществляли в основном четыре страны: Ирак – 45,52%, Иран – 22,29%, Россия – 12,38%, Саудовская Аравия – 9,49. В 2015 г. импорт нефти по сравнению с 2012 г. увеличился на 28,6%¹².

С развитием торгово-экономических отношений между Россией и Турцией вырос и объем взаимных инвестиций. Российский национальный капитал искал себе применение на устойчивых внешних рынках. В этом отношении Турция была одной из подходящих стран, и на волне поступательного развития торгово-экономических отношений наметилась тенденция расширения направлений инвестиционного сотрудничества с Турцией в таких областях, как мобильная связь, топливно-энергетическая и черная металлургия, атомная энергетика, автомобилестроение, банковское дело. Если в 2008 г. российские инвестиции в экономику Турции составляли 272 млн долл. США, то в 2015 г. их объем увеличился до 1,475 млрд долл. США. За этот же период турецкие инвестиции в России увеличились с 179 млн долл. США до 292 млн долл. США¹³. Турецкие инвестиции в Россию в основном направлялись в текстильную, пищевую, химическую, деревообрабатывающую, электронную и электротехническую промышленность, производство строительных и отделочных материалов,

автомобилестроение, сферу услуг, торговлю, туризм и банковский сектор.

Важным механизмом, обеспечивающим динамичное развитие двусторонних отношений, стало учреждение в мае 2010 г. в рамках визита президента России Дмитрия Медведева в Турцию лидерами двух стран Совета сотрудничества высшего уровня (ССВУ) под сопредседательством глав государств России и Турции. В совместном заявлении о создании ССВУ говорилось, что «Совет будет являться руководящим органом, разрабатывающим стратегию и основные направления развития отношений между Россией и Турцией, координирующим реализацию важных проектов политического, торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. Его деятельность будет способствовать дальнейшему укреплению партнерских отношений между двумя странами, согласованию их действий в целях поддержания международного мира, стабильности и безопасности»¹⁴.

После продолжительного периода динамично развивавшегося сотрудничества между Россией и Турцией вскоре появилось первое серьезное политическое разногласие. Оно ярко проявилось во время пятидневной российско-грузинской войны по южноосетинскому конфликту в августе 2008 г. В разгар событий премьер-министр Турции Эрдоган совершил челночный визит в Москву и Тбилиси. 13 августа в Кремле его встретил президент России Дмитрий Медведев. Перед началом официальных и конфиденциальных переговоров Медведев сказал, что «наши отношения имеют и значительное региональное и международное измерение, и, конечно, такие близкие страны, как наши государства, находящиеся в очень хороших, тесных отношениях, должны сверять часы и в случае возникновения проблем, а их, к сожалению, достаточно много на сегодняшний день, в том числе, я имею в виду и недавнюю агрессию Грузии в отношении Южной Осетии». В свою очередь Эрдоган выразил надежду на то, что «встреча даст возможность оценить ситуацию в Южной Осетии» и подчеркнул, что «в этом регионе солидарность Турции с Российской Федерацией имеет огромное значение»¹⁵.

Но в декабре 2010 г. известный интернет-ресурс WikiLeaks опубликовал сенсационные материалы, по которым стало известно о том, что на встрече с президентом России Эрдоган предупредил российскую сторону, что если военные действия коснутся Аджарии, то в таком случае Турция будет вынуждена ввести свои войска на территории Грузии¹⁶. Как по условиям Московского договора от 16 марта 1921 г., так и по условиям Карсского договора от 13 октября 1921 г. Турция соглашалась уступить Грузии сюзеренитет над городом и портом Батумом и территорией, составляющей часть Батумского округа, при условии, что население будет пользоваться широкой местной автономией в административном отношении. К сожалению, у нас нет возможности проверить достоверность этой информации, но можно предположить, что в связи с военными действиями России против Грузии, граничащей с Турцией, Эрдоган на встрече с Медведевым напомнил ему об условиях Московского и Карсского договоров. По окончании пятидневной войны 26 августа Россия официально признала государственную независимость Южной Осетии и Абхазии. В тот же день МИД Турции выступил с официальным заявлением, в котором говорилось, что «Турция уважает независимость, суверенитет и территориальную целостность Грузии и выражает свою обеспокоенность по поводу последних событий. Турция сторонник решения существующих проблем исключительно мирным путем»¹⁷. Таким образом, Турция, негативно реагируя на российско-грузинскую войну по южноосетинскому конфликту, не одобрила действий России.

Позиция Анкары по южноосетинскому конфликту сильно раздражала официальную Москву. О том, что отношения между двумя странами в период российско-грузинского конфликта дали трещину, можно судить по ухудшению бизнес-климата для турецких фирм в России. Сразу после завершения военных действий на территории Грузии на таможенных постах России все грузовики, следовавшие из Турции в Россию с турецкими товарами, стали подвергаться тотальному и тщательному досмотру, в результате чего на таможенных постах скопились тысячи гру-

зовиков в основном со скоропортящимися овощами и фруктами, начались массовые налоговые проверки турецких фирмы и т. п. В результате потери турецких фирм исчислялись миллионами долларов США. В связи с этими событиями государственный министр Турции по внешней торговле Турции Кюршад Тюзмен (Kürşad Tüzmen) 19 августа встретился с послом России в Анкаре Владимиром Ивановским. Обратив внимание посла России на масштаб торгово-экономических отношений между Россией и Турцией, государственный министр подчеркнул, что практика 100-процентного досмотра турецких товаров на таможенных постах России существенно тормозит грузопоток из Турции в Россию и просил незамедлительно включиться в процесс разрешения данной проблемы¹⁸.

Правительство Турции работало по всем канал для исправления ситуации, однако развязка наступила только через год в августе 2009 года во время личной встречи Владимира Путина и Реджпа Таййипа Эрдогана в Анкаре. Российско-турецкие переговоры на уровне премьер-министров были очень сложными, но, несмотря на это, сторонам удалось прийти к общему знаменателю. По итогам встречи на пресс-конференции Владимир Путин признал сложность переговоров и подчеркнул положительную роль на них премьер-министра Турции Реджепа Таййипа Эрдогана: «Я хочу поблагодарить господина премьер-министра... Скажу откровенно, переговоры шли непросто и, даже можно сказать, сложно... Но мы обо всем договорились. Мы нашли развязки и компромиссы по всем вопросам»¹⁹.

В формате двусторонних встреч премьер-министров России Владимира Путина с Реджепом Таййипом Эрдоганом были обсуждены грандиозные энергетические проекты, в том числе строительство второй очереди газопровода «Голубой поток» с последующим экспортом газа через Турцию в Израиль, Ливан, Сирию и на Кипр, строительство в Турции крупных подземных хранилищ газа (ПХГ), а также строительство с участием российских фирм и российских специалистов первой в Турции атомной электростанции (АЭС) в районе Аккую на побережье Средиземного моря.

По масштабности и по значимости среди совместных энергетических проектов следует выделить проект строительства АЭС «Аккую», по которому 12 мая 2010 года было подписано межправительственное соглашение²⁰. Проект строительства и эксплуатации АЭС «Аккую» предусматривает сооружение четырех энергоблоков мощностью по 1200 МВт каждого по российскому проекту «АЭС-2006», стоимостью 20 млрд долл. США. После реализации строительства АЭС и ввода ее в эксплуатацию 17% вырабатываемой электроэнергии в Турции будет производиться в Аккую. Проект сооружения в Турции АЭС «Аккую» является первым в мире проектом такого рода, который реализуется по модели ВОО (Built-Own-Operate). По условиям соглашения российская сторона обеспечивает финансирование, строительство и эксплуатацию АЭС, а турецкое государство – лицензирование и гарантии на закупку электроэнергии в течение 15 лет по фиксированной цене 0,1235 долларов США за кВт/ч (без НДС). В соответствии с соглашением, в декабре 2010 г. российская сторона учредила на территории Турецкой Республики проектную компанию АО «Аккую Нуклеар» (Akkuys Nükleer A.Ş.), которая принимала на себя обязательство по проектированию, строительству, обслуживанию, эксплуатации и выводу из эксплуатации станции²¹.

Другим крупным энергетическим проектом сотрудничества России и Турции стал строительство газопровода «Турецкий поток», который заменил «Южный поток». Украинский кризис изменили отношения официального Брюсселя к проекту «Южный поток». По мнению Еврокомиссии, «Южный поток» окончательно укрепит господство «Газпрома» на газовом рынке Европы и усилит ее зависимость от Москвы. Поэтому она предложила, чтобы к «Южному потоку» помимо «Газпрома» получили доступ и другие поставщики газа, что отвечает требованиям третьего энергетического пакета ЕС. Однако Россия никак не могла согласиться с предложением Еврокомиссии, и в результате провалились все попытки найти пути решения. После чего Еврокомиссия вынудила Болгарию заморозить работы по строительству своей секции трубопровода по проекту «Южный поток». По справедливо-

му замечанию аналитика газеты Financial Times Гая Хазана (Guy Chazan) «Южный поток» стал одной из самых крупных жертв противостояния Востока и Запада из-за Украины»²². К моменту заморозки проекта Россия уже потратила на строительство наземной части газопровода 4,66 млрд долл. США. Официально Владимир Путин объявил об отказе России от продолжения реализации проекта «Южный поток» в Анкаре 1 декабря 2014 г. после трехчасовых переговоров с президентом Турции Реджепом Таййипом Эрдоганом. Он назвал позицию Еврокомиссии по данному проекту неконструктивной и обвинил ее в создании препятствий к реализации проекта «Южный поток»²³. При этом Путин заявил о принципиальной договоренности с Эрдоганом о реализации нового проекта через территорию Турции и создании на турецко-греческой границе газового хаба для юга Европы. В тот же день при присутствии двух президентов Председатель Правления ОАО «Газпром» Алексей Миллер и Председатель Совета директоров BOTAS Petroleum Pipeline Corporation Мехмет Конук (Mehmet Konuk) подписали меморандум о взаимопонимании по строительству морского газопровода через Черное море в направлении Турции. Новый проект получил название «Турецкий поток» и 10 октября 2016 г. в рамках Всемирного энергетического форума, проходившего в Стамбуле, в присутствии президентов России и Турции было подписано межправительственное соглашение²⁴. Соглашение предусматривало строительство двух ниток магистрального газопровода по дну Черного моря общей мощностью 31,5 млрд кубометров газа – 15,75 миллиарда кубометров газа каждая. 6 декабря 2016 г. Турция, а 7 февраля 2017 г. Россия ратифицировали межправительственное соглашение по строительству «Турецкого потока». Отмечая взаимовыгодность данного проекта как для России, так и для Турции французская газета LeMonde писала: «Прокладка трубопровода гарантирует Турции льготные тарифы и контроль над частью газоснабжения европейского континента. В выигрыше обе стороны. Первой достаются новые рынки сбыта, а вторая может участвовать в управлении стратегическим ресурсом, который сама не производит»²⁵.

Торгово-экономические отношения между Россией и Турцией получили новое дыхание после того как официальная Анкара решила не присоединяться к санкциям США и Евросоюза, наложенным из-за украинского кризиса в отношении России начиная с весны 2014 г. Официальной Москвой этот шаг Анкары расценивался как дружеский, препятствующий международной изоляции России. В ответ на санкции Запада Россия ввела эмбарго на поставки продовольственных товаров из ряда стран Евросоюза, США, Канады, Японии и Австралии в Россию. Решение Москвы способствовало увеличению объема поставок свежих овощей и фруктов, продовольственных товаров из Турции. Удвоились поставки в Россию рыбной продукции, более чем в шесть раз выросли поставки мяса и мясной продукции. На долю России пришлось около 60% всего турецкого экспорта овощей и фруктов²⁶.

Серьезным испытанием для российско-турецких отношений стали оценки и позиции обеих стран по отношению к событиям «арабской весны» с начала 2011 года, а точнее к сирийскому кризису, в разрешении которого каждая страна исходила из своих геополитических интересов. Вооружившись концепцией «стратегической глубины», официальная Анкара сначала более сдержанно и осторожно относилась к событиям, направленным на свержение авторитарных режимов в арабских странах северной Африки и Аравийского полуострова. Однако когда беспорядки и массовые народные движения перекинулись в Сирию к границам Турции, активность Анкары началась зашкаливать. Политическое руководство Турции начала действовать более решительно и без опаски. Это было обусловлено рядом причин. Во-первых, сирийские курды, их политические организации – Партия «Демократический союз» (ДYP) и ее военизированное крыло Отряды народной самообороны (YPG), объявившие о создании курдской автономии на севере Сирии, на границе с Турцией представляют особую опасность для Анкары. Это прямая угроза усилению сепаратизма среди турецких курдов, проживающих вдоль границ с Сирией, где вот уже около 50 лет Курдская рабочая партия (РКК), признанная США и странами Евросоюза как террористическая организация, ведет вооруженную борьбу с центральны-

ми властями Турции. Ее целью является отторжение восточных и юго-восточных провинций Турции с преимущественно курдским населением и создание независимого государства Курдистан. Во-вторых, на территории Сирии в провинциях Латакия и Алеппо исторически проживают этнические турки (сирийские туркмены или туркоманы), исповедующие ислам суннитского толка. Они состоят в оппозиции к режиму Асада и воюют против центральной власти. В-третьих, нельзя не учитывать еще тот факт, что подавляющее большинство населения Сирии исповедует ислам суннитского толка, а во властных и военных структурах, включая самого президента Сирии Башара Асада, представлены шииты, которые составляют около 10% мусульманского населения страны. Несмотря на то, что и Турция, и Сирия светские государства, ислам в их жизни играет определяющую роль. Поэтому Турция, следуя традициям Османской империи, выступила в роли покровителя как сирийских туркоманов, так и суннитского большинства населения Сирии.

Для того, чтобы не повторить в Сирии трагический опыт событий в Ливии и Египте, избежать противостояния армии и народа и разрядить напряженную обстановку в стране, на начальном этапе сирийского кризиса Турция решила действовать по дипломатическим каналам. Официальная Анкара предложила Башару Асаду отменить чрезвычайное положение, действовавшее с 1963 года, и начать проводить демократические преобразования. Хотя 21 апреля 2011 года Башар Асад подписал указ об отмене чрезвычайного положения, которое ограничивало права и свободы граждан, допускало задержание и допрос любого лица, наблюдение за личными связями, устанавливало цензуру, он не стал проводить демократические преобразования, так как это в конечном итоге лишило бы его самого власти. После того, как оппозиционные силы овладели городом Хама, расположенным в 210 километрах к северу от Дамаска, и начали строить баррикады, Башар Асад отправил в Хаму правительственные войска, которые сначала окружили ее, предварительно отключив электричество и телефонную связь, а потом ворвались в город и открыли огонь по безоружным людям. События, происходившие в первые

дни священного для мусульман месяца Рамадан, потрясли весь мир, в том числе Турцию. С этого момента сирийский вопрос, по словам Эрдогана, стал внутренним вопросом Турции: «Сирийский вопрос является нашим внутренним вопросом. Потому что у нас с Сирией имеются 850 км общей границы, родственные, исторические, культурные связи. Следовательно, мы не можем остаться наблюдателем всего того, что происходит в этой стране... Мы должны принимать необходимые меры»²⁷.

Чтобы усилить международное давление на Сирию, Эрдоган решил тесно взаимодействовать в этом вопросе не с Россией, которая имела колоссальное влияние на политическое руководство Сирии, а со странами Запада, в первую очередь с США, которые воспринимались официальным Дамаском как враждебные силы для Сирии и угроза личной власти Башара Асада. Вместе с тем Турция начала предоставлять Свободной сирийской армии (ССА) не только свою территорию для обучения, но и наладила подпольную поставку ей оружия в расчете на скорое смещение Башара Асада. Такая позиция Турции не могла не раздражать официальную Москву, которая не хотела допустить ливийский сценарий развития событий, а также имела жизненные интересы в Сирии. Сирия – единственная страна на Ближнем Востоке, где у России имеется база материально-технического обеспечения ВМФ России в портовом городе Тартусе. Она была создана в соответствии с двухсторонним соглашением, подписанным еще в 1971 г. между СССР и Сирией для обслуживания кораблей советского флота в Средиземноморье. После распада СССР Средиземноморская эскадра прекратила своё существование, но база материально-технического обеспечения ВМФ в Сирии осталась за Россией как правопреемницей СССР.

Однако дальнейший ход событий показал, что политика Анкары в отношении Сирии была полностью провальной и несостоятельной по ряду обстоятельств. Во-первых, Турция изначально проигнорировала интересы России в этом регионе и не взаимодействовала с официальной Москвой. Рассматривая Сирию как свой «задний двор» (*arka bahçe*) и учитывая позицию России пока лишь как наблюдателя за событиями в арабских странах

северной Африки и Аравийского полуострова, Анкара не допускала, что РФ сможет занять жесткую позицию по сирийскому вопросу. Во-вторых, исходя из практики Туниса, Египта и Ливии, Турция рассчитывала на скорое падение режима Башара Асада под натиском Свободной сирийской армии. Потенциалу правительственных и оппозиционных сил не была дана Анкарой правильная оценка. В-третьих, Анкара рассчитывала на активное подключение США к положительному для Турции разрешению сирийской проблемы. Однако этого не произошло. В-четвертых, после перехода значительной части территории Сирии и Ирака под контроль ИГИЛ существенным образом изменилась ситуация в Сирии – произошел раскол в лагере противостоящих режиму Башара Асада сил. Для Запада акцент сместился в сторону объединения сил для борьбы с ИГИЛ, а не с режимом Башара Асада. В связи с этим США сделали ставку на курдские Отряды народной самообороны (YPG) и начали вооружать их. Однако Турция рассматривает курдские Отряды народной самообороны (YPG) вместе с Курдской рабочей партией (РКК) как террористическую организацию, которая больше чем ИГИЛ угрожает национальной безопасности Турции. Соответственно официальная Анкара не внесла в свою сирийскую политику необходимую корректировку и продолжала настаивать на свержении режима Башара Асада. Такая позиция Турции давала лишний повод как России, так и Западу порой обвинять турецкое руководство в нерешительности и непоследовательности в борьбе с ИГИЛ. Обозреватель влиятельной американской деловой газеты The Wall Street Journal, научный сотрудник Сиднейского университета Стюарт Ролло (Stuart Rollo) в этой связи писал: «Ситуация в Сирии изменилась кардинально, но стратегия Эрдогана осталась прежней. В результате Турция стала препятствием на пути к разрешению конфликта... Правительство Эрдогана по-прежнему больше озабочено сдерживанием курдов в Сирии, нежели борьбой с ИГ»²⁸.

В отличие от Турции политическое руководство России хорошо усвоило уроки свержения авторитарных режимов в Тунисе, Египте и особенно в Ливии, где государственные институты

были разрушены, образовался вакуум власти, который привел к хаосу и гражданской войне, созданию очагов международного терроризма. Поэтому Россия с учетом своих геополитических интересов не могла согласиться на решение сирийского кризиса по примеру Ливии и предпочла поддержать существующий режим в Сирии в лице Башара Асада, который ведет войну с ИГИЛ. Подчеркивая важность борьбы подконтрольной Асаду правительственной армии Сирии с ИГИЛ, Владимир Путин призвал международное сообщество оказать ей поддержку²⁹.

Наличие диаметрально разных позиций и видение разных путей решения сирийского кризиса у Москвы и Анкары обнажило уязвимые стороны российско-турецких политических отношений и демонстрировало дефицит доверия. Появление 30 сентября 2015 г. в сирийском небе боевых самолетов Воздушно-космических сил (ВКС) России создало дополнительную напряженность в отношениях двух стран, кульминацией которой стал трагический инцидент с российским бомбардировщиком Су-24М. Когда Москве стало известно о том, что руководство Турции ведет консультации с НАТО по данному инциденту, последовала ее резкая реакция. Комментируя инцидент со сбитым ВВС Турции российским СУ-24М, президент В. Путин сравнил действия Турции с ударом в спину и подчеркнул, что этот инцидент будет иметь серьезные последствия для отношений двух стран³⁰.

После того как стало известно, что официальная Анкара не собирается извиниться перед Москвой и компенсировать нанесенный ущерб, руководство России решило приостановить все политические взаимодействия с руководством Турции. 28 ноября Путин подписал указ «О мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции», который предписывал правительству РФ ввести жесткие экономические санкции по отношению к Турции³¹. 30 ноября Правительство РФ приняло постановление, по которому налагался запрет на ввоз из Турции на территорию Российской Федерации отдельных видов товаров,

отменялся безвизовый режим, предусмотренный межправительственным соглашением от 12 мая 2010 года, запрещалось привлечение к трудовой деятельности граждан Турции, отменялись все чартерные рейсы между двумя странами и т. п.³²

1 января 2016 г. вступили в силу экономические санкции, принятые правительством России в отношении Турции и был отменен безвизовый режим для въезда граждан Турции в Россию. Стремясь к уменьшению напряженности в отношениях двух стран с первого дня кризиса, Эрдоган не стал отвечать России зеркальными экономическими санкциями, продолжал покупать у России природный газа, нефть и пшеницу, оставил в силе в одностороннем порядке безвизовый режим для въезда граждан России в Турцию. Это был хороший сигнал Анкары о том, что Турция оставила двери открытыми и в любой момент Эрдоган готов встретиться с Путиным для нормализации отношений. С весны 2016 года в российских СМИ градус риторики вокруг уничтожения российского боевого самолета Су-24М начал снижаться. Агрессивные выступления российских официальных лиц и политиков в отношении Турции стали постепенно уменьшаться. Между тем от Турецкой стороны постоянно исходили положительные сигналы о готовности Турции к нормализации отношений с Россией. Так 24 апреля пресс-секретарь президента Турции И. Калын, отмечая чрезвычайную важность российско-турецких отношений, подчеркнул, что «турецко-российские отношения такие важные и такие глубокие, что их нельзя принести в жертву из-за одного инцидента»³³. Он заявил, что призывы Турции к нормализации отношений исключительно дипломатическими средствами остаются в силе. В этой связи приглашение российской стороны представителей министерства продовольствия, сельского хозяйства и животноводства Турции в Москву на запланированные на 26 апреля переговоры для обсуждения технических вопросов экспорта свежих овощей и фруктов И. Калын назвал положительным шагом на пути нормализации отношений. В турецкой прессе этот доброжелательный шаг российской стороны была расценена как протяннутая Россией оливковая ветвь³⁴.

Первым важным шагом на пути нормализации отношений между Россией и Турцией стало письмо-поздравление Р. Т. Эрдогана В. В. Путину по случаю Дня России 12 июня, направленное по канал МИД России. В нем президент Турции передал президенту и гражданам России поздравления от имени всего турецкого народа и пожелал, чтобы «в предстоящем времени отношения между Россией и Турцией вышли на заслуженный уровень»³⁵. Конечно, этот поступок Анкары был позитивным и практичным шагом на пути к нормализации отношений, но не достаточным. Москва все еще настаивала на извинении Турции за сбитый самолет в публичной форме. Наконец 27 июня на официальном сайте президента России появилось послание Эрдогана, в котором он отмечалось, что «хочу ещё раз выразить своё сочувствие и глубокие соболезнования семье погибшего российского pilota и говорю: извините. Всем сердцем разделяю их боль. Семью российского pilota мы воспринимаем как турецкую семью. Во имя облегчения боли и тяжести нанесённого ущерба мы готовы к любой инициативе»³⁶. В послании также отмечалось, что в отношении гражданина Турции, имя которого ассоциируется со смертью российского pilota, начато и ведётся судебное расследование. Президент Турции выразил свое глубокое сожаление по поводу произошедшего и подчеркнул готовность делать всё возможное для восстановления традиционно дружественных отношений между Турцией и Россией, а также совместно реагировать на кризисные события в регионе, бороться с терроризмом. Вслед за посланием 29 июня по инициативе российской стороны состоялся телефонный разговор В. В. Путина с Р. Т. Эрдоганом. Путин отметил, что полученное от Президента Турции послание создало предпосылки для того, чтобы перевернуть кризисную страницу в двусторонних отношениях и начать процесс возобновления совместной работы по международной и региональной проблематике, а также по развитию всего комплекса российско-турецких отношений. Президент России заявил, что поручит правительству вступить в переговоры с соответствующими турецкими ведомствами, с тем чтобы восстановить взаимовыгодное двустороннее сотрудничество в торгово-экономической и других сферах,

снять ограничительные меры относительно посещения Турции российскими туристами. Президенты России и Турции договорились проработать возможность проведения в ближайшей перспективе личной встречи³⁷.

Через день – 30 июня В. В. Путин подписал Указ, по которому обязывал Правительство РФ принять меры, предусматривающие отмену запрета на чартерные воздушные перевозки между Российской Федерацией и Турецкой Республикой, провести переговоры с Правительством Турецкой Республики по вопросам внешнеэкономических отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и в зависимости от результатов переговоров внести предложения об изменении срока действия или характера специальных экономических и иных мер, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 28 ноября 2015 г. № 583³⁸.

Политический кризис, разразившийся между Россией и Турцией после инцидента с российским военным самолетом, нанес сильнейший удар по торгово-экономическим отношениям двух стран. Товарооборот между Россией и Турцией по итогам 2016 г. снизился на треть на фоне ослабления курса рубля, падения цен на энергоносители, а также ограничительных мер РФ в отношении турецких овощей и фруктов, отмены чартерных рейсов на курорты Турции. В результате в 2016 г. объем взаимной торговли сократился на 32,1% по сравнению с 2015 г. и составил 15,84 млрд долл. США, в том числе экспорт упал на 29% – до 13,69 млрд долл., импорт – на 47%, до 2,14 млрд долл. США. Турция заняла 8-е место среди внешнеторговых партнеров России, в т. ч. 5-е по экспорту и 22-е по импорту. Доля Турции во внешнеторговом обороте России составила в 2016 г. 3,4% (по экспорту – 4,8%, по импорту – 1,2%). Положительное в пользу России сальдо в торговле с Турцией составило 11,55 млрд долл. США. В структуре российского экспорта в Турцию в 2016 г. основная доля поставок пришлось на природный газ и нефть – 57%³⁹.

1 июля 2016 г. в развитие достигнутых между президентами договоренностей министры иностранных дел России и Турции провели рабочую встречу в городе Сочи и согласовали повестку

дня и дату их личной встречи. В процессе подготовки этому событию 15 июля в Турции была совершена попытка военного переворота. Президент России первый из иностранных лидеров позвонил президенту Турции и выразил ему полную поддержку в подавлении антиконституционных действий, направленных на насильственное свержение демократически избранных властей Турции и передал свои соболезнования по поводу многочисленных человеческих жертв⁴⁰.

9 августа 2016 г. в Санкт-Петербурге прошла первая после кризиса в двусторонних отношениях встреча президентов России и Турции. По итогам встречи В.В. Путин, обращая особое внимание на историю двусторонних отношений, отметил: «В истории отношений наших стран были разные, порой очень непростые и даже драматичные периоды, но логика взаимного уважения неизбежно брала верх»⁴¹. Президент России с сожалением констатировал резкое падение объема торгово-экономических связей за пять месяцев 2016 года на 43%. При этом В. В. Путин подчеркнул, что намечен алгоритм дальнейших действий и первоначальные задачи для эффективного восстановления многоплановых межгосударственных связей. Приоритет – выход на докризисный уровень двустороннего сотрудничества. В свою очередь Р. Т. Эрдоган отметил, что обе стороны решительно настроены на то, чтобы вывести отношения на докризисный уровень и даже на более высокий уровень, благодаря политической воле к этому. Лидеры заявили о готовности восстановить сотрудничество по всем направлениям, в частности, заняться реанимацией торгово-экономического взаимодействия.

Особое внимание уделялось наращиванию инвестиций и товарных потоков. Что касается отмены санкций в отношении Турции, российские власти обещали их отменить поэтапно. Первым делом после встречи В. В. Путина с Р. Т. Эрдоганом по постановлению Правительства России от 27 августа был снят запрет на чартерные рейсы в города Турции, что означало возобновление туристического бизнеса⁴². Несмотря на все усилия турецкой стороны, процесс нормализации российско-турецких отношений шел медленно, к концу 2016 года была отменена всего лишь ма-

лая часть санкций, что существенно тормозило торгово-экономические отношения. В отличие от предыдущих периодов отношений между Россией и Турцией политическое взаимодействие явно опережало экономическое сотрудничество. Примечательно, что Эрдоган и Путин регулярно общались по телефону, информировали друг друга о процессе восстановления отношений, обсуждали региональные вопросы, ситуацию на Ближнем востоке, в первую очередь, вопросы по урегулированию сирийского кризиса. После начала процесса нормализации российско-турецких отношений с июня 2016 г. по декабрь 2017 г. лидеры двух стран провели между собой 10 встреч и 34 телефонных разговора.

Президенты двух стран подробно обменялись мнениями по актуальным международным проблемам, в том числе по вопросу урегулирования сирийского кризиса и борьбы с терроризмом. Нет сомнений в том, что в рамках этой встречи Р. Т. Эрдоган обсудил с В. В. Путиным вопрос о предстоящей операции турецкой армии «Щит Евфрата» на территории Сирии. Отталкиваясь от ряда высказываний В. В. Путина в дни кризиса в конце 2015 г., можно с уверенностью утверждать, что турецкое руководство впервые обсуждало эту операцию с В. В. Путиным на полях G-20 в Анталье 16 ноября 2015 года. На большой пресс-конференции в Москве 17 декабря 2015 г., отвечая на вопросы журналистов касательно кризиса в отношениях России и Турции после уничтожения ВВС Турции российского боевого самолета Су-24М, Владимир Путин сказал: «Я в последний раз был в Анталье, мы разговаривали со всем руководством Турции. И турецкие коллеги поставили перед нами очень чувствительные вопросы и попросили о поддержке. Несмотря на то, что у нас сейчас испортились отношения (я не буду говорить, о чём шла речь, это совсем не мой стиль), но поверьте мне, перед нами были поставлены очень чувствительные для Турции вопросы, не вписывающиеся в контекст международного права по тем решениям, которые турецкой стороной предлагались. Представляете, мы сказали: «Да, понимаем и готовы вам помочь»⁴³. Для развертывания операции турецкая армия должно была войти на территорию Сирии без согласования с официальным Дамаском. Это, одно-

значно, нарушение ряда принципов международного права. Турецкое руководство не могло согласовать этот вопрос с Башаром Асадом, с которым еще 2011 году были разорваны все отношения. Операция должна была быть согласована в первую очередь с Россией, которая после отправки Военно-космических сил в Сирию по приглашения официального Дамаска стала исполнять первую скрипку по сирийскому вопросу. Согласовав операцию «Щит Евфрата» с В. В. Путиным на встрече в Санкт-Петербурге, Р. Т. Эрдоган вернулся в Анкару и спустя две недели – 24 августа Генштаб Турции объявил о начале операции, которая осуществлялась при поддержке Свободной сирийской армии (ССА). В результате молниеносной операции турецкой армии совместно с ССА уже 4 сентября город Джераблус был очищен от боевиков ИГИЛ и курдские отряды были оттянуты на восточный берег реки Евфрат. А под Эль-Бабом турецкие войска начали первую совместную операцию с российскими ВКС против ИГИЛ, в результате чего уже 23 февраля 2017 г. турецкие войска с отрядами ССА вошли в город и установили контроль над ним. 29 марта на заседании Совета национальной безопасности Турции было объявлено о завершении длившейся семь месяцев операции «Щит Евфрата»⁴⁴.

Отправив 30 сентября 2015 г. по просьбе Башара Асада в Сирию ВКС для поддержки с воздуха военных действий правительственной армии, направленных на обезвреживание всех оппозиционных сил, официальная Москва внесла существенные коррективы в расстановку сил в Сирии. Россия стала главной фигурой за сирийским столом. Турция окончательно убедилась в изменении ситуации только после кризиса в отношениях с Россией и внесла необходимые поправки в свою сирийскую политику. Трансформация политики Анкары по разрешению сирийского кризиса существенно сблизила ее с Россией, в результате чего образовался эффективный и действенный формат «тройки» Россия–Турция–Иран, который в процессе эвакуации мирных жителей и вооруженной оппозиции из Алеппо доказал свою востребованность. Для обсуждения дальнейшей совместной работы по урегулированию сирийского кризиса министры иностранных

дел трех ключевых стран – России, Турции и Ирана – 20 декабря в Москве провели трехсторонние переговоры. Встреча состоялась, несмотря на трагедию, разыгравшуюся накануне в Анкаре. В ходе трехсторонних переговоров главы внешнеполитических ведомств России, Ирана и Турции согласовали совместное заявление по мерам, направленным на оживление политического процесса с целью прекращения сирийского конфликта, в котором все стороны подтверждали уважение суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности Сирии в качестве многоэтнического, многоконфессионального, демократического и светского государства, отметили невозможность военного решения сирийского конфликта, приветствовали совместные усилия в Восточном Алеппо, позволяющие провести добровольную эвакуацию гражданского населения и организованный выход вооруженной оппозиции, констатировали важность расширения режима прекращения огня, беспрепятственного доступа гуманитарной помощи и свободного передвижения гражданского населения по территории страны, выразили готовность способствовать выработке и стать гарантами будущего Соглашения между правительством Сирии и оппозицией и подтвердили свою решимость совместно бороться с ИГИЛ и Ан-Нусрой и отмежевать от них группировки вооруженной оппозиции⁴⁵. Совместное заявление трех стран по сирийскому кризису был важным шагом официальной Анкары по политическому сближению Турции и России по важнейшим вопросам мировой политики, в том числе по вопросам сирийского кризиса, которое создавало благоприятные условия для полноценного восстановления политических и торгово-экономических отношений.

Гражданская война в Сирии продолжается. Пока не видно ее конца. Однако известно одно: присутствие России в Сирии всерьез и надолго. Российско-сирийское соглашение предусматривает размещение авиационной группы Вооруженных Сил России на территории Сирии на 49 лет с возможностью автоматической пролонгации на последующие 25-летние периоды, если ни одна из сторон не менее чем за один год до истечения очередного периода не уведомит в письменной форме по дипломатическим ка-

налам другую сторону о своем намерении прекратить его действие⁴⁶. В этой связи как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе судьбу в политической сфере российско-турецких отношений будет определять сирийская политика официальной Анкары. Активный политический диалог и взаимодействие Турции с Россией по разрешению сирийского кризиса, начиная с лета 2016 г., вывели российско-турецкие отношения на новый уровень. Стали постепенно восстанавливаться торгово-экономические отношения, фактически прерванные после уничтожения ВВС Турции российского боевого самолета Су-24М в ноябре 2015 г. Помимо этого у обеих стран есть пересекающиеся и общие геополитические интересы в Центральной Азии и на Кавказе. Сложным и непростым регионом в этом отношении является Южный Кавказ, где стратегическим союзником Турции выступает Азербайджан, а Армения – член Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ) во главе с Россией. Россия и Турция являются влиятельными игроками на евразийской геополитической арене, и характер их отношений влияет на ситуацию на всем континенте. Подобная ситуация обуславливает значимость региональную российско-турецких отношений. Осуществление грандиозных энергетических проектов, каковыми являются газопровод «Турецкий поток» и строительство АЭС «Аккую», выступают драйвером не только торгово-экономических отношений, а также подкрепляют отношения России и Турции в политической сфере. Ноябрьский кризис 2015 г. в отношениях двух стран лишний раз наглядно продемонстрировал, что в геополитических регионах для России преобладающим и определяющим являются политические взаимодействия. Однако отсутствие в достаточной степени доверия у обеих сторон и сохранение расхождений во взглядах по разрешению ряда региональных конфликтов, таких как Нагорно-карабахский, Грузинский и Украинский, создают в отношениях России и Турции серьезные трудности. Дефицит доверия у российской стороны в отношении Турции, скорее всего, связан с нестабильным и часто меняющимся внешнеполитическим курсом официальной Анкары. Установленные в первые годы правления ПСР дружеские от-

ношения Турции с Сирией, Ираком, Израилем, Египтом, не принимая во внимание отношения с Евросоюзом и Россией, вскоре изменились к худшему. Курс официальной Анкары на «ноль проблем с соседями» в рамках внешнеполитической концепции «стратегическая глубина» полностью потерпел фиаско и не выдержал экзамена событий «арабской весны».

Примечания

¹ AK Parti Programı // <http://www.akparti.org.tr/site/akparti/parti-programi>

² Турция в мировой нефтегазовой системе. Справка // <https://ria.ru/economy/20090806/179915580.html>

³ См.: AK Parti Programı // <http://www.akparti.org.tr/site/akparti/parti-programi>

⁴ AK Parti Programı // <http://www.akparti.org.tr/site/akparti/parti-programi>

⁵ Blue Stream // <http://www.gazprom.com/about/production/projects/pipelines/active/blue-stream/>

⁶ Вступительное слово Владимира Путина на встрече с лидером Партии справедливости и развития Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. 24 декабря 2002 г. // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21825>

См.: Совместной декларации об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой республикой. 6 декабря 2004 г. // http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/453582

⁸ Заявление Владимира Путина для прессы по окончании российско-турецких переговоров. 6 декабря 2004 г. // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22731>

⁹ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Турецкой Республикой // http://www.ved.gov.ru/exportcountries/tr/tr_ru_relations/tr_ru_trade/

¹⁰ См.: Türkiye-Rusya Dış Ticaret Değerleri // <https://www.ekonomi.gov.tr>

¹¹ US Energy Information Administration. Country Analysis: Turkey. February 2, 2017. P. 10 // https://www.eia.gov/beta/international/analysis_includes/countries_long/Turkey/turkey.pdf

¹² Обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Турции в 2016 году. Торговое представительство России в Турции. С. 18 // http://91.206.121.217/TpApi/Upload/0ff2425-3f3b-4bf7-b329-525ab8ee523c/obzor_economy_Turkey%202016.pdf

¹³ Обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Турции в 2016 году. Торговое представительство России в Турции. С. 101 // http://91.206.121.217/TpApi/Upload/0ff2425-3f3b-4bf7-b329-525ab8ee523c/obzor_economy_Turkey%202016.pdf

¹⁴ Совместное заявление о создании Совета сотрудничества высшего уровня между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. 12 мая 2010 г. // <http://kremlin.ru/supplement/552>

¹⁵ Встреча президента РФ Дмитрия Медведева с премьер-министром Турции Реджепом Таййипом Эрдоганом. 13 августа 2008 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/1087>

¹⁶ Wikileaks Belgelerinde Türkiye ve Yakın Çevresi: Türkiye, Rusya, Güney Kafkasya ve Ortadoğu ile İlgili Belgeler.Rapor Editörü: Arzu Turgut. USAK Rapor No.: 11-03.Nisan 2011. S.35.

¹⁷ Açıklama NO:158. 26 Ağustos 2008, Gürcistan'ın Bağımsızlığı Hk. // http://www.mfa.gov.tr/no_158_-26-agustos-2008_-gurcistan_in-bagimsizligi-hk_.tr.mfa

¹⁸ См.: Tüzmen'den Rus Büyükelçi'ye "Tam Gümrük Sayımı" Sitemi // Hürriyet, 20 Ağustos 2008 // <http://www.hurriyet.com.tr/tuzmen-den-rus-buyukelci-ye-tam-gumruk-sayimi-sitemi-9700803>

¹⁹ В. В. Путин и премьер-министр Турецкой Республики Р. Т. Эрдоган провели по итогам переговоров в Анкаре совместную пресс-конференцию // <http://archive.government.ru/docs/4701/print/>

²⁰ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на площадке «Аккую» в Турецкой Республике. 12 мая 2010 г. // Бюллетень международных договоров. № 7, июль 2011. С. 36–48.

²¹ Атомная электростанция «Аккую» // <https://ria.ru/spravka/20170310/1489590898.html>

²² South Stream gas project may now be a pipe dream by Guy Chazan // Financial Times, August 25, 2014 // <https://www.ft.com/content/6871b0a2-2487-11e4-be8e-00144feabdc0>

²³ См.: Совместная пресс-конференция Владимира Путина с президентом Турции реджепом Таййипом Эрдоганом. 1 декабря 2014 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/47126>

²⁴ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики по проекту газопровода «Турецкий поток» от 10 октября 2016 г. // Бюллетень международных договоров. № 5, май 2017. С. 32–45

²⁵ Séverin Horvais. La Turquie relance sa stratégie énergétique avec le soutien de la Russie // Le Monde. 16 août 2016 : http://www.lemonde.fr/international/article/2016/08/16/la-turquie-relance-sa-strategie-energetique-avec-le-soutien-de-la-russie_4983636_3210.html

²⁶ Торгово-экономические отношения Турецкой Республики с государствами – участниками СНГ (информационно-аналитическая справка). М., 2017. С. 25 // <http://www.e-cis.info/foto/pages/25828.pdf>

²⁷ Davutoğlu Ziyareti Öncesinde Suriye'den Sert Çıkış // Hürriyet. 7 Ağustos 2011 // <http://www.hurriyet.com.tr/davutoglu-ziyareti-oncesinde-suriyeden-sert-cikis-18434743>

²⁸ Stuart Rollo. Turkey's Dangerous Game in Syria // The Wall Street Journal, December 28, 2015 // <https://www.wsj.com/articles/turkeys-dangerous-game-in-syria-1451345693>

²⁹ См.: Выступление Владимира Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 28 сентября 2015 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>

³⁰ См.: Выступление Владимира Путина на встрече с королем Иордании Абдуллой II. 24 ноября 2015 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/50775>

³¹ См.: Указ о мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции. 28 ноября 2015 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/50805>

³² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2015 г. № 1296 г. «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2015 г. № 583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» // «Российская газета», 2 декабря 2015 г. // <https://rg.ru/2015/12/01/spisok-dok.html>

³³ Cumhurbaşkanlığı Sözcüsü Büyükelçi İbrahim Kalın'ın Basın Toplantısında Yaptığı Açıklama. 24 Nisan 2016 // <https://www.tccb.gov.tr/cumhurbaskanligi-sozculugunden/1695/43734/cumhurbaskanligi-sozcusu-buyukelci-ibrahim-kalinin-basin-toplantisinda-yaptigi-aciklama.html>

³⁴ См.: Rusya Zeytin Dalı Uzattı // Yeni Şafak. 22 Nisan 2016: <http://www.yenisafak.com/ekonomi/rusya-zeytin-dali-uzatti-2455181>

³⁵ Эрдоган направил письмо Путину. 14 июня 2016 г. // <https://ria.ru/world/20160614/1447202948.html>

³⁶ Послание президента Турции Реджепа Таййипа Эрдогана президенту России Владимиру Путину. 27 июня 2016 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52282>

³⁷ Телефонный разговор Владимира Путина с президентом Турции Реджепом Таййипом Эрдоганом. 29 июня 2015 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/52295>

³⁸ Указ Президента Российской Федерации от 30 июня 2016 г. № 314 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2015 г. N 583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных

экономических мер в отношении Турецкой Республики» // «Российская газета», 4 июля 2016 г. // <https://rg.ru/2016/07/04/turcia-dok.html>

³⁹ Справка о торгово-экономическом сотрудничестве между Российской Федерацией и Турецкой Республикой // <http://economy.gov.ru/minrec/press/announcements/2017070306>

⁴⁰ Телефонный разговор Владимира Путина с президентом Турции Реджепом Таййипом Эрдоганом. 17 июля 2015 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/52529>

⁴¹ Пресс-конференция по итогам переговоров Владимира Путина с Президентом Турции Реджепом Таййипом Эрдоганом. 9 августа 2016 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/52673>

⁴² См.: Постановление Правительства РФ от 27 августа 2016 г. «Об отмене запрета на чартерные воздушные перевозки между Российской Федерацией и Турецкой Республикой» // <http://government.ru/docs/24314/>

⁴³ Большая пресс-конференция Владимира Путина. Москва, 17 декабря 2015 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/50971>

⁴⁴ См.: Milli Güvenlik Kurulu Basın Açıklaması. 29 Mart 2017 // <https://www.mgk.gov.tr/index.php/29-mart-2017-tarihli-toplanti>

⁴⁵ См.: Совместное заявление России, Турции и Ирана по согласованным мерам, направленным на оживление политического процесса с целью прекращения сирийского конфликта. 20 декабря 2016 г. // http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2573489

⁴⁶ См.: Протокол к Соглашению между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г. 18 января 2017 г. // Бюллетень международных договоров, апрель 2017, №4, стр. 72–83.

Свистунова И. А.*

ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ В США НОВОГО ПРЕЗИДЕНТА

Приход к власти в США президента Д.Трампа вызвал ожидания «перезапуска» турецко-американских отношений, в которых возник ряд серьезных проблем в период правления Б. Обамы. Однако за год пребывания Трампа у власти Анкаре и Вашингтону не только не удалось найти их решение, но в отношениях между двумя странами появились дополнительные противоречия.

Ключевые слова: Турция, США, Ближний Восток, турецко-американские отношения, сирийский кризис, международные отношения.

The election of the new US president D. Trump inspired the expectations of reset in Turkish-American relations which had a number of serious questions under president B. Obama. Nevertheless during the first year of Trump's presidency Ankara and Washington not only failed to solve their problems, but new differences have emerged.

Key words: Turkey, the USA, the Middle East, Turkish – American relations, Syrian crisis, international relations.

Отношения между Турцией и США, которые всегда развивались по сложной траектории, в последние годы переживают непростой период, отмеченный особенно острыми разногласиями сторон. Важнейшие противоречия двух стран лежат в сфере внешней политики, прежде всего, на Ближнем Востоке. Одновременно с этим катализатором напряженности служит под-

* Свистунова Ирина Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН. E-mail: svistunova.irina@gmail.com

ход Вашингтона к внутривластным процессам в Турецкой Республике. На этом фоне новым фактором развития турецко-американских отношений стал приход к власти в США в начале 2017 г. президента Д. Трампа.

Это событие вызвало в Анкаре и в Вашингтоне ожидания «перезагрузки» после смены администрации Белого дома в связи с тем, что на завершающем этапе правления президента Б. Обамы в турецко-американских отношениях царила напряженность. В связи с этим экспертное сообщество двух стран отреагировало на приход к власти Д. Трампа различными прогнозами.

По мнению аналитиков из американского института Брукингс К. Киришчи и А. Туйгана, основной причиной неопределенности в турецко-американских отношениях при Трампе является не новая американская администрация, а непредсказуемость внешней политики Турции, которая создает вызовы для отношений между Анкарой и Вашингтоном. К их числу относится восстановление российско-турецкого сотрудничества, которое происходит на фоне сохраняющихся разногласий двух стран по Сирии. Напряженные отношения Турции с Ираком, волнообразное сближение с Саудовской Аравией и Катаром, противоречия с Ираном по сирийскому кризису дополняют сложный пейзаж турецкой внешней политики на Ближнем Востоке¹.

Эксперты Вашингтонского института ближневосточной политики полагали, что Белому дому необходима новая политика в отношении Турции, поскольку конфликты с Анкарой несут в себе огромные риски для США на различных направлениях, начиная от американской стратегии борьбы с ИГИЛ и заканчивая подрывом способности НАТО сдерживать поток мигрантов в Европу, ослабляющий союзников Вашингтона². В докладе, посвященном политике США в отношении Турции, утверждалось, что Вашингтону не удастся сделать Анкару более «сговорчивой», используя традиционный американский подход к отношениям со своими зарубежными партнерами с позиции «старшего брата». Расчет на то, что Анкара дорожит отношениями с Вашингтоном больше, чем собственными интересами, и не имеет альтернатив сотрудничеству с США, не только не оправдывает себя в период

правления Р.Т. Эрдогана, но даже наносит ущерб американо-турецкому сотрудничеству³.

По мнению аналитиков Вашингтонского института, в обмен на большее внимание к озабоченностям Анкары Вашингтон может попросить от Турции:

- повышения участия в борьбе с ИГИЛ;
- возвращения к мирным переговорам с РПК;
- большей гибкости в подходах к Кипру и к отношениям с Израилем;
- более тесной кооперации с Вашингтоном в вопросах сдерживания России;
- акцента на демократических ценностях, верховенстве закона и внутриполитических свободах⁴.

В свою очередь эксперты турецкого аналитического центра СЕТА обращали внимание на слабые моменты двустороннего взаимодействия между Турцией и США. Они отмечали, что турецко-американский диалог ограничен контактами лидеров и визитами на высшем и высоком уровнях. Отсутствие механизмов регулярного диалога приводит к тому, что в отношениях используется принцип «кризисного управления». Существующий формат подходит для решения конкретных проблем, но не отвечает задачам выстраивания стратегического диалога. Турецкие эксперты полагали, что «новое американское руководство должно уделить приоритетное внимание расширению каналов связи между двумя странами в области внешней политики и безопасности»⁵.

Со стороны официальной Анкары прослеживалось стремление возложить ответственность за недопонимание между двумя странами на уходящую команду Б. Обамы. В частности, в Программе внешней политики Турции на 2017 г. отмечалось наличие между Анкарой и Вашингтоном «разногласий по некоторым важным проблемам». Выражая стремление к их урегулированию путем диалога, турецкое руководство отмечало, что США не следует ждать от Анкары односторонних уступок, которые не сопровождаются встречными шагами в чувствительных для Турции вопросах⁶.

Визит в Анкару нового госсекретаря США Рекса Тиллерсона 30 марта 2017 г. позволил турецкой стороне озвучить свои важнейшие претензии к Вашингтону и выразить свои упреки в адрес администрации Б. Обамы. Министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу подчеркнул озабоченность Турции сотрудничеством США с отрядами народной самообороны сирийских курдов (ОНС), которые Анкара считает террористической структурой, связанной с Рабочей партией Курдистана (РПК). Турецкий министр отметил, что подход прежней американской администрации к этому вопросу негативно отразился на отношениях двух стран и на имидже США в Турции⁷.

Еще одним вопросом, который Чавушоглу поставил в упрек ушедшей администрации Белого Дома, была неготовность выдать Анкаре проживающего в США исламского деятеля Фетхуллы Гюлена, которого турецкие власти обвиняют в попытке организации переворота в Турции. М. Чавушоглу заявил, что турецкое руководство ожидает от Вашингтона конкретных шагов в данном направлении: как минимум, временного задержания Гюлена по требованию Турции⁸.

Очевидно, что два обозначенных вопроса – сирийские курды и Ф. Гюлен, – служили для турецкого руководства своего рода индикаторами реальной готовности администрации Трампа к «перезагрузке отношений».

Новая администрация Белого Дома со своей стороны также планировала «обновить» отношения с Турцией. 30 марта 2017 г. госсекретарь США Р. Тиллерсон посетил Анкару с официальным визитом. Госдепартамент подчеркивал, что официальный визит Р. Тиллерсона в Анкару стал «первым пунктом второй поездки нового госсекретаря в Европу»⁹. Первая поездка состоялась в феврале в Бонн на встречу Большой двадцатки, т.е. поездка в Турцию стала первым государственным визитом Тиллерсона, что, без сомнения, было символическим жестом.

На встрече с М. Чавушоглу Тиллерсон выделил три долгосрочные цели американо-турецкого сотрудничества: совместная борьба с ИГИЛ, региональная стабилизация, расширение экономических связей двух стран¹⁰. Госсекретарь США также

обозначил свое видение общих задач Вашингтона и Анкары на Ближнем Востоке: сдерживание способностей Ирана дестабилизировать регион; поиск такого варианта урегулирования сирийского кризиса, который позволит вернуться домой беженцам; помощь иракцам в создании сильного, независимого и инклюзивного правительства в Багдаде¹¹. Одновременно с этим американцы по традиции подчеркивали ценность Турции в качестве союзника США по НАТО, выполняющего важные функции в рамках альянса.

Обращает на себя внимание сохранение «разрыва» в подходах сторон к выстраиванию двусторонних отношений. Анкара ждала от новой американской администрации большего внимания к своим озабоченностям, в то время как Вашингтон по-прежнему демонстрировал инструментальный подход к сотрудничеству с Турцией, в основе которого лежит стремление использовать «турецкий ресурс» для продвижения интересов США на Ближнем Востоке.

Что турецкого референдума по изменению Конституции, который состоялся 16 апреля 2017 г., то здесь можно было наблюдать различную реакцию со стороны представителей США. Президент Трамп оказался в числе первых зарубежных лидеров и стал единственным западным лидером, поздравившим президента Р.Т. Эрдогана с победой на референдуме. Это было воспринято в Анкаре с удовлетворением и усилило надежды на обновление отношений.

В то же время на общественно-политическом уровне в США выражалось немало скептических взглядов. В частности, газета «Вашингтон Таймс» (The Washington Times) написала, что победа на референдуме с таким небольшим перевесом фактически «перечеркнула последние 93 года турецкой истории... Кемалистский эксперимент в Турции завершился... Итоги референдума подтвердили, что Турция является расколотой страной»¹².

Особое внимание всех наблюдателей было приковано к первой личной встрече Р.Т. Эрдогана и Д. Трампа, которая состоялась 16 мая 2017 г. в Вашингтоне. Накануне визита в турецко-американских отношениях возникла напряженная атмосфера.

Удары Турции по Ираку и Сирии 25 апреля 2017 г., осуществленные без координации с США, вызвали раздражение американского руководства.

В свою очередь в Анкаре с возмущением встретили решение Трампа одобрить поставки тяжелого вооружения сирийским курдам, принятое 9 мая 2017 г. Особую остроту ситуации придавал тот факт, что это произошло в период пребывания в Вашингтоне внушительной турецкой делегации в составе начальника Генштаба Х. Акара, главы Национальной разведывательной службы Х. Фидана и пресс-секретаря президента И. Калына, которые были направлены в США с целью «подготовки почвы» для приезда Эрдогана.

Со стороны турецкой оппозиции даже зазвучали призывы к президенту Эрдогану отменить визит в США. В частности, с таким призывом выступил заместитель генерального председателя Народно-республиканской партии О. Йылмаз¹³. Генеральный секретарь Партии националистического движения И. Бюйюкатаман назвал действия США «враждебной позицией, которая подтверждает наличие у Вашингтона отвратительного плана»¹⁴.

Экспертное сообщество Турции также бурно отреагировало на решение Трампа, отмечая давно возникший кризис доверия между двумя странами. Бывший заместитель министра иностранных дел Турции, колумнист газеты «Хюрриет» У. Чевикоз дал следующую оценку турецко-американским отношениям: «Накануне официального визита обе стороны затрудняются в понимании шагов, которые совершает союзник. Турция и США не в состоянии вести диалог. Кажется, будто между двумя союзниками налажена необходимая связь, но она осуществляется в формате диалога глухих. Если так будет продолжаться, стороны утратят возможность взаимопонимания»¹⁵.

Среди турецких националистов вновь оживились дискуссии о планах США по расчленению Турции в рамках американского проекта Большой Ближний Восток, который предполагает создание независимого Курдистана¹⁶.

Переговоры Эрдогана и Трампа, которые продолжались с глазу на глаз всего 20 минут, стали самой короткой встречей

лидеров двух стран за последние 25 лет. Президенты заявили о намерении укреплять стратегические связи, но не обозначили конкретных путей для достижения этой цели. Выступая перед прессой вместе с Д. Трампом, турецкий президент высказался предельно откровенно: «Мы полны решимости бороться со всеми террористическими организациями, угрожающими нашему общему будущему, не делая различия между ними. Никакая страна не должна вести диалог с террористической организацией ПДС/ОНС, поскольку это противоречит международным соглашениям»¹⁷.

Ни один из трех вопросов, с которыми Эрдоган ехал в Вашингтон (военное сотрудничество США с сирийскими курдами, выдача Ф. Гюлена и освобождение арестованного в США турецкого бизнесмена иранского происхождения Р. Зарраба) не был решен.

Трамп воздержался от упреков Анкары по вопросам нарушения прав человека, что свидетельствует об ориентации новой американской администрации на деловой подход к отношениям с Турцией.

Итоги встречи вызвали противоречивые оценки аналитиков, которые резюмировала турецкая оппозиционная газета «Джумхуриет», написавшая о том, что те, кто говорят о возвращении Эрдогана из США с пустыми руками, неверно поняли суть поездки президента. Встреча с Трампом была важна для Эрдогана с точки зрения «легитимации» результатов референдума в Турции, расширившего полномочия президента. Эрдоган и Трамп сталкиваются с серьезной оппозицией на внутривнутриполитическом поле, поэтому оба они заинтересованы в том, чтобы показать обществу свою способность к диалогу на международной арене¹⁸.

Во время визита Р. Т. Эрдогана произошло два неприятных инцидента. Первый – публикация в газете «Вашингтон Пост» статьи Ф. Гюлена, в которой он резко критиковал турецкого президента и призывал вернуть в Турцию демократию¹⁹. Второй – драка охранников президента с участниками митинга в поддержку курдов, который был организован возле турецкого посольства.

Драка стала поводом для затяжных объяснений между двумя странами. В США было принято заочное решение об аресте охранников Р.Т. Эрдогана. В свою очередь Турция вызывала в МИД американского посла, чтобы заявить свой протест, и делала официальные заявления, однако вопрос остается нерешенным.

В последующие месяцы в отношениях между Анкарой и Вашингтоном еще более усилилась напряженность, источниками которой оставались американские военные поставки сирийским курдам и недоверие Турции к целям политики США в отношении курдов.

Министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу следующим образом пояснил отношение Анкары к американским поставкам: «Вооружение ОНС представляет серьезную угрозу будущему Сирии и опасно с точки зрения нашей безопасности. Мы считаем рискованным то, что наши союзники передают оружие ОНС/РПК – террористической организации, которая действует против нас. ...США каждый месяц присылают нам отчет о том, сколько оружия они передали ОНС. Хорошо, что они это делают, это важно, но вопрос заключается в том, чтобы поставок не было. Они поставили, потом сообщили, а нам от этого нет никакой пользы. Они потом смогут забрать это оружие назад? Вот это большой вопрос»²⁰.

Президент Турции Р. Т. Эрдоган, неоднократно выражавший озабоченность в связи с поставками американского оружия ОНС, находясь 20 сентября 2017 г. в Нью-Йорке, заявил, что он не может понять, «как страна, которая верит в демократию, может уничтожить террористическую организацию, сотрудничая с другой террористической организацией»²¹. Эрдоган также задался риторическим вопросом о том, кто может гарантировать, что РПК/ОНС не используют полученное тяжелое вооружение против Турции²².

Отношение турецкой общественности к военному сотрудничеству США и ОНС иллюстрирует тот факт, что в центральных турецких СМИ сообщения об американских поставках появляются под яркими заголовками: «США официально помогают террористам оружием»²³, «США поставили террористам 182 фуры

с оружием»²⁴, «США направили террористам 20 фура с тяжелым оружием и бронетехникой»²⁵.

В свою очередь министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу в интервью турецкому телеканалу «А Хабер» в конце сентября 2017 г. подчеркнул, что передача американцами ОНС более трех тысяч фура с оружием вызвала глубокое разочарование в Анкаре. Чавушоглу отметил, что между руководством Турции и США установились дружественные личные контакты, но сами турецко-американские отношения не находятся на необходимом уровне. По словам министра, Вашингтон не сделал тех шагов, которые ожидает от него Анкара по двум чувствительным для нее вопросам: поставкам вооружения сирийским курдам и расследованию в отношении проживающих в США проповедника Ф Гюлена и членов его общины, обвиняемых в Турции в попытке организации госпереворота²⁶.

Очередным витком напряженности в турецко-американских отношениях в конце октября 2017 г. стало взятие Ракки при поддержке США отрядами т. н. Сил демократической Сирии (СДС), ведущую роль в которых играют курдские формирования. Курды вывесили на улицах Ракки портреты А. Оджалана – лидера РПК, отбывающего пожизненное заключение в турецкой тюрьме на острове Имралы. Это событие вызвало резкий протест в Анкаре. Р.Т. Эрдоган заявил, что США должны объяснить Турции происходящее. В свою очередь премьер-министр Б. Йылдырым подчеркнул, что это событие наносит ущерб союзническим отношениям между Анкарой и Вашингтоном²⁷.

В ходе визита Б. Йылдырыма в США 7–10 ноября 2017 г. состоялась его встреча с вице-президентом М. Пенсом, на которой в числе прочих вопросов двусторонних отношений обсуждалась сирийская проблема. Турецкий премьер в очередной раз призвал американскую сторону отказаться от сотрудничества с ОНС, включая поставки вооружения, и оказать Анкаре больше поддержки в ее противостоянии с РПК. В свою очередь М. Пенс не дал обещаний, касающихся сирийских курдов, хотя и объявил о новой странице в американо-турецких отношениях²⁸. В интервью, которое Б. Йылдырым дал американскому и турецкому

телеканалам CNN после встречи с Пенсом, он подчеркнул, что Турция и США являются союзниками, но их отношения не находятся на желаемом уровне²⁹.

В итоге в 2018 г. Турция и США вступили с грузом неурегулированных противоречий, при этом к разногласиям Анкарой, доставшимся Трампу в наследство от администрации Б. Обамы, добавились новые трения:

- Несмотря на активные переговоры, Турция и США по-прежнему не могут найти общий язык по вопросу сирийских курдов. Вашингтон недоволен начавшейся в январе 2018 г. турецкой военной операцией «Оливковая ветвь», в ходе которой часть кантона Африн перешла под контроль вооруженных сил Турции. Вместе с тем Анкара требует также выхода курдских отрядов из г. Манбидж и их отступления на восточный берег р. Евфрат.

- Нерешенным остается проблема Ф. Гюлена и ответные претензии Вашингтона по поводу содержания под стражей протестантского пастора Э. Брансона, американского гражданина, арестованного в Измире в октябре 2016 г. в связи с расследованием попытки госпереворота в Турции.

- Раздражение американской администрации вызывает укрепление турецко-российского сотрудничества, в том числе покупка Турцией ракетных комплексов С-400, а также развитие турецко-иранских отношений.

- Турция и США занимают противоположные позиции относительно статуса Иерусалима, о намерении признать который столицей Израиля заявил Трамп.

- Напряженность между Анкарой и Вашингтоном вызывает судебный процесс в отношении заместителя директора турецкого Халкбанка Х. Атиллы, арестованного в США по обвинению в причастности к осуществлявшимся Турцией закупкам иранской нефти в обход американских санкций. Есть решение американского суда об аресте бывшего министра экономики Турции З. Чаглаяна в связи с этим же делом. Обвинения, выдвинутые американским судом в отношении Х. Атиллы в начале 2018 г., вызвали гневную реакцию в Анкаре. Так, вице-премьер Б. Боздаг назвал этот процесс «политическим заговором против Турции, органи-

зованным совместными усилиями ФЕТО, ЦРУ, ФБР и американского правосудия»³⁰.

– В октябре 2017 г. между Турцией и США разгорелся визовый конфликт после того, как сотрудник американского Генконсульства в Стамбуле – не имеющий дипломатического статуса гражданин Турции Метин Топуз был арестован по обвинению в связях с Ф. Гюленом. Истолковав ситуацию как проблему «обеспечения безопасности зданий и сотрудников дипмиссии», США приостановили выдачу виз турецким гражданам. Анкара ответила зеркальными мерами. Выдача виз возобновилась только в конце декабря.

На фоне «визового конфликта» в Турции ожили воспоминания о прежних кризисах в турецко-американских отношениях. В частности, бывший турецкий посол в США и заместитель министра иностранных дел Турции Фарук Логоглу в интервью телеканалу ВВС на турецком языке рассказал о самых острых моментах в истории отношений между двумя странами³¹. Логоглу отнес к ним такие события как Кубинский кризис 1962 г., письмо Джонсона 1964 г., американское оружейное эмбарго в отношении Турции и приостановка разрешения на использование американцами авиабазы Инджирлик в 1974 г. (возобновили в 1978 г.), решение турецкого парламента не поддерживать запрос правительства, который позволил бы США открыть второй фронт в Ираке 1 марта 2003 г., т. н. «инцидент с мешками» от 4 июля 2003 г. (арест американскими военными турецких военных в иракском г. Сулеймания). Ф. Логоглу сравнил «визовый кризис» с упомянутыми выше событиями и назвал решение США о приостановке выдачи виз туркам «ошибочным и влекущим за собой тяжелые последствия», «непропорциональным и беспочвенным», поскольку арестованные в Турции лица были турецкими гражданами. «США нажали не на ту кнопку», – отметил Логоглу.

Интересно, что на фоне сирийских событий в общественном мнении Турции наблюдалось ухудшение имиджа США на фоне роста позитивного отношения к России. В июле 2017 г. стамбульский Университет Кадир Хас провел ежегодный опрос, посвященный внешней политике Турции, в котором приняла

участие тысяча респондентов старше 18 лет из 26 турецких провинций. Отвечая на вопрос о том, какие страны представляют угрозу для Турции, 66,5% респондентов назвали США, в то время как в 2016 г. такое мнение выразили 44,1%, а в 2015 г. – 35,3%³². Россию в качестве угрозы для Турции в 2017 г. назвали 18,5% опрошенных по сравнению с 34,9% в 2016 г. (период российско-турецкого конфликта) и 10,2% в 2015 г.³³ При ответе на вопрос о том, с какой страной Турции следует действовать совместно на международной арене, в 2017 г. 7,8% респондентов назвали Россию (по этому показателю Россия уступила только Азербайджану), в то время как в 2016 г. такого мнения придерживались лишь 3% опрошенных³⁴. За совместные действия с США высказались 2,5% опрошенных в 2017 г. по сравнению с 7,2% – в 2016 г. и 12,6% – в 2015 г.³⁵

Когда респондентов попросили дать характеристику поведению Вашингтона в отношениях с Турцией, 48,5% опрошенных назвали США «страной, которой нельзя доверять» (в 2016 г. – 41,6%, в 2015 г. – 18,1%). Стратегическое значение США для Турции признали 14,1% респондентов (в 2016 г. – 23,8%, в 2015 г. – 25,5%). Только 3,1% участников опроса считают, что США являются военным союзником Турции (в 2016 г. – 4,1%, в 2015 г. – 14,4%). Другом Турции США назвали 1,4% респондентов (в 2016 г. – 4,8%, в 2015 г. – 5,8%)³⁶.

Заслуживает внимания и тот факт, что в 2017 г. 27,6% участников опроса назвали альтернативой членству в ЕС развитие стратегического сотрудничества с Россией. В 2016 г. этот показатель составил 14,8%, в 2015 г. – 11,2%. При этом сотрудничество с США и НАТО в качестве альтернативы членству в ЕС рассматривают лишь 7,5% респондентов по сравнению с 19,8% в 2016 г. и 13,4% в 2015 г.³⁷

Известный турецкий журналист К.Гюрсель в статье под названием «Турция и США: конфликтный развод», опубликованной в газете «Джумхуриет» 14 ноября 2017 г., привел свое объяснение глубинных причин охлаждения турецко-американских отношений. «В годы Холодной войны Турция и США были союзниками. У них были четко определенные общие интересы. В то время

Турция была частью Западной системы. Вследствие этого речь шла о наличии у двух стран некоторых общих ценностей. ...Однако турецко-американские отношения не смогли найти свое место в новых реалиях, последовавших за окончанием Холодной войны. Сторонам не удалось обновить правила, на которых строились их отношения. При этом вовсе не обязательно было выстраивать новое стратегическое партнерство. Достаточно было сформулировать ясные рамочные принципы развития отношений». Но этого сделать не удалось, интересы и ценности сторон начали расходиться и даже сталкиваться. Важнейшая причина этого, по мнению журналиста, заключается в том, что «приоритеты двух стран в сфере безопасности, которые связывали их в годы Холодной войны, в настоящий момент явно различаются. ...Интересы Турции и США в той или иной степени не соответствуют друг другу, а иногда даже сталкиваются по таким темам, как Иран, Сирия, Россия, страны Персидского залива». Серьезный удар турецко-американским отношениям нанесла сдержанная реакция Вашингтона на попытку переворота в Турции и подозрения турецких властей в причастности США к трагическим событиям. К. Гюрсель выразил убежденность в том, что на сегодняшний день преодоление разногласий и восстановление доверия между двумя странами не представляется возможным³⁸.

«В 2018 г. кризис в турецко-американских отношениях еще более углубится», – написал К. Гюрсель в начале января, комментируя решения американского суда по делу заместителя директора турецкого «Халкбанка» Х. Атиллы³⁹.

Другие эксперты также не прогнозируют скорого завершения кризиса в турецко-американских отношениях. В частности, турецкая журналистка Аслы Айдынташбаш обращает внимания на тот факт, что попытки разрешения проблемных моментов между Анкарой и Вашингтоном принимают форму торга или сделки, что не свойственно странам-союзникам⁴⁰.

Известный турецкий политолог М. Йеткин написал в газете «Хюрриет» о том, что турецко-американские отношения еще никогда не находились в таком плохом состоянии. Между Турцией и США существуют две крупные проблемы (Гюлен и курды),

а также целый ряд менее серьезных противоречий. По мнению Йеткина, турецко-американские отношения станут одной из самых острых внешнеполитических проблем в 2018 г.⁴¹

Сотрудница американского Института Брукингс А. Слоут выразила мнение о том, что США и Турция должны приложить совместные усилия «для восстановления своих отношений, пока еще есть, что восстанавливать»⁴².

«Нередко говорят, что причиной турецко-американских разногласий является растущий авторитаризм Эрдогана, однако американские лидеры регулярно не выполняют свои обещания ему по поводу курдов и подогревают его озабоченности», – отметил эксперт Вашингтонского института Ближнего Востока Б. Барфи⁴³.

В заключение необходимо отметить, что после прихода к власти в США нового президента конфликтный потенциал в турецко-американских отношениях не только не снизился, но, напротив, между двумя странами наметились дополнительные разногласия. Надежды на перезагрузку после смены американской администрации не оправдались, что свидетельствует о глубине противоречий.

Несмотря на активный диалог по сирийской теме (так, в феврале 2018 г. Турцию поочередно посетили Советник президента США по национальной безопасности Г. Макмастер, министр обороны Д. Мэттис и госсекретарь Р. Тиллерсон), Анкаре и Вашингтону не удастся прийти к консенсусу по курдскому вопросу. Нерешенными остаются и другие проблемы, при этом перспективы их урегулирования остаются весьма неопределенными. Очевидно, что в предстоящий период отношения между Турцией и США будут развиваться волнообразно и не смогут избежать более или менее глубоких кризисов доверия. При этом рост антиамериканских настроений в турецком обществе дополнительно усилится.

Турецко-американские противоречия не означают, что Анкара и Вашингтон откажутся от тесного сотрудничества по ряду международных аспектов, в том числе в рамках НАТО. Тем не менее, затянувшееся состояние «кризиса доверия» в отношении

ях давних союзников может иметь долгосрочные последствия, включая расширение взаимодействия Турции с другими странами в региональных и глобальных вопросах.

Примечания

¹ Kemal Kirişçi and Ali Tuysan. U.S.-Turkey relations under Trump may hinge more on Turkey than on Trump // <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2016/11/30/u-s-turkey-relations-under-trump-may-hinge-more-on-turkey-than-on-trump/>

² James F. Jeffrey, Soner Cagaptay. U.S. Policy on Turkey / Policy Notes for the Trump Administration. The Washington Institute For Near East Policy. No. 27. January 2017. – P. 1.

³ Ibid. – P. 2.

⁴ Ibid. – P. 6.

⁵ Kılıç Buğra Kanat, Kerî Lyn Michalke, Jackson Hannon. Türkiye – ABD ilişkileri ve Yeni ABD Yönetimi / SETA Analiz. İstanbul, Ocak 2017. Sayı: 187. – P. 12.

⁶ Ibid.

⁷ Türkiye Dışişleri Bakanı Mevlüt Çavuşoğlu'nun ABD Dışişleri Bakanı Rex Tillerson ile Ortak Basın Toplantısı, 30.03.2017, Ankara // http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglu_nun-abd-disisleri-bakani-sayin-rex-tillerson-ile-ortak-basin-toplantisi_-30_03_2017.tr.mfa.

⁸ Ibid.

⁹ Previewing Secretary Tillerson's Travel to Turkey. Special Briefing. Senior Administration Officials. Washington, DC. March 27, 2017 // <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/03/269158.htm>

¹⁰ Press Availability With Turkish Foreign Minister Mevlut Cavusoglu. Rex W. Tillerson. Secretary of State. Ankara, Turkey. March 30, 2017 // <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/03/269318.htm>

¹¹ Ibid.

¹² What Turkey's referendum reveals // <https://www.washingtontimes.com/news/2017/apr/23/what-turkeys-referendum-reveals/>

¹³ Tepki yağıyor: Erdoğan iptal etsin. Hürriyet Gazetesi. 10.05.2017 // <http://www.hurriyet.com.tr/tepki-yagiyor-erdogan-iptal-etsin-40453671>

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ünal Çeviköz. ABD ilişkileri nereye koşuyor? Hürriyet Gazetesi. 11.05.2017 // <http://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/unal-cevikoz/turkiye-abd-iliskileri-nereye-kosuyor-40454014>

¹⁶ Ali Öncü. ABD BÜYÜK KÜRDİSTAN'I(!) KURUYOR. Ortadoğu Gazetesi. 15.05.2017 // <http://www.ortadogugazetesi.net/haber.php?haber=abd-buyuk-kurdistan-39i-kuruyor&id=59468>

¹⁷ Trump'la basın toplantısında Erdoğan'dan flaş YPG ve FETÖ mesajları // Hürriyet Gazetesi. 16.05.2017. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/gozler-erdogan-trump-gorusmesinde-40460229>

¹⁸ Aslı Aydıntaşbaş. Beyaz Saray'da ne oldu? Cumhuriyet Gazetesi. 18.05.2017 // http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/743034/Beyaz_Saray_da_ne_oldu_.html

¹⁹ Fethullah Gulen: The Turkey I no longer know. The Washington Post. May 15, 2017 // https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/the-turkey-i-no-longer-know/2017/05/15/bda71c62-397c-11e7-8854-21f359183e8c_story.html?utm_term=.38750c6c946f

²⁰ Dışişleri Bakanı Mevlüt Çavuşoğlu'nun TRT Haber Kanalına Verdiği Özel Röportaj, 16 Ağustos 2017 // Türkiye Dışişleri Bakanlığı. Resmi İnternet Sitesi. URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglu_nun-trt-haber-kanalina-verdigi-ozel-roportaj_-16-agustos-2017.tr.mfa.

²¹ Demokrasiye İnanmış Bir Ülkenin, Terör Örgütüyle İş Birliği Yapmasını Anlayamıyorum. 21.09.2017 // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. Resmi İnternet Sitesi. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/83571/demokrasiye-inanmis-bir-ulkenin-teror-orgutuyle-isbirligi-yapmasini-anlayamiyorum.html>.

²² Ibid.

²³ ABD'den teröristlere resmi silah yardımı // Sabah Gazetesi. 10.05.2017. URL: <http://www.sabah.com.tr/gundem/2017/05/10/abdden-teroristlere-resmi-silah-yardimi>.

²⁴ ABD 184 tır dolusu silahı teröristlere teslim etti! // Milliyet Gazetesi. 10.07.2017. URL: <http://www.milliyet.com.tr/son-dakika-abd-den-pkk-pyd-ye-gundem-2482134/>.

²⁵ ABD teröristlere 60 TIR ağır silah ve zırhlı araç yolladı // Akşam Gazetesi. 21 Ağustos 2017. URL: <http://www.aksam.com.tr/yasam/abd-teroristlere-60-tir-agir-silah-ve-zirhli-arac-yolladi/haber-653575>.

²⁶ Dışişleri Bakanı Mevlüt Çavuşoğlu'nun A Haber Kanalına Verdiği Özel Röportaj, 25.09.2017 // Türkiye Dışişleri Bakanlığı. Resmi İnternet Sitesi. URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglu_nun-ahabere-verdigi-ozel-roportaj.tr.mfa.

²⁷ Erdoğan: ABD, Rakka'daki görüntüyü nasıl izah edecek? // HaberTürk Ajansı. 20 Ekim 2017. URL: <http://www.haberturk.com/cumhurbaskani-erdogan-dan-abd-ye-ocalan-posteri-tepkisi-1680366>. (дата обращения: 26.10.2017)

²⁸ Yıldırım-Pence görüşmesi: Davaların ilişkileri zehirlemesine izin veremeyelim // NTV Haber Ajansı. 10 Kasım 2017. URL: https://www.ntv.com.tr/dunya/yildirim-pence-gorusmesi-davalarin-iliskileri-zehirlemesine-izin-veremeyelim,8YUayJ-U_U-oZQcjs4GUHw. (дата обращения: 13.11.2017)

Başbakan Yıldırım, Amerikan CNN ve CNN TÜRK televizyonunda yayınlanan GPS programına katıldı // Türkiye Başbakanlığı. Resmi İnternet Sitesi. URL: https://www.basbakanlik.gov.tr/Forms/_Article/pg_Article.aspx?Id=33a3f9e3-703b-4305-8fa2-064d5687f6be (дата обращения: 13.11.2017)

³⁰ Kadri Gürsel. Türkiye-ABD: Krizin kara yılı başladı. Cumhuriyet Gazetesi. 05 Ocak 2018 // http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/898875/Turkiye-ABD_Krizin_kara_yili_basladi.html#

³¹ 1960'lardan bu yana Türkiye ve ABD arasındaki krizler. 10 Ekim 2017 // <http://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-41553003>

³² Türk Dış Politikası Kamuoyu Algıları Araştırması // Kadir Has Üniversitesi. İstanbul. Temmuz 2017. – S. 12. URL: <http://www.khas.edu.tr/news/1588>

³³ Ibid.

³⁴ Ibid, s. 13.

³⁵ Ibid, s. 13.

³⁶ Ibid, s. 33.

³⁷ Ibid, s. 21.

³⁸ Kadri Gürsel. Türkiye ve ABD: Çatışmalı boşanma. Cumhuriyet Gazetesi. 14 Kasım 2017 // http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/865534/Turkiye_ve_ABD_Catismali_bosanma.html#

³⁹ Kadri Gürsel. Türkiye-ABD: Krizin kara yılı başladı. Cumhuriyet Gazetesi. 05 Ocak 2018 // http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/898875/Turkiye-ABD_Krizin_kara_yili_basladi.html#

⁴⁰ Aslı Aydıntaşbaş. ABD ile kriz nasıl biter. 12 Ekim 2017 // http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/842847/ABD_ile_kriz_nasil_biter_.html

⁴¹ Murat Yetkin. ABD ile gerilim artarken gizli diplomasinin önemi. 5 Ocak 2018. Hürriyet Gazetesi // <http://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/murat-yetkin/abd-ile-gerilim-artarken-gizli-diplomasinin-onemi-40700144>

⁴² Amanda Sloat. The United States and Turkey should fix their relationship—Before it's too late. February 16, 2018 // <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/02/16/the-united-states-and-turkey-should-fix-their-relationship-before-its-too-late/>

⁴³ Barak Barfi. Containing the Afrin Crisis: Turkey's Goals and Military Challenges. January 31, 2018. PolicyWatch 2924 // <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/containing-the-afrin-crisis-turkeys-goals-and-military-challenges>

Гаджиев А. Г.*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ РЕФЕРЕНДУМ В ТУРЦИИ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЕС

После неудавшейся попытки военного переворота в июле 2016 года в Турции активизировался процесс по переходу страны на президентскую форму правления. 16 апреля 2017 г. в стране состоялся конституционный референдум. Победу с незначительным перевесом одержали сторонники реформ. Евросоюз, несмотря на напряженность, возникшую между Турцией и рядом стран ЕС еще на стадии проведения турецкими властями агитационной кампании, на итоги всенародного голосования отреагировал сдержанно. В документах ЕС отмечалось, что проведение референдума не соответствовало стандартам СЕ, однако сами результаты плебисцита под сомнение не ставились. Вместе с этим, лидеры ЕС призывали турецкое руководство добиваться в ходе воплощения конституционных поправок «максимального консенсуса» среди населения. В Анкаре на критику и призывы Брюсселя ответили очередными обещаниями провести еще два плебисцита – о целесообразности продолжения переговоров о вступлении в ЕС и возвращении смертной казни. И, тем не менее, конституционный референдум, а также события, произошедшие до и после всенародного голосования, к каким-либо серьезным сдвигам в рамках продолжающегося переговорного процесса о вступлении Турции в ЕС не привели.

Ключевые слова: Турция, ЕС, переговорный процесс, конституционный референдум, миграционные потоки, Копенгагенские критерии.

After the failed attempt of a military coup in July 2016, Turkey intensified the process of transition to a presidential form of government. On April 16, 2017 in the country held a constitutional referendum. Supporters of reform won with a small margin. The EU, in spite of the tension that has arisen between Turkey and a number of EU countries at the stage of the campaign by the Turkish

* Гаджиев Амур Гаджибабаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: djakar@mail.ru

authorities, reacted to the results of the nationwide voting with restraint. The EU documents noted that the holding of the referendum did not meet the CE standards, but the results of the plebiscite were not questioned. At the same time, EU leaders urged the Turkish leadership to seek «maximum consensus» among the population in the implementation of the constitutional amendments. In Ankara, the criticisms and appeals of Brussels were answered with the next promises to hold two more plebiscites – about the advisability of continuing the negotiations on joining the EU and the return of the death penalty. And, nevertheless, the constitutional referendum, as well as the events that took place before and after the popular vote, did not lead to any serious shifts in the ongoing negotiating process on Turkey's accession to the EU.

Key words: Turkey, EU, negotiation process, constitutional referendum, migration flows, Copenhagen criteria

После попытки военного переворота в ночь на 16 июля 2016 года в Турции активизировался процесс по переходу страны на президентскую форму правления. Уже в декабре 2016 года правящая Партия справедливости и развития внесла в парламент страны проект документа, предполагавший кардинальные перемены во властных структурах государства. Пакет из 18 конституционных поправок был одобрен Великим национальным собранием Турции 21 января 2017 г. За изменение конституции высказались тогда 339 депутатов из 550. Этого оказалось достаточно для того, чтобы вынести поправки на всенародное голосование. Если бы проект конституционных изменений был поддержан голосами 367 депутатов, то поправки могли бы быть приняты парламентом без учета мнения народа. В итоге, 16 апреля 2017 г. в Турции состоялся конституционный референдум о переходе страны с парламентской на президентскую форму правления. Победу с перевесом в 2,82% (1 379 934 голоса)¹ одержали сторонники реформ².

Евросоюз на итоги всенародного голосования отреагировал сдержанно. Председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, верховный представитель Евросоюза по внешней политике и политике безопасности Федерика Могерини и еврокомиссар по политике соседства и расширению Йоханнес Хан в своем совместном заявлении призвали турецкое руководство в ходе воплощения

конституционных поправок «ввиду небольшой разницы в голосах и далеко идущих последствий конституционных изменений» добиваться «максимального консенсуса» среди населения. В совместном заявлении также отмечалось, что конституционные поправки и их практическая реализация «будут оцениваться ЕС в рамках обязательств Турции как страны-кандидата на вступление в ЕС и члена Совета Европы»³.

Относительно же самого референдума в Европе исходили из заявлений наблюдателей Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (БДИПЧ ОБСЕ), которые, выступив уже на следующий день, 17 апреля 2017 года, отметили, что проведение референдума не соответствовало стандартам Совета Европы, поскольку «избиратели не получили объективной информации о ключевых аспектах реформы». При этом наблюдатели ОБСЕ подчеркивали, что организация самого голосования нареканий не вызвала⁴. По словам главы миссии БДИПЧ ОБСЕ Каэтаны де Зулуеты, «референдум проходил в политических условиях, при которых из-за действия чрезвычайного положения были ограничены фундаментальные свободы, необходимые для подлинного демократического процесса». По ее мнению, условия для информирования сторонников и противников изменения конституции были неравными, и кампания за поправки в конституцию доминировала в турецких СМИ, что «наряду с арестами журналистов ограничило доступ избирателей к полноценной информации»⁵.

Представители Европейской комиссии за демократию через право при Совете Европы (Венецианская комиссия) еще за месяц до референдума, 13 марта 2017 года, выразили серьезную обеспокоенность, в том числе, в связи с процедурой и условиями проведения референдума⁶.

Президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган в ответ на заявления лидеров ЕС, выводы наблюдателей БДИПЧ ОБСЕ и мнение Венецианской комиссии Совета Европы в очередной раз пообещал провести еще два плебисцита – о целесообразности продолжения переговоров о вступлении в ЕС и возвращении смертной казни⁷.

Нельзя не отметить, что определенная напряженность между Турцией и ЕС по вопросу конституционного референдума воз-

ника еще на стадии проведения турецкими властями агитационной кампании. Анкарой были предприняты попытки организовать различные агитационные мероприятия в некоторых государствах ЕС, где есть крупные турецкие диаспоры. Однако власти ряда стран отказали турецким политикам в праве вести агитацию.

Так, в Германии 2 марта было отменено выступление в то время главы турецкого минюста, ныне вице-премьера и официального представителя правительства Бекира Боздага в городе Гагенау⁸, а 6 марта – мероприятие с участием министра иностранных дел Мевлюта Чавушоглу в Гамбурге⁹. Против турецкой агитации в стране выступили и Нидерланды. 11 марта самолету Мевлюта Чавушоглу не разрешили совершить посадку в Роттердаме¹⁰. На следующий день голландские власти перекрыли дорогу к резиденции генерального консульства Турции в Роттердаме министру по делам семьи и социальной политики Турции Фатме Бетюль Сая Кайе¹¹. Агитационную кампанию Анкары отказались поддержать Швеция и Дания¹².

Резкое обострение отношений между Турцией и отдельными странами ЕС позволило некоторым европейским политикам предположить о скорой заморозке переговоров о членстве Турции в Евросоюз. Как известно, Европарламент еще в ноябре 2016 года проголосовал за то, чтобы заморозить эти переговоры. Однако представители стран-членов ЕС продолжали воздерживаться от такого шага¹³.

После референдума заместитель главы Европарламента Александер Ламбсдорфф призвал ЕС «посмотреть правде в глаза» и прекратить переговоры: «Фантазии Эрдогана о всемогуществе являются четким свидетельством того, насколько сильно страна отделилась от основных ценностей ЕС. Нам уже давно пора прекратить неискренние переговоры о вступлении Турции в ЕС и начать выстраивать отношения с этой страной на другой основе» – заявил он в своем выступлении¹⁴.

Вместе с этим, в Европарламенте такой позиции придерживаются не все. Так, например, депутат Европарламента от немецкой Левой партии Мартина Михелс, принимавшая участие в судебном процессе против оппозиционеров в Анкаре в качестве наблюдателя, как и представители многих неправительственных

организаций, скептически оценивает возможность прекращения переговоров о вступлении Турции в ЕС. На ее взгляд, тем самым был бы уничтожен последний связующий элемент между Брюсселем и Анкарой, с помощью которого можно было бы повлиять на турецкое руководство¹⁵.

Против полного прекращения переговорного процесса выступил и один из соавторов совместного заявления руководства ЕС – глава Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер, который, однако, с некоторой иронией заявил: «Не имеет никакого смысла пытаться успокоить Эрдогана путем прекращения переговоров, которые и без того фактически не ведутся»¹⁶.

И, тем не менее, 6 июля 2017 г. Европарламент на пленарной сессии в Страсбурге принял резолюцию по Турции, которая призывала страны Евросоюза и Еврокомиссию незамедлительно приостановить переговоры с Анкарой о присоединении страны к ЕС, если ее власти не внесут надлежащие изменения в конституционную реформу¹⁷. В поддержку резолюции, носящей рекомендательный характер, проголосовали 477 депутатов, против – 64¹⁸. Европарламент в резолюции подчеркнул также, что предложенные поправки к турецкой Конституции не соответствуют основополагающим принципам разделения властей, не обеспечивают достаточных сдержек и противовесов, а также не соответствуют Копенгагенским критериям¹⁹.

В документе подчеркивалось, что переговоры о членстве Турции в ЕС должны быть приостановлены в случае возможного восстановления смертной казни в стране. Кроме того, в резолюции содержалось осуждение последовавших за неудавшейся попыткой переворота в июле 2016 года «широкомасштабных, непропорциональных и имеющих длительное отрицательное воздействие на большое количество граждан мер», включая массовые аресты, коллективные увольнения, закрытие ряда СМИ, средних и высших учебных заведений²⁰.

МИД Турции, в свою очередь, выпустил заявление, в котором была дана негативная оценка резолюции Европарламента²¹. Министр страны по делам ЕС Омер Челик назвал резолюцию Европарламента с призывом приостановить переговоры о турецком членстве в ЕС «односторонней и политически ангажированной»²².

25 июля 2017 г. в Брюсселе состоялась министерская встреча Турция – ЕС, в которой приняли участие Федерика Могерини, Йоханнес Хан, Мевлют Чавушоглу и Омер Челик. По итогам той встречи Йоханнес Хан напомнил, что реакция турецких властей на попытку госпереворота в стране вызвала беспокойство у стран-членов Евросоюза. Поэтому страны-члены ЕС считают, что в нынешних обстоятельствах открытие новых глав переговорного досье является невозможным. В свою очередь Федерика Могерини по итогам брюссельской встречи отметила, что в настоящее время вопрос о приостановке или прекращении переговоров не стоит. По ее словам, министерская встреча Турции и ЕС хоть и не помогла преодолеть разногласия сторон по внутренней ситуации в стране, однако позволила определить общие интересы по вопросам двусторонних и международных отношений²³.

Иначе выглядит ситуация на уровне отдельных стран-участниц ЕС. Так, один из наиболее ярых противников вступления Турции в ЕС, канцлер Австрии Кристиан Керн, в интервью немецкой газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» заявил, что «Европа никогда не сможет переварить вступление Турции чисто по экономико-политическим причинам». В этой связи, по его мнению, Брюсселю следует честно сказать Анкаре, что, по сути, она не является кандидатом на вступление. Австрийский канцлер высказал мнение, что Турция в вопросах обеспечения прав человека «перешагнула практически все красные линии». А действия турецких властей по отношению к правозащитникам, журналистам и некоторым парламентариям К. Керн назвал «актом диктаторского насилия»²⁴. Подобным образом высказался и глава МИД Австрии Себастьян Курц, который отметил, что с нынешним руководством вступление Анкары в ЕС невозможно и к 2023 году, когда будет отмечаться 100 лет с момента образования современной Турции²⁵.

31 июля 2017 г. Правительство ФРГ направило Федерике Могерини и Йоханнесу Хану правительственный документ с требованием оказать финансовое давление на Анкару. В документе германское правительство, в числе прочего, требовало уточнить, может ли в случае необходимости быть прекращено оказание поддержки Турции для подготовки к вступлению в ЕС. Кроме того, по

мнению правительства ФРГ, ЕС должен заморозить переговоры с Турцией по модернизации таможенного союза²⁶. Вслед за документом германского правительства об отсутствии возможности продолжать переговоры об углублении таможенного союза между ЕС и Турцией заявила и канцлер ФРГ Ангела Меркель²⁷. Затем глава МИД ФРГ Зигмар Габриэль предложил президенту Турции Реджепу Тайипу Эрдогану выступить с инициативой о прекращении переговоров о вступлении в ЕС, поскольку в текущей ситуации маловероятно, что они приведут к положительному результату. «Турция, которая ограничивает свободу слова, бросает невинных людей в тюрьму и притесняет оппозицию, не может стать частью Евросоюза, – сказал он в интервью газете «Бильд». – Это знает и президент Турции. Мне кажется, он и сам не хочет этого, не воспринимает всерьез переговоры о вступлении»²⁸.

Схожей позиции придерживается и Париж. Так, например, официальный представитель правительства Франции Кристоф Кастанер в эфире радиостанции «France Inter» заявил, что современная политическая ситуация в Турции не позволяет продолжить переговоры о присоединении этой страны к Евросоюзу. По его словам, в последние годы переговоры с Турцией были «пустой тратой времени»²⁹.

О необходимости прекратить переговоры с Турцией в связи с текущей политической обстановкой в этой стране заявлял и Копенгаген. Глава МИД Дании Андерс Самуэльсен, выступая перед членами парламентского комитета по внешней политике, отмечал: «Позиция правительства заключается в том, что переговоры с Турцией должны быть прекращены. Их продолжение не имеет смысла, поскольку Турция последовательно движется в неверном направлении». Глава датской дипломатии подчеркнул, что его страна заинтересована в поддержании диалога с Турцией, однако как член ЕС выступает за то, чтобы полностью отказаться от переговоров, а не просто приостановить их. По словам А. Самуэльсена, турецкому руководству необходимо послать «ясный сигнал» о необходимости соблюдения прав человека и принципов демократии. О полной поддержке позиции действующего правительства меньшинства заявила и крупнейшая оппозиционная сила в датском парламенте – социал-демократы³⁰.

При этом, однако, очевидно, что в вопросах, касающихся политики безопасности, Анкара по-прежнему сохраняет тесную связь с Европой. Эксперты, отмечая, что Турция важна для ЕС в силу своего геостратегического положения, обращают внимание на то, что НАТО, например, не выдвигает Анкаре столь высокие требования, как это делает ЕС: даже в период, когда власть в стране принадлежала военным, Турция оставалась членом альянса³¹.

Особое значение Турция представляет для ЕС в вопросах с беженцами. Как известно, Европа сегодня продолжает бороться с серьезной проблемой массового притока мигрантов. В основном это сирийцы. Предварительный совместный план действий по миграции, который предполагал финансовую помощь ЕС в размере трех миллиардов евро, ускоренный процесс отмены визовых требований для турецких граждан в Шенгенской зоне и активизацию переговоров о вступлении Турецкой Республики в Европейский союз, был согласован лидерами Евросоюза и Турции 15 октября 2015 г. на саммите ЕС в Брюсселе³².

Турция, согласно достигнутым договоренностям, должна была помочь в вопросах охраны общих со странами ЕС границ, улучшить условия проживания беженцев в стране, предотвратить отток мигрантов в ЕС со своей территории и облегчить процедуры возвращения «нелегалов» на родину. В соответствии с договоренностью, все нелегальные мигранты, оказавшиеся в Греции, должны отправляться обратно в Турцию, а Евросоюз в свою очередь обязался за каждого высланного нелегального мигранта принимать у Турции одного легального. Размещение нелегальных мигрантов в Турции Евросоюз обязался обеспечивать за свой счет³³.

Предполагалось, что уже в ближайшие дни будут уточнены детали данного плана, в том числе, касающиеся его финансовой составляющей, и стороны перейдут к реализации согласованных положений. То, что их выполнение должно было начаться немедленно, было даже прописано и в самом предварительном плане³⁴.

Однако на практике, как известно, это не произошло, по крайней мере, не так быстро, как рассчитывалось изначально. Так называемый Фонд для беженцев в Турции (Facility for refugees

in Turkey), рассчитанный на 2016 и 2017 годы, должен были наполняться странами Евросоюза (в объеме двух миллиардов евро) и бюджетом Евросоюза (один миллиард евро), который в большей степени состоит из взносов тех же стран ЕС. Решение о выделении 600 миллионов евро помощи для поддержки сирийских беженцев и принимающих их сообществ в Турции в области образования и здравоохранения Еврокомиссия приняла лишь в сентябре 2016 года³⁵. Согласно докладу ЕК, все страны ЕС предоставили «удостоверения о взносе» необходимых средств в фонд. Всего было определено 34 проекта на общую сумму 1252 млрд евро, из этой суммы лишь 467 млн евро было перечислено, говорилось в сообщении. При этом «общий объем ассигнований на имплементацию гуманитарных и негуманитарных мер в рамках Фонда для беженцев в Турции находится на уровне 2,239 млрд евро». Еврокомиссия не уточняла связь между средствами на конкретные проекты и размеры ассигнований. В сообщении также отмечалось, что Турция все еще не выполнила семь требований для отмены визового режима с Евросоюзом³⁶.

Тем не менее, в настоящее время сделка ЕС и Турции по беженцам выполняется и Европа, судя по всему, ею удовлетворена. Так, официальный представитель Еврокомиссии Тове Эрнст 24 августа 2017 г. на брифинге в Брюсселе заявила, что Евросоюз внимательно отслеживает миграционные потоки из Турции в Грецию и отмечает их существенное сокращение. «Соглашение с Турцией способствовало очень значительному сокращению миграционных потоков. Мы можем констатировать их уменьшение на 97% по отношению к периоду, предшествовавшему соглашению», – отметила в своем выступлении пресс-секретарь Еврокомиссии. По ее словам, Евросоюз продолжает внимательно наблюдать за ситуацией и тем, чтобы все аспекты декларации ЕС–Турция полностью выполнялись обеими сторонами³⁷.

О том, что Евросоюз добился ощутимых результатов с Турцией в вопросах миграции и безопасности заявил 18 ноября 2017 г. и еврокомиссар по миграции, внутренним делам и гражданству Димитрис Аврамопулос, отметив, что «сейчас в Турции находятся более 3 миллионов беженцев и ЕС помогает, поддерживает Турцию финансово и политически»³⁸.

Об удовлетворении стран Евросоюза свидетельствует и заявление Ангелы Меркель, которая отметила, что в своей работе с Ливией по вопросу беженцев Европа идет по «турецкому варианту»³⁹.

Кроме того, как сообщалось в распространенных в августе 2017 года данных агентства ЕС по безопасности внешних границ (Frontex), число нелегальных мигрантов на европейских границах за первые семь месяцев 2017 года сократилось на две трети по сравнению с аналогичным периодом прошлого года – до 127 100 человек. Отмечалось, что количество мигрантов, прибывающих в Грецию по морским и сухопутным маршрутам, в июле составило 2,3 тысячи, что на четверть меньше, чем в предыдущем месяце. За первые семь месяцев этого года в Грецию прибыли примерно 15 750 мигрантов, что на 90% меньше, чем за тот же период 2016 года. Сирийцы, иракцы и афганцы составляли большинство выявленных мигрантов на восточно-средиземноморском маршруте в июле. В данных Frontex подчеркивалось, что в июле на западных Балканах наблюдалось относительно небольшое количество обнаружений незаконных пересечений границы, продолжается постепенное снижение этого показателя. В качестве причины этой положительной тенденции подчеркивался тот факт, что Турцию через сухопутные границы к западным Балканам стало покидать гораздо меньшее число мигрантов. Это, как известно, стало возможным за счет сделки по беженцам⁴⁰.

15 ноября 2017 г. еврокомиссар Д. Аврамопулос заявил, что Евросоюз к концу текущего года выделит Турции из Фонда поддержки беженцев 3 млрд евро, которые были обещаны этой стране при заключении соглашения о борьбе с миграционным кризисом⁴¹. Турецкий министр М. Чавушоглу, в свою очередь, отметил, что Турция на прием беженцев ожидает от Евросоюза до конца 2018 года помимо упомянутых 3 млрд еще 3 млрд евро⁴². Таким образом, процесс все еще продолжается. Каким будет его завершение и каковы будут его последствия – пока сказать трудно. Вместе с этим, учитывая почти 55-летнюю историю взаимоотношений между Турцией и ЕС можно предположить, что какого-либо особого развития событий, прорыва или, напротив, прекращения переговоров данный процесс не предвещает.

Итак, в последнее время европейцы, обеспокоенные массовым притоком мигрантов со стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, стали больше внимания уделять Турции, посвящая ей заметную часть заседаний своих саммитов и порой даже ставя ее в пример другим государствам, в надежде придать ей функции так называемого «буфера и аккумулятора беженцев», которые в настоящее время используют турецкую территорию в качестве плацдарма для массированного наступления на «богатую Европу». Очевидно, что нынешние обещания уступок и помощи стране, которую многие в Европе считают «неевропейской», вряд ли были бы возможны, если бы тяжесть бремени беженцев не ощутили ведущие страны ЕС, вынужденные теперь принимать не только сирийцев. Позицию ЕС достаточно красноречиво в свое время озвучил тогда еще будущий, а ныне уже бывший председатель Европейского совета Херман Ван Ромпёй. Еще в 2004 г., то есть в то самое время, когда турецко-европейское сближение достигло своего пика, он заявил следующее: «Турция – не часть Европы и никогда не станет ее частью. Расширение ЕС за счет Турции не может быть приравнено к любым расширениям, имевшим место в прошлом. Универсальные ценности, которые воплощают могущество Европы и которые являются фундаментальными ценностями Христианства, потеряют силу с присоединением большого исламского государства – такого, как Турция»⁴³. Высказывания о нежелании примкнуть к ЕС исходят и от самих турок. Президент Р. Т. Эрдоган, например, неоднократно заявлял, что уже неважно, примут ли его страну в ЕС или нет, добавляя, что Турция не та страна, которая будет умолять о том, чтобы ее куда-то принимали⁴⁴.

Примечания

¹ Общее количество голосовавших – 48 934 116 чел., «за» проголосовали 25 157 025 чел., «против» – 23 777 091 чел.

² Referandum 2017, NTV // <http://referandum.ntv.com.tr/> (дата обращения: 25.05.2017).

³ Statement by President Juncker, High Representative/Vice-President Mogherini and Commissioner Hahn on the referendum in Turkey, Brussels, 16.04.2017 // http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-17-981_en.htm (дата обращения: 25.04.2017).

⁴ ОБСЕ раскритиковала референдум в Турции, Коммерсант, 17.04.2017 // <https://www.kommersant.ru/doc/3274447> (дата обращения: 18.04.2017).

⁵ ОБСЕ: референдум в Турции не соответствовал нормам Совета Европы, ТАСС, 17.04.2017 // <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4188677> (дата обращения: 18.04.2017).

⁶ Opinion on the Amendments to the Constitution adopted by the Grand National Assembly on 21 January 2017 and to be submitted to a National Referendum on 16 April 2017, Strasbourg, 13.03.2017 // [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2017\)005-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2017)005-e) (дата обращения: 18.04.2017).

⁷ На референдуме в Турции победили сторонники президентской формы правления, РИА Новости, 17.04.2017 // <https://ria.ru/world/20170417/1492365208.html> (дата обращения: 18.04.2017).

⁸ Bekir Bozdağ engellendi, Türkiye Gazetesi, 02.03.2017 // <http://turkiyegazetesi.de/almanya-bekir-bozdagi-engelledi/> (дата обращения: 17.04.2017).

⁹ Mevlüt Çavuşoğlu'nun toplantısı da iptal edildi, Sözcü Gazetesi, 06.03.2017 // <http://www.sozcu.com.tr/2017/gundem/son-dakika-haberi/mevlut-cavusoglunun-toplantisi-da-iptal-edildi-1717506/> (дата обращения: 17.04.2017).

¹⁰ Hollanda, Dışişleri Bakanı Mevlüt Çavuşoğlu'nun uçuş iznini iptal etti, Posta Gazetesi, 11.03.2017 // <http://www.posta.com.tr/hollanda-disisleri-bakani-mevlut-cavusoglu-nun-ucus-iznini-iptal-etti-haberi-1276153> (дата обращения: 17.04.2017).

¹¹ В Роттердаме задержали 12 участников протеста у турецкого консульства, РИА Новости, 12.03.2017 // <https://ria.ru/world/20170312/1489820572.html> (дата обращения: 17.04.2017).

¹² Конституционный референдум в Турции. Досье, ТАСС, 16.04.2017 // <http://tass.ru/info/4185446> (дата обращения: 17.04.2017).

¹³ Турция и ЕС: переговоры незаинтересованных сторон, 25.11.2016, BBC Русская служба // <http://www.bbc.com/russian/features-38095576> (дата обращения: 18.04.2017).

¹⁴ Ригерт Б., Вальц К., Елкина А., Положит ли референдум конец переговорам о членстве Турции в ЕС, Deutsche Welle (DW) Русская служба, 17.04.2017 // <http://www.dw.com/ru/положит-ли-референдум-конец-переговорам-о-членстве-турции-в-ес/a-38453682> (дата обращения: 18.04.2017).

¹⁵ Ригерт Б., Вальц К., Елкина А., там же.

¹⁶ Ригерт Б., Вальц К., Елкина А., там же.

¹⁷ European Parliament resolution of 6 July 2017 on the 2016 Commission Report on Turkey (2016/2308(INI)), Strasbourg, 06.07.2017 // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0306+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 02.08.2017).

¹⁸ Европарламент призвал приостановить переговоры с Турцией о членстве в ЕС, РБК, 06.07.2017 // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/595e27d89a79479d31dbc204> (дата обращения: 02.08.2017).

¹⁹ European Parliament resolution of 6 July 2017 on the 2016 Commission Report on Turkey (2016/2308(INI)), Strasbourg, 06.07.2017 // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0306+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 02.08.2017).

²⁰ European Parliament resolution of 6 July 2017 on the 2016 Commission Report on Turkey (2016/2308(INI)), Strasbourg, 06.07.2017 // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0306+0+DOC+XML+V0//EN>, (дата обращения: 02.08.2017).

²¹ Европарламент призывает ЕС приостановить переговоры о членстве Турции, Турция возмущена, Прайм: Агентство экономической информации, 06.07.2017 // https://1prime.ru/state_regulation/20170706/827649091-print.html, (дата обращения: 02.08.2017).

²² Турция осудила призыв ЕП приостановить переговоры о ее членстве, РИА Новости, 06.07.2017 // <https://ria.ru/world/20170706/1497959518.html>, (дата обращения: 02.08.2017).

²³ EU-Turkey High Level Political Dialogue, European External Action Service (EEAS), 25.07.2017 // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/30391/EU-Turkey%20High%20Level%20Political%20Dialogue, (дата обращения: 02.08.2017).

²⁴ Канцлер Австрии: экономика ЕС не сможет «переварить» вступление Турции, РИА Новости, 06.07.2017 // <https://ria.ru/world/20170726/1499232031.html>, (дата обращения: 27.07.2017).

²⁵ Глава МИД Австрии: Турция не вступит в ЕС в ближайшее время, РИА Новости, 23.08.2017 // <https://ria.ru/world/20170823/1500935537.html>, (дата обращения: 24.08.2017).

²⁶ СМИ: Германия требует, чтобы ЕС оказал финансовое давление на Турцию, РИА Новости, 31.07.2017 // <https://ria.ru/economy/20170731/1499499429.html> (дата обращения: 01.08.2017).

²⁷ Меркель: Переговоры ЕС с Турцией о таможенном союзе невозможны, EurAsia Daily, 16.08.2017 // <https://eadaily.com/ru/news/2017/08/16/merkel-peregovory-es-s-turciy-o-tamozhennom-soyuze-nevozmozhny> (дата обращения: 17.08.2017).

²⁸ Lyneham C., Sigmar Gabriel: 'Turkey will never join EU' under Erdogan, Deutsche Welle, 25.08.2017 // <http://www.dw.com/en/sigmar-gabriel-turkey-will-never-join-eu-under-erdogan/a-40236026> (дата обращения: 26.08.2017).

²⁹ Правительство Франции: переговоры о вступлении Турции в ЕС более невозможны, РИА Новости, 05.09.2017 // <https://ria.ru/world/20170905/1501792930.html> (дата обращения: 06.09.2017).

³⁰ ТАСС, 06.09.2017.

³¹ Ригерт Б., Вальц К., Елкина А., там же.

³² Gotev G., Turkey's Erdogan calls the shots at EU summit, EURACTIV, 16.10.2015 // <http://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/turkey-s-erdogan-calls-the-shots-at-eu-summit/> (дата обращения: 02.08.2017).

³³ Traynor I., European leaders offer Turkey 'action plan' on migration crisis, The Guardian, 16.10.2015 // <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/15/big-decisions-unlikely-migration-summit-eu-leaders> (дата обращения: 02.08.2017).

³⁴ Traynor I., там же.

³⁵ Managing the Refugee Crisis: The EU Facility for Refugees in Turkey, European Commission, 13.11.2017 // https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/frit_factsheet.pdf, (дата обращения: 20.11.2017).

³⁶ Князева М., Еврокомиссия выделит 600 млн. евро помощи сирийским беженцам в Турции, РИА Новости, 28.09.2016 // www.ria.ru/syria/20160928/1478046954.html, (дата обращения: 20.11.2017).

³⁷ Турция придерживается обязательств по соглашению с ЕС по контролю за миграцией, приток нелегалов резко сократился – Еврокомиссия, ИНТЕРФАКС, 24.08.2017.

³⁸ Калмыкова Т., Еврокомиссар: ЕС добился ощутимых результатов с Турцией в области миграции, РИА Новости, 18.11.2017 // <https://ria.ru/world/20171118/1509070555.html>, (дата обращения: 20.11.2017).

³⁹ EU to Adopt 'Turkish Scenario' in Migration Deal With Libya – Merkel, Sputnik International, 11.08.2017 // <https://sputniknews.com/europe/201708111056388960-eu-scenario-deal-libya/>, (дата обращения: 20.11.2017).

⁴⁰ Migratory Flows in July: Numbers Fall in Italy, Remain High in Spain, European Border and Coast Guard Agency (Frontex), 14.08.2017 // <http://frontex.europa.eu/news/migratory-flows-in-july-numbers-fall-in-italy-remain-high-in-spain-X4OFNn>, (дата обращения: 15.08.2017).

⁴¹ Еремина Д., Страны ЕС согласились принять 34 тысячи беженцев за два года, Deutsche Welle (DW) Русская служба, 15.11.2017 // <http://www.dw.com/ru/страны-ес-согласились-принять-34-тысячи-беженцев-за-два-года/a-41400674> (дата обращения: 20.11.2017).

⁴² Türk diplomatların yüzde 25'i ihraç edildi, Yeni Asya Gazetesi, 16.11.2017 // http://www.yeniasya.com.tr/politika/turk-diplomatlarin-yuzde-25-i-ihrac-edildi_446712, (дата обращения: 20.11.2017).

⁴³ Анищенко Н., Господин председатель, Lenta.Ru, 20.11.2009 // www.lenta.ru/articles/2009/11/20/eu/ (дата обращения: 20.11.2017).

⁴⁴ AB'ye: Dilenmeyiz, Hürriyet, 25 Ocak 2015 // www.hurriyet.com.tr/ab-ye-dilenmeyiz-28042852 (дата обращения: 20.11.2017).

Иванова И. И.*

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ: ТУРЦИЯ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В XXI В.

После окончания холодной войны отношения Турции с Южным Кавказом прошли за 10 лет три этапа развития: первый этап (1991–1993 гг.) – полный большого волнения; период 1993–1995 гг., породивший взаимный оптимизм и большие надежды, и период 1995–2001 г., когда стало очевидно, что в отношениях Турции с регионом имеются определенные ограничения и проблемы¹. Пестрота и неоднозначность отношений стран Южного Кавказа между собой и с тремя ключевым игроками данного региона – Турцией, Россией и Ираном – создают известные трудности на пути превращения Южного Кавказа в зону стабильности и сотрудничества.

Ключевые слова: Внешняя политика Турции, Турция и Южный Кавказ

After the end of the Cold War, Turkey's relations with the South Caucasus have gone through three stages of development in 10 years: the first stage (1991–1993) – full of great excitement; the period of 1993–1995, which gave rise to mutual optimism and high hopes, and the period of 1995–2001, when it became obvious that there were certain limitations and problems in relations between Turkey and the countries of the region. The diversity and ambiguity of the relations of the South Caucasus countries with each other and with the three key players in the region – Turkey, Russia and Iran – create certain difficulties in turning the South Caucasus into a zone of stability and cooperation.

Key words: foreign policy of Turkey, Turkey and the South Caucasus

Внешняя политика Партии справедливости и развития (ПСР), пришедшей к власти в 2002 г., охарактеризована как «новая» и подчеркивает исторический фон Турции и ее региональ-

* Иванова Инесса Ильинична – кандидат исторических наук, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (У), старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: iniv2016@mail.ru

ные обязанности. Этот фон выделяет на первый план географию, которая определяется границами ответственности Турции. Эта география включает прежде всего соседние с Турцией страны и ее ближайшее окружение, в том числе Южный Кавказ.

В этом контексте очевидно, что для достижения цели «ноль проблем с соседями», ставшей приоритетной во внешней политике, на первый план были выдвинуты такие утверждения, как «безопасность – баланс демократии», «внешняя политика на региональном уровне», интеграция с соседями, и «беспроектное решение вопросов». Наряду с этим, чтобы достигнуть целей внешней политики, в Турции была разработана концепция более активных дипломатических отношений, называемая «ритмичной дипломатией». В этом контексте Южный Кавказ рассматривался как «Ворота Турции в Центральную Азию» и как крупнейшая зона в Черноморском регионе. Другими темами, которые периодически привлекают внимание к Кавказу, являлись региональные расхождения на тему отношений с Российской Федерацией, интерес США к региону и его влияние на Турцию, а также вопросы по энергоносителям.

Можно говорить о бесспорном приоритете в регионе Азербайджана в турецкой политике по сравнению с остальным Южным Кавказом. Азербайджан близок Турции по языковому, религиозному, культурному и этническому связям. Для того, чтобы осуществить свои цели в отношениях с этой страной, Турция делает все возможное, в том числе и использование «мягкой силы», чтобы удержать здесь свое влияние. Базовым лозунгом взаимодействия является принцип: «две страны – одна нация». Отношения Анкары и Баку внешне избавлены от резких изменений. Однако вплоть до августовской войны 2008 г. на Кавказе турецко-азербайджанские связи переживали некоторый застой. Так, после визита премьер-министра Эрдогана в Азербайджан в июне 2005 г. было решено открыть чартерные рейсы Азербайджан – Турецкая Республика Северного Кипра. И хотя туркам-киприотам было обещан въезд на территорию Азербайджана по их паспортам, это обещание не было претворено в жизнь. Рейсы прекратились, и азербайджанская сторона объяснила это «давлением Запада»².

В апреле 2006 г. в ходе визита в Азербайджан президента Турции Сезера были рассмотрены такие вопросы, как газопровод Баку – Тбилиси – Джейхан, железная дорога Карс – Тбилиси – Баку, Нагорный Карабах, Кипр и стороны обещали взаимную поддержку по этим вопросам. Однако, несмотря на это, не были подписаны какие-либо соглашения или протоколы, был лишь сделан акцент на поисках путей углубления «отношений». В этом же году азербайджанский президент Ильхам Алиев несколько раз посетил Турцию, однако его визиты не получили особого внимания в турецком общественном мнении и СМИ. То есть в этот период турецко-азербайджанские отношения «потеряли динамику 90-х годов»³.

Вместе с тем, важность и значимость Азербайджана оказывают определяющее влияние на отношения Турции с другой страной региона – Арменией. У турецко-армянских отношений есть существенные проблемы, в том числе утверждения о так называемом «геноциде», территориальные претензии, увеличившиеся после Декларации о независимости Армении и принятия ее конституции. Важным препятствием на пути нормализации отношений является вооруженное вторжение Армении в Нагорный Карабах. Представляется, что пока проблема Нагорного Карабаха не будет решена, Армения не сможет установить стабильные отношения со своими соседями, включая Турцию. А это означает, что важные региональные проблемы, связанные с Арменией, останутся нерешенными. Вместе с тем Турция пыталась решить проблемы с Арменией с точки зрения «мягкой силы». Хотя граница с Арменией закрыта Турцией и Анкара поддерживает требование Баку относительно нагорно-карабахского конфликта, контакты между Арменией и Турцией начались еще до подписания протоколов о нормализации отношений, (которые будут рассмотрены ниже).

В 2003 году бывший на тот период министром иностранных дел Гюль на различных международных форумах имел встречу и с армянским коллегой Осканьяном (Ozkanyan). В апреле 2005 г. премьер-министр Эрдоган направил письмо президенту Армении Кочарьяну, в котором предложил исследовать события 1915 г. путем создания совместной комиссии историков из пред-

ставителей двух стран. Полуофициальный ответ, пришедший из Армении, был следующий: «Вначале установление нормальных отношений, а затем может быть создана комиссия, которая обсуждит все вопросы»⁴.

Нельзя не отметить деятельность гражданских обществ двух стран, постоянно рассматривающих вопросы открытия границ. После убийства в Стамбуле 19 января 2007 г. главного редактора газеты «Агос» (Agos) Хранта Динка реакция в Турции и тот факт, что на церемонии похорон 100 тысяч человек шли со слоганами: «Все мы Хранты, все мы армяне», вызвала большую положительную реакцию в Армении⁵.

Важным шагом стала реконструкция по решению министерством культуры и туризма Турции армянской церкви Святого Креста на острове Ахтамар (Ван) в 2007 г. и начало в ней месс в 2010 г.⁶. Армянские туристы, посещающие Турцию, и рост количества армян, ищущих работу в Турции – все это подтверждает действенность политики «мягкой силы», проводимой Турцией. Подобные контакты стали рычагами, которые позволяют начать переговоры, отодвигая исторические проблемы за кулисы.

Другой страной, занимающей важное место в региональной политике Турции, является Грузия. В контексте своей политики на Южном Кавказе Турция уделила пристальное внимание Грузии, которая в связи с напряженностью в армяно-азербайджанских отношениях приобрела роль своеобразного моста, соединяющего Турцию с самым важным для нее региональным партнером – Азербайджаном, а также с тюркоязычными странами Центральной Азии. Общая 114-километровая граница с Грузией обеспечивает наиболее прямой и стабильный сухопутный маршрут из Турции на Кавказ и Центральную Азию. За счет усилий Запада сегодня Грузия участвует в энергетических проектах (газопровод Баку – Тбилиси – Джейхан, нефтепровод Баку – Тбилиси – Эрзурум) и транспортных проектах (железная дорога Баку – Тбилиси – Карс). Фактически она приобрела статус транзитной страны, обслуживающей Турцию, выполняет роль коридора между Турцией и Азербайджаном⁷. Грузия в свою очередь воспринимает Турцию как своего проводника на пути интеграции

в ЕС и НАТО. Турция в полной мере реализует свою политику в отношении Грузии в соответствии со стратегией «мягкой силы». Она все заметнее внедряется в грузинскую экономику, распространяет свое влияние на культуру, образование и военно-политическую жизнь Грузии⁸.

Таким образом, Южный Кавказ оставался в начале XXI века в зоне первостепенных интересов Турции.

8 августа 2008 г. Грузия вторглась в Южную Осетию. В результате грузинского вторжения Россия ввела свои войска на территорию Грузии, чтобы обеспечить безопасность гражданам как Южной Осетии, так и Российской Федерации. Действия России по отпору грузинской агрессии в Южной Осетии и последующее признание руководством РФ Южной Осетии и Абхазии независимыми государствами кардинально изменили ситуацию в регионе. Грузино-южноосетинский конфликт имел большой моральный и психологический эффект, а также политические последствия. Был приостановлен транзит азербайджанских углеводородов по территории Грузии. Оператор магистральных экспортных труб, проходящих по территории Грузии и Турции, приняла решение закрыть нефтепроводы Баку – Тбилиси – Джейхан и Баку – Супса на то время, пока сохраняется напряженность в регионе. Надо отметить, что British Petroleum еще за несколько дней до начала вооруженного конфликта в Грузии закрыла нефтепровод из-за пожара на секции трубопровода в Центральной Анатолии (по одной из основных версий – в результате действий курдских сепаратистов). Нетрудно предсказать, что война в Грузии сделала потенциальных инвесторов в будущие энергетические проекты более осмотрительными в оценках здешних рисков. Это, разумеется, плохая новость для Анкары, стратегическая задача которой – превратить страну в средоточие энергетических потоков и таким образом усилить геополитическое влияние на Кавказе⁹.

События в Южной Осетии показали, как Россия позиционирует себя на Кавказе и какие политические цели она рассчитывает достигнуть. Политика М. Саакашвили в Южной Осетии и последующий российский ответ разрушили статус-кво, так недолго существовавший на Южном Кавказе. В итоге результаты

шестидневной войны подтолкнули Турцию к необходимости выработать новую стратегию в регионе на фоне российской политики сильного регионального лидера. Кризис на Кавказе поставил Турцию перед затруднительным и нежелательным выбором между поддержкой своих союзников и сохранением активно развивающихся торговых связей с Россией.

В самый разгар российско-грузинского противостояния премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган совершил два молниеносных визита: первый – в Москву, второй – в Тбилиси. Маршрут дипломатического вояжа Эрдогана в общих чертах совпадает с географией поездок других международных посредников. Однако за всплеском внешнеполитической активности премьера стоит и отсутствующий у других визитеров фактор: война явственно высветила определенную двусмысленность политики и уязвимость геополитической позиции Анкары на Кавказе.

В ходе встречи в Москве 13 августа 2008 г. с президентом России Дмитрием Медведевым Эрдоган выдвинул идею создания своего рода альянса «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе», где, по его словам, «платформа должна иметь географическую основу... преследовать цель установления мира и безопасности в регионе, обеспечения экономического сотрудничества и энергетической безопасности». Из Москвы Эрдоган прибыл в Тбилиси, где речь снова зашла о данном проекте. Таким образом, в стремлении разрядить кризис Анкара выступила с предложением создать «платформу стабильности и сотрудничества» с целью формирования основ региональной безопасности с участием Турции, России, Грузии, Армении и Азербайджана.

Позже, во время официального визита Эрдогана в Баку он изложил идею платформы и азербайджанскому президенту. Некоторые российские средства массовой информации поспешили сообщить, что визит Эрдогана в Москву – это жест, призванный продемонстрировать турецкую поддержку России. В действительности, необычайная дипломатическая активность турецкого премьера – отчаянная попытка исправить ухудшившуюся позицию Турции в результате кавказского кризиса и найти способ защитить национальные интересы страны в новой геополитиче-

ской обстановке. Выход турецкое руководство видит в создании региональной системы безопасности и сотрудничества – своего рода Кавказского пакта. И в Москве, и в Тбилиси, и в Баку Эрдоган делал упор на том, что благосостояние всего региона зависит в первую очередь от крупномасштабных проектов по добыче и транспортировке энергетических ресурсов¹⁰.

Профессор международных отношений Ближневосточного технического университета Анкары Ихсан Даги подчеркивает, что «Грузия является непреложной частью всей кавказской и центральноазиатской политики Турции и центральной составляющей её претензий на роль энергетического коридора»¹¹. «С другой стороны, – добавляет он, – «Россия важна и нужна для турецкой экономики. На карту поставлена экономическая стабильность Турции»»¹².

Между Россией и Турцией чуть было не разгорелась настоящая таможенная война, когда в конце августа 2008 г. на российской границе были задержаны тысячи грузовиков. Причиной задержек послужило ужесточение таможенного режима российской стороной, последовавшее вслед за разрешением Анкары (правда, после недолгого отказа) на проход через Проливы в Черное море американским военным кораблям. С точки зрения турецких обозревателей, новые ограничения были четким предупреждением Анкаре не принимать ошибочную сторону в грузинском конфликте¹³. В свою очередь Анкара поспешила опровергнуть заявление госминистра правительства Турции К. Тюзмена, который призвал к аналогичным ответным шагам в отношении российских товаров.

Продемонстрированное Москвой и Анкарой нежелание раздувать таможенный конфликт свидетельствует о том, что Россия и Турция не были заинтересованы в обострении двусторонних отношений. Москва на фоне критики со стороны Евросоюза и США и под угрозой введения санкций из-за событий в Грузии явно смягчила свою позицию и стремилась продемонстрировать максимальное дружелюбие, чтобы не оказаться в изоляции. У Анкары, в свою очередь, слишком много в России бизнес-интересов, что также заставляло ее оказываться от резких шагов.

Между тем турецкое руководство заняло осторожную позицию по грузинскому вопросу. Хотя публично Турция и призывала к соблюдению территориальной целостности Грузии, она воздерживается присоединяться к более жесткой риторике, которая звучит из Вашингтона и Брюсселя.

Премьер-министр Турции Эрдоган, давая оценку противостоянию США и России по кавказской проблеме и месту Турции, заявил следующее: «Сейчас после грузинских событий нас хотят подтолкнуть к одной из сторон: некоторые – к США, некоторые – к России. А между тем, одна из них – наш самый близкий союзник – США, а другая – Россия, с которой мы имеем важный торговый объем, в первую очередь в энергетической сфере. Я не позволю, чтобы Турция была полностью отодвинута к одной из сторон. Турция будет действовать, исходя исключительно из национальных интересов. Сейчас Россия для нас важный энергетический источник, и у нас высокий уровень развития торговли. И нельзя пренебрегать Россией, когда рассматриваются наши экономические и торговые отношения. Турция сама будет искать баланс в направлении собственных интересов»¹⁴.

Преобладающее мнение турецкой элиты озвучил турецкий политолог А. Биранд. Он писал следующее: «Грузия – это страна, которая завоевала сердце турецкого общества. Но и Россия стала одним из главных элементов нашей повседневной жизни. Из потребляемого нами природного газа 65% приходит из России. И если наши дома отапливаются, заводы работают – все это благодаря российскому газу.

В Россию мы осуществляем ежегодно экспорт на 10 млрд долларов. У турецких подрядчиков в России имеются проекты на миллиарды долларов.

Каждый год в Турцию приезжают сотни тысяч российских туристов, которые оставляют здесь миллионы долларов.

Таким образом, Россия для нас важный рынок, которым нельзя пренебрегать.

Но это не все.

Россия сейчас действительно гигант, находящийся рядом с нами. Этот гигант закончил переходный период после распа-

да СССР и начал действовать по возвращению прежних позиций в мире.

Другими словами, закончился период однополярного правления США. В мире Вашингтон больше не единственный хозяин. Москва, по крайней мере на Кавказе, начала движение к двухполярному миру.

Анкара, таким образом, по мнению Биранда, оказалась между двумя составляющими.

С точки зрения здравого смысла и долгосрочных интересов, не может быть и речи о том, чтобы Турция повернулась к России спиной. То-есть, мы должны искать пути, чтобы жить в мире и дружбе с этим гигантом.

Но мы не можем повернуться спиной и к Грузии. Мы не можем отдалиться от грузинского фронта, который поддерживают США и ЕС.

Будет нелегко, иногда мы будем переживать кризисы, но в конечном итоге найдем выход»¹⁵.

Тема создания «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе», предложенная Турцией в Москве, обсуждалась также весьма активно во время последовавшего вскоре визита министра иностранных дел России в Турцию. Российский министр иностранных дел С. Лавров в итоговой пресс-конференции со своим турецким коллегой А. Бабаджаном отметил следующее: «Мы подтвердили обоюдную заинтересованность в наращивании двустороннего и многостороннего диалога по всем аспектам закавказской проблематики. Ценим стремление Турции продвигать этот процесс, именно в этом контексте обсуждали предложение Анкары о создании «Платформы стабильности» и сотрудничества на Кавказе. Расцениваем эту идею позитивно, поддерживаем стремление выработать механизмы для ограничения конфликтного потенциала региона, повышения уровня его стабильности. Разумеется, на данном этапе необходимо создать соответствующие условия для этого, включая ликвидацию последствий агрессии против Южной Осетии. Но мы абсолютно согласны с нашими турецкими партнерами, что основу для такого взаимодействия можно и нужно закладывать уже сейчас. Мы договори-

лись продолжать консультации на уровне министров, на уровне наших заместителей, экспертов в целях наполнения этой инициативы конкретным содержанием»¹⁶.

По итогам визита министр иностранных дел Армении Э. Налбандян заявил о готовности установления дипотношений с Турцией без выдвижения предварительных условий, открывая путь к нормализации связей двух стран. Такой подход диктует обстановка, складывающаяся в этом регионе.

В ходе встречи президент Армении С. Саргсян высоко оценил предложение Анкары по созданию «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». Нормализация отношений соответствует интересам Еревана и Анкары. Война в Грузии продемонстрировала хрупкость связей Еревана с миром и одновременно слабость ставки только на одну транзитную страну. Если же в них участвовала бы Армения, экспорт углеводородов на Запад не прекратился бы ни на минуту. Ведь через Армению в Турцию могли бы быть построены страховочные ответвления транзитных газо-и нефтепроводов.

По подсчетам экономических экспертов, из-за закрытости границы и непрямого грузооборота с Турцией Армения ежегодно несет убытки в 300–400 млн долларов. Выступая на ежегодном совещании послов, С. Саргсян подчеркнул, что «не забывая прошлое, мы должны смотреть в будущее, формировать повестку дня, представляющую обоюдный интерес, и начать контакты без предварительных условий».

Таким образом, на Кавказе начиналась новая геополитическая игра, которая может изменить не только политические векторы, но создать центр силы, а единые интересы могут преодолеть противоречия, даже многовековые.

В результате «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» (ПССК) начала работу как форум для неформального диалога государств региона по общим для них проблемам. Первая экспертная встреча прошла на уровне заместителей министров иностранных дел России, Азербайджана и Турции и директоров департаментов МИД Армении и Грузии в Хельсинки на полях ОБСЕ 4 декабря 2008 г. Вторая (от всех стран присут-

ствовали заместители министров) – в Стамбуле 26 января 2009 г. Обсуждение перспектив ПССК выявило разногласия. Стороны согласились, что нет условий преждевременно институционализировать Платформу.

Очередная встреча на уровне замминистров иностранных дел прошла в Стамбуле 20 апреля 2009 г. Турецкая сторона попыталась придать дополнительный импульс ПССК и предложила провести встречу на высшем уровне. Но это предложение не было принято. К весне 2009 г. оформились позиции сторон по отношению к ПССК. Россия сохраняла положительное отношение к ПССК, но вряд ли могла поддержать все турецкие предложения по конкретным механизмам работы. При этом для России был важен региональный формат работы по сложным кавказским вопросам. Грузия же увидела для себя возможность постепенно «интернационализировать» в рамках Платформы проблему Абхазии и Южной Осетии. Грузинская сторона настаивала на привлечении к работе Платформы внешних сил. В Армении быстро прошел первоначальный интерес к работе Платформы, поскольку Ереван не увидел для себя реальных выгод от участия. Армянская сторона, сославшись на «большую занятость» МИДа республики, не приняла участия в пятисторонних консультациях в Стамбуле. Азербайджан, чью первоначальную реакцию можно назвать «позитивной, но сдержанной», все больше смещался в сторону сдержанности.

На апрельской встрече 2009 г. в Стамбуле представители стран-участниц ПССК пришли к выводу о нереалистичности в условиях существования межгосударственных противоречий в регионе проведения по предложению турецкой стороны встречи в формате ПССК на высшем уровне и возможности скорой активизации практической деятельности ПССК.

После этого работа ПССК перешла в пассивный режим. Турецкая сторона сделала попытку активизировать ПССК в 2010 г. и провести 1 февраля очередное заседание. Но к тому времени уже «буксовал» процесс нормализации между Турцией и Арменией.

Турецкая сторона не отказывается от инициативы ПССК. Однако работы в новом формате не ведутся с 2009 г. Вместе с тем

в двусторонних контактах со своими партнерами Анкара постоянно обсуждает возможность возобновления инициативы ПССК при создании благоприятных условий.

После августовской войны 2008 г. Турция приложила немало усилий по активизации своей политики на Южном Кавказе. Начались контакты с Арменией, когда Анкара направила приветственное послание Саргсяну в связи с избранием его президентом. В свою очередь Саргсян, заинтересованный в налаживании отношений с Турцией, дал положительный ответ и пригласил турецкого президента Гюля на матч между турецкой и армянской командами. Гюль принял предложение и стал первым турецким президентом, посетившим Армению. Таким образом началась «футбольная дипломатия». В ходе трехчасового пребывания Гюля в Армении президенты заявили, что «готовы приложить совместные усилия для формирования благоприятного климата по устранению проблем между двумя странами»¹⁷. 14 октября 2009 г. по приглашению турецкой стороны состоялся визит армянского президента в Турцию, где прошел ответный матч между футбольными командами двух стран. Это событие, наряду с тем, что обеспечило возможность политических контактов на высшем уровне, было важно с точки зрения первого визита в Турцию президента Армении после завоевания ею независимости¹⁸.

10 октября 2009 г. в Цюрихе состоялась церемония подписания министром иностранных дел Турции А. Давутоглу и Армении Э. Налбандяном протоколов об установлении дипломатических отношений и о развитии двусторонних отношений между Турцией и Арменией. В церемонии приняли участие министр иностранных дел РФ С. Лавров, госсекретарь США Х. Клинтон, главы МИД Франции и Словении, а также комиссар по вопросам внешней политики и безопасности ЕС Х. Солана. Это стало результатом неофициальных встреч представителей МИД'ов Армении и Турции весной 2009 г. при посредничестве швейцарской стороны.

С самого начала было ясно, что у этих соглашений будет непростая судьба. Например, на самой церемонии стороны решили

не делать публичных выступлений, т. к. они неминуемо проявили бы существовавшие противоречия в интерпретациях сторон. Турецкая сторона считала необходимым реализовывать протоколы после общих усилий «по нормализации обстановки в регионе в целом», армянская сторона воспринимала это как отсылку к нагорно-карабахскому урегулированию и настаивала на отсутствии каких-либо предварительных условий. Поэтому церемония ограничилась лишь кратким выступлением министра иностранных дел Швейцарии¹⁹.

21 октября 2009 г. А. Давутоглу представил цюрихские протоколы в турецкий парламент (ВНСТ). При этом в своей вступительной речи в парламенте подчеркнул, «что не видит процесс решения без связи с проблемами Азербайджана и Нагорного Карабаха»²⁰. Представители оппозиционных партий ВНСТ подчеркнули, что до тех пор, пока Армения не изменит своей позиции в отношении территориальной целостности Турции и не закончится оккупация азербайджанских земель, они выступают против установления дипломатических отношений с Арменией и открытия границ²¹.

В Армении вокруг подписанных документов развернулась жесткая внутривластная борьба. 12 февраля 2010 года состоялась формальная процедура передачи протоколов на рассмотрение Национального собрания Армении. 25 февраля Национальное собрание внесло соответствующие нормам международного права изменения в закон республики «О международных договорах», которые регламентируют право армянской стороны в любое время до вступления в силу подписанного ею договора не становиться его участником и де-юре закрепили за руководством Армении право отзыва своей подписи под цюрихскими протоколами.

Подписание цюрихских протоколов вызвало негативную реакцию Азербайджана, который настойчиво дал понять, что ни о какой нормализации отношений не может идти и речи до тех пор, пока нагорно-карабахский вопрос останется нерешенным. Азербайджан грозился поднять цену на нефть и газ, экспортируемый в Турцию, и протянул руку России, чтобы показать Анкаре, что в него есть и другие варианты²².

Осенью 2009 г. в азербайджанской столице дело дошло даже до сожжения государственных символов Турецкой Республики. А министр иностранных дел Азербайджана заявил: «Нормализация отношений между Арменией и Турцией до разрешения нагорно-карабахского конфликта противоречит национальным интересам Азербайджана и бросает тень на братские отношения между Турцией и Азербайджаном»²³.

Анкаре удалось разрулить ситуацию, правительство Эрдогана дало задний ход в вопросе нормализации отношений с Арменией, но вместе с тем выдвинуло азербайджанским властям свои настоятельные пожелания. Суть их сводилась к тому, что Баку должен оставаться в орбите определяющего влияния Турции, не присоединяясь ни к каким евроатлантическим или евразийским интеграционным объединениям²⁴.

Таким образом, несмотря на все предпринятые усилия, по результатам на конец 2011 г. не произошло никаких подвижек по вопросу протоколов, а официальные турецко-армянские отношения стали еще более напряженными, чем до рассмотрения протоколов²⁵.

В феврале 2015 г. президент Армении С. Саргсян обратился к спикеру парламента Г. Саакяну с письмом, проинформировать о своем решении отозвать армяно-турецкие протоколы из парламента. В письме президента Армении говорится: «Прошло около 6 лет с момента подписания протоколов. Однако нужно констатировать полное отсутствие политической воли у властей Турции, искажение буквы и духа протоколов и продолжительное выдвижение предусловий». Исходя из этого, отмечает Саргсян, он принял решение об отзыве из Национального собрания протоколов «Об установлении дипломатических отношений между Арменией и Турцией» и «О развитии отношений между Арменией и Турцией», подписанных 10 октября 2009 г. в Цюрихе²⁶.

1 марта 2018 г. президент Армении подписал указ об аннулировании армяно-турецких протоколов. По его словам, Турция грубо нарушила взятые на себя обязательства и отказалась ратифицировать подписанные в Цюрихе протоколы, связав процесс армяно-турецкой нормализации с урегулированием нагорно-карабахского конфликта²⁷.

На протяжении 2010 г. предпринимались усилия, чтобы преодолеть застой в турецко-азербайджанских отношениях, порожденный подписанием цюрихских соглашений и вновь создать благоприятную атмосферу в двусторонних связях. В результате визитов на высшем уровне в июне 2010 г. было заключено двустороннее соглашение, призванное снять проблемы в отношении цен на нефть и газ, а в августе 2010 г. между президентом И. Алиевым и президентом Турции А. Гюлем был подписан «Договор о стратегическом сотрудничестве и взаимной помощи». Соглашение подтверждает курс на развитие всестороннего сотрудничества между двумя странами, налаживание масштабного, многоуровневого взаимодействия.

Процессы евроатлантической и евразийской интеграции обошли Азербайджан стороной. В республике это называют политикой «гибких альянсов», соблюдения дистанции от иных, помимо турецких центров силы. Крупным проектом стал нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, открытый в июле 2006 г. В конце 2006 г. был введен в эксплуатацию газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум, газовые поставки по которому начаты летом 2007 г. Фактически все, что добывается на азербайджанских месторождениях, направляется транзитом через Грузию в Турцию для дальнейшего распределения между конечными потребителями. Турция отчасти сумела стать крупнейшим энергетическим хабом на пути из региона Центральной Азии и Каспия в Европе. Только по нефтепроводу Баку – Тбилиси – Джейхан с начала его эксплуатации в середине 2006 г. до 1 июля 2014 г. в турецкий средиземноморский порт было доставлено без малого 250 млн тонн углеводородов²⁸.

Часть получаемых Азербайджаном доходов от нефтяного экспорта возвращается в Турцию в виде капиталовложений. Среди инвестиционных проектов азербайджанских компаний в Турции выделяется строительство нефтеперерабатывающего завода в Измире. Объем капиталовложений в проект, где контрольный пакет принадлежит дочерней структуре Госнефтекомпании Азербайджан (SOCAR Turkey Energi) и госнефтефонду Азербайджана (State Oil Fund of Azerbaijan) оценивается в 5,7 млрд дол-

ларов²⁹. По прогнозам турецких аналитиков, азербайджанские инвестиции в энергетический сектор Турции к 2018 г. составят около 15 млрд долларов, в то время как инвестиции самих турецких компаний не превысят 3 млрд долларов³⁰.

Кризис по ценам на природный газ, как указывалось, стало возможно преодолеть только соглашением, подписанном в июне 2010 г. в ходе переговоров в Стамбуле на Конференции по сотрудничеству и росту мер доверия в Азии между президентом Алиевым и премьер-министром Эрдоганом. Наряду с упорядочиванием цен, между лидерами двух стран было подписано соглашение о строительстве нового газопровода по поставкам азербайджанского газа с месторождения Шахдениз³¹. А 26 декабря 2011 г. стороны договорились о начале строительства TANAP. И на первом этапе этот газопровод будет сооружаться при участии азербайджанской нефтяной компании (SOCAR) и турецкой (ТРАО), причем в дальнейшем предусматривалось участие в проекте других международных нефтяных и газовых компаний и консорциумов³².

В рассматриваемый период развиваются и военные связи Азербайджана и Турции. Основы турецко-азербайджанских отношений прослеживаются с первых лет независимости. В 1992 г. два государства подписали соглашение об установлении связей в военном образовании.

А после неудачи в попытке восстановить отношения с Арменией Турция, чтобы снова убедить Баку в важности двусторонних отношений, установила стратегическое партнерство с Азербайджаном в декабре 2010 г. Договор, состоявший из 23 статей и 5 глав, гарантировал взаимную поддержку в случае, если одна из сторон становилась предметом «военного нападения или агрессии». После установления стратегического партнерства произошел значительный рост в сотрудничестве между Турцией и Азербайджаном в двух сферах: производство и продажа оружия и военные учения. В 2011 году странами был подписан договор о совместном производстве реактивной артиллерии калибра 107 мм и 122 мм. Спустя год турецкая корпорация механической и химической промышленности продала Азербайджану боеприпасы стоимостью более 600 000 долларов³³.

Проводились и совместные военные учения между Азербайджаном и Турцией. В 2011 и 2012 гг. вооруженные силы двух стран провели антитеррористические и тактические учения в Турции. Стороны договорились проводить такие учения на ежегодной основе. 1–5 мая 2017 г. азербайджано-турецкие военные учения прошли на военном полигоне в одном из районов на востоке Азербайджана.

По мнению руководителя общественного объединения «Военные журналисты» У. Джафарова (Баку), азербайджано-турецкие учения имеют важное значение для вооруженных сил Азербайджана. «Турецкая армия является одной из передовых среди ВС стран НАТО. У нас есть чему поучиться у турецких военных. Налаживание оперативной совместимости с ними очень важно и для развития сотрудничества с армиями других стран НАТО»³⁴.

Вместе с тем Джафаров не считает, что усиление азербайджано-турецкого военного сотрудничества будет способствовать повышению рисков эскалации конфликтов вокруг Нагорного Карабаха. «Напротив, это будет играть сдерживающую роль. Всем, в первую очередь Армении, станет понятно, что политически закрепить результаты, достигнутые в ходе предыдущей войны, невозможно и затягивание переговоров бессмысленно», – подчеркнул военный эксперт.

Руководитель российского Центра военного прогнозирования А. Цыганок (Москва) считает, что совместные военные учения двух соседних стран не являются неожиданностью для России. «Турция и Азербайджан – союзники, и они вправе проводить совместные военные учения. Но, с другой стороны, Турция – член НАТО, и Россия, конечно же, внимательно отслеживает ее действия. В Армении дислоцирована российская база, Москва и Ереван являются членами ОДКБ, и я не исключаю, что две страны обсуждают проведение этих учений между Баку и Анкарой. Кроме того, если эти учения предназначены для устранения Армении, то они к желаемому эффекту не приведут», – сказал российский эксперт³⁵.

С ним согласен и российский востоковед А. Малащенко. Понятно, что в конфликте с армянами турки будут поддерживать

азербайджанцев. Чего они и не скрывают. Для Азербайджана эти учения – демонстрация тюркской солидарности и показатель того, что он не пешка в руках России, а ведет свою политику. Для Турции это участие важно в рамках той многомерной игры, которую она ведет на нескольких фронтах.

Малашенко подчеркнул также, что никакого реального воздействия на урегулирование конфликта учения не окажут. «Здесь поезд ушел. Карабахский конфликт – это надолго, этот конфликт будет продолжаться», – заключил российский ученый³⁶.

Негативные последствия таких событий, как российско-грузинская война 2008 г. и неудача в процессе нормализации турецко-армянских отношений, начиная с 2010 г. начали смягчаться и в результате двусторонних визитов, отношения между Турцией, Азербайджаном и Грузией в регионе возвращались к прежнему сотрудничеству. В ходе визита в Азербайджан президента Турции А. Гюля 16–17 августа 2010 г. было подписано Соглашение о стратегическом сотрудничестве и взаимной помощи, и на повестку дня двух государств вновь была поставлена солидарность двух государств. Было вновь подчеркнуто, что приоритетом для Турции является решение проблемы Нагорного Карабаха в территориальной целостности Азербайджана и прекращение оккупации армянских территорий³⁷.

Начиная с 2012 г. стало проявляться трехстороннее сотрудничество Азербайджана – Грузии – Турции, в основе которого определились вопросы экономики, торговли и безопасности. Механизм этого взаимодействия был выработан на встрече министров иностранных дел трех стран 8 июня 2012 г. в Трабзоне. В трабзонской декларации, подписанной министром иностранных дел Турции А. Давутоглу, министром иностранных дел Азербайджана Э. Мамедъяровым и министром иностранных дел Грузии Г. Вашадзе, подчеркивалась решимость развивать сотрудничество в вопросах политики, экономики, культуры и инфраструктуры и прямых капиталовложениях. Особую роль в развитии политического диалога играют нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум и проект железной дороги Баку – Тбилиси – Карс. Следующая встреча министров иностранных дел трех стран прошла 28 марта 2013 г. в Батуми.

27 октября 2013 г. в Грузии после истечения двух сроков М. Саакашвили президентом был избран Г. Маргвелашвили. Некоторые эксперты считали, что вновь избранный президент пересмотрит политику своего предшественника, и это может нанести определенный вред трехстороннему союзу Азербайджан – Грузия – Турция. Однако Маргвелашвили осуществил свой первый зарубежный визит в Турцию, а второй – в Азербайджан³⁸. Третий саммит министров иностранных дел Турции, Азербайджана и Грузии прошел в азербайджанском городе Гяндже.

В Гяндже было принято решение о проведении саммита президентов трех стран, которое вскоре прошло в Тбилиси (6 мая 2014 г.). На саммите вновь была подтверждена решимость продолжать трехстороннее стратегическое сотрудничество³⁹. На четвертой встрече в Карсе 10 декабря 2014 г. министры иностранных дел выразили общее удовлетворение уровнем достигнутых отношений, и вновь подтвердили наличие стратегического партнерства по экономическим и политическим вопросам. Новым и конкретным проектом в Карской декларации стал вопрос проекта Трансанатолийского трубопровода (TANAP). Последняя трехсторонняя встреча министров иностранных дел состоялась в Тбилиси 19 февраля 2015 г. На встрече была подчеркнута решимость развивать отношения в области обороны, экономики, транспорта. В заявлениях участников указывалось, что «тройственный союз не закрыт для сотрудничества с государствами региона. Так Турция и Азербайджан подчеркивали, что они не против участия России и Ирана, а Грузия подчеркивала возможность участия Армении»⁴⁰.

В мае 2017 г. в Батуми состоялась встреча министров обороны Грузии, Азербайджана и Турции, в ходе которой стороны высказались за расширение масштаба совместных учений и обсудили вопросы, связанные с безопасностью в регионе. Министр обороны Турции Ф. Ышик на пресс-конференции по окончании заседания заявил следующее: «Мы продемонстрировали всю стратегическую важность отношений, основанных на исторической близости между Турцией, Азербайджаном и Грузией. И наше сотрудничество, которое мы демонстрируем по региональным вопросам, формирует пример всему миру»⁴¹.

В конце мая 2017 г. в Тбилиси с однодневным визитом побывал премьер-министр Турции Б. Йылдырым. Официальным поводом визита стал четвертьвековая годовщина установления дипломатических отношений между двумя странами: премьер Грузии Георгий Квирикашвили особо подчеркнул, что Турция «одной из первых признала независимость Грузии в 1992 году». Он также поблагодарил гостя за «неизменную поддержку суверенитета и территориальной целостности Грузии» и помощь в процессе сближения Грузии с НАТО. В свою очередь, Бинали Йылдырым отметил, что в Турции «высоко ценят однозначную поддержку Грузией конституционной власти во время прошлогодней попытки госпереворота». По итогам переговоров стороны договорились создать Совместную комиссию по экономическим и торговым вопросам (JETCO). Соответствующий договор главы правительств подписали сразу после заседания «Стратегического совета».

В ходе пресс-конференции председатели правительств говорили и о планах развивать трехсторонний формат сотрудничества между Турцией, Грузией и Азербайджаном. В том числе в сфере обороны и безопасности. Примечательно, что визиту турецкого премьера предшествовали переговоры в Тбилиси министров обороны Турции, Грузии и Азербайджана, где тема «трехстороннего союза была преобладающей». Как сообщил доктор военных наук Вахтанг Маисая, «Президент Азербайджана Ильхам Алиев давно предлагает Азербайджану и Турции такой союз в формате оси Баку – Тбилиси – Анкара». По словам господина Маисая, суть этих «геополитических маневров» состоит в том, что в условиях постепенного «разогревания» нагорно-карабахского конфликта Анкара и Баку, с одной стороны, и Ереван – с другой, «пытаются перетянуть Грузию на свою сторону либо добиться максимально выгодной позиции Тбилиси на случай возобновления полномасштабной войны между Азербайджаном и Арменией»⁴².

Вместе с тем следует подчеркнуть, что три страны не имеют никаких обязательств по взаимодействию на оперативном уровне. И также нет еще пока оснований утверждать об азербайджано-турецко-грузинских отношениях в категориях

оформленного стратегического военно-политического союза с четкими целями и обязательствами сторон, тем более пытаться продемонстрировать их уровень выше, чем ныне закреплённое «стратегическое партнерство».

В целом за 25 лет развития государства Южного Кавказа выбрали различные пути развития, возникла ясность по векторам внешнеполитической направленности. Грузия сделала ставку на евроатлантическую интеграцию как в экономическом, так и военно-политическом формате. Смена правящей элиты не внесла коррективы во внешнеполитические приоритеты. Президентство Трампа в США не сулит пока перспективы полноправного членства Грузии в НАТО, однако взаимодействие с блоком будет углубляться. Армения пошла путем интеграции в проекты с участием России: Таможенный Союз и Евразийское экономическое сотрудничество в экономическом поле, ОДКБ (Организация договора о коллективной безопасности) в военно-политическом.

Азербайджан в силу собственных причин отказался подписывать Ассоциативное соглашение с ЕС, заменив его в ближайшей перспективе партнерским договором. Наряду с этим Азербайджан стремится нарастить экспорт ненефтяной продукции, и главными торговыми партнерами выступают государства СНГ, Центральной Азии, Китай, Пакистан и арабские страны. Вступление республики в 2011 г. в ряды Движения Неприсоединения поставило точку в спекуляциях о членстве в НАТО⁴³.

Если посмотреть на картину отношений стран треугольника (Россия – Турция – Иран) с государствами Южного Кавказа, то картина здесь будет достаточно пестрой. Россия имеет дружественные партнерские отношения с Арменией, осуществляет взаимовыгодное разноплановое сотрудничество и политические контакты на высшем уровне с Азербайджаном, стремится внести полезный вклад в решение нагорно-карабахской проблемы. В то же время из-за известных событий и линии руководства Грузии российско-грузинские отношения находятся в определенном кризисе.

Турция, в свою очередь, имеет дружественные, партнерские отношения с Азербайджаном, в целом неплохие отношения с

Грузией, стремится внести свой вклад в урегулирование региональных конфликтов в регионе в рамках Платформы стабильности и сотрудничества. С третьей страной региона – Арменией – отношения Турции пока не налажены, препятствием является ее линия на поддержку позиции Азербайджана по Нагорному Карабаху.

Что касается Ирана, то у него нет особо резких перепадов в отношениях со странами Южного Кавказа. Ирано-азербайджанские отношения имели много взлетов и падений. Вместе с тем, в последнее время между Ираном и Азербайджаном начали развиваться некоторые крупные проекты. Одним из таких проектов является транспортный коридор Север-Юг, который может предоставить много возможностей как для Азербайджана, так и Ирана стать транзитными путями между Европой и Индией.

Наиболее дружественные отношения Иран поддерживает с Арменией. Между двумя странами развиваются проекты, которые важны не только с точки зрения двусторонних отношений и экономики двух стран, но и нацелены на укрепление их позиций в регионе⁴⁴.

Отношения Ирана с Грузией развивались достаточно сложно и неоднозначно. Основным препятствием был прозападный курс Саакашвили, когда Грузия выступала в поддержку военных действий США на Ближнем Востоке. Вашингтон, в свою очередь, также предупреждал Тбилиси не слишком сближаться с Тегераном⁴⁵.

Новым важным трендом развития событий в регионе стало формирование треугольника Москва – Баку – Тегеран, который президент Азербайджана И. Алиев назвал «фактом мировой, глобальной политики», а не региональным или транспортным форматом. По его словам, новый формат – «это серьезная внешнеполитическая, геополитическая инициатива и уже реальность», все его стороны будут делать все необходимое для «насыщения» нового треугольника⁴⁶. Так в августе 2016 г. в Баку по инициативе азербайджанской стороны состоялся первый трехсторонний саммит президентов России, Ирана и Азербайджана. Благодаря достигнутым договоренностям, зафиксированным в Бакинской де-

кларации, между странами активизировалось сотрудничество по совместной борьбе с терроризмом и развитию перспективных экономических проектов. Например, таких как реализация Международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг»⁴⁷.

На протяжении 2017 г. состоялись взаимные визиты и двусторонние встречи лидеров трех стран, на которых были приняты важные межгосударственные документы и проанализированы высокие показатели сотрудничества в торгово-экономической, энергетической и транспортной сферах, а также в военной и политической областях. В ходе визита в Тегеран президента России В. Путина и президента Азербайджана И. Алиева 1 ноября 2017 г. был проведен второй трехсторонний саммит президентов России, Ирана и Азербайджана. В иранской столице главы трех государств обсудили создание зеленого таможенного коридора между странами и развитие транзита по системе «Север–Юг» из Ирана в Северную и Восточную Европу через Азербайджан и РФ. По итогам саммита была подписана декларация о необходимости скорейшей реализации проекта строительства железной дороги из иранского Решта в азербайджанскую Астару⁴⁸.

По словам российского лидера трехсторонний формат общения является востребованным. Путин предложил несколько направлений сотрудничества, а также пригласил участников встречи в следующий раз приехать в Россию. Российский президент подчеркнул, что «встречи в таком формате позволяют координировать позиции по наиболее острым вопросам региональной и международной повестки дня, вести конструктивный поиск решения общих проблем в области безопасности, борьбы с международным терроризмом, развивать взаимодействие в области торговых, экономических связей, культурно-гуманитарной сфере»⁴⁹.

Исходя из изложенного, можно прийти к следующему резюме: пестрота и неоднозначность отношений стран Южного Кавказа между собой и с тремя ключевым игроками данного региона – Турцией, Россией и Ираном – пока создают известные трудности на пути превращения Южного Кавказа в зону стабильности и сотрудничества.

Что касается турецкой политики на Южном Кавказе, сейчас очевидно следующее: геополитические амбиции такого реги-

онального игрока как Турция могут повышаться, либо понижаться, но вряд ли ей удастся самостоятельно установить в регионе какой-либо свой порядок в силу отсутствия, как показал опыт «арабской весны», необходимого для «большой игры» политического авторитета.

Примечания

¹ Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul 2013, s. 463.

² Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul 2013, s. 480.

³ Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul 2013, s. 481.

⁴ Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul 2013, s. 493.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid, s. 496.

⁷ www.diplomat.am/load/public/1/5-1-0-783. Политика "мягкой силы" Турции в отношении Грузии.

⁸ Ibid.

⁹ "Международная реакция на кавказские события в августе 2008 г.". ИВ РАН, М., 2008, стр. 96.

¹⁰ "Международная реакция на кавказские события в августе 2008 г.". М., ИВ РАН, 2008, стр. 93.

¹¹ Eurasianet, 11.09.2008.

¹² Ibid.

¹³ Cumhuriyet, 2.09.2008.

¹⁴ Milliyet, 02.09.2008.

¹⁵ Milliyet, 03.09.2008.

¹⁶ Zaman gazetesi, 02.09.2008.

¹⁷ Milliyet. 07.09.2009.

¹⁸ Zaman. 14.10.2009.

¹⁹ Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul 2013, s. 502.

²⁰ Hürriyet. 21.10.2009.

²¹ Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul 2013, s. 504.

²² Stratford.net/analytics/geopolitics/azerbaydzan-i-turtsiya-razvivayut-voennic-svyzi.

²³ <https://www.meydan.tv/en/site/politics/22943>.

Turkey's Referendum and Turkish-Azerbaijani Relations.

²⁴ Ibid.

²⁵ Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul 2013, s. 464.

²⁶ arminfo.info/full. <http://ira-news.com/ru>. 16 февраля 2015 г

²⁷ <https://ru.armeniasputnik.am/trend/Armenian-Turks-Zurich-Protocols>.

²⁸ <https://www.turkishnews.com/ru/content/2014/07/21/азербайджано-турецкие-отношения-рос>.

²⁹ <https://www.meydan.tv/en/site/politics/22943>.

Turkey' Referendum and Turkish Azerbaijan Relation.

³⁰ Ibid.

³¹ Hürriyet. 8.6.2010.

³² Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul 2013, s. 483.

³³ stratfor.net/analytics/geopolitics/azerbaydzhan-i-turtsiya-razvivayut-voenniye-svyazi.

³⁴ <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/10/turecko-azerbaydzhanskie-uchniya-komu-ugrozhaet-igra-muskulami>.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ www.khas.edu.tr/cms/cus/dosyalar/feles/azerbaycan-Gurcistan-Turkiye-bolgesel-isbirliginin-basari-ornegi.

³⁸ Cavid veliev. "From Alliance to Integration: the Turkey – Azerbaijan – Georgia Triangle". "Eurasia Daily Monitor". 11 Mart 2014.

³⁹ Türkiye-Azerbaycan-Gurcistan Uclu Zirvesi Tifles'te gercekleştirildi Mfa.gov.tr.

⁴⁰ Policy Brief, CIES (Center for International and European Studies). March 2015.03.

⁴¹ <https://www.haber.com/turkiye-gurcistan-azerbaycan-uclu-savunma-9650154-haberi>.

⁴² Коммерсант.ru. 23.05.2017.

⁴³ www.global_affairs.ru/global/processes/poteryannyi-god-nagorno-karabakh-skogo-uregulirovaniya.6.04.2017

⁴⁴ Barrow, Keich. International Railway Journal. January 24, 2013.

⁴⁵ Schirte. Michael "US Warns Georgia on Continuing Deals with Iran". The New York. November 28. 2006.

⁴⁶ Moscow-baku.ru/opinions/eksperty-treugolnik-azerbaydzan-iran-rossia.

⁴⁷ www.ru/publications/news/regionalnyy-treugolnik-rossia-azerbaydzan-iran.

⁴⁸ Известия. 01.11.2017.

⁴⁹ <http://tass/politika/4695917>.

Бородина М. Ю., Рыжов И. В.*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ИСЛАМСКОГО МИРА

Турция является неотъемлемой частью исламского мира и ближневосточного региона, где сосредоточены многие исламские государства. Последние десятилетия правящая турецкая Партия Справедливости и Развития благодаря внешнеполитической концепции «ноль проблем с соседями» смогла добиться значительных успехов в укреплении статуса региональной державы и стала одним из ключевых игроков на Ближнем Востоке. Однако, актуальные изменения на Ближнем Востоке и стремительно изменяющееся политическое пространство региона не смогли не скорректировать внешнеполитический курс Турции. С одной стороны новые ближневосточные реалии дали Турции новые возможности по усилению своего влияния, однако, с другой, породили не только риск испортить отношения со странами исламского мира, но и разговоры о крахе ближневосточной политики Турции. Это обусловлено, той ролью наднациональной державы, которую взяла на себя Турецкая Республика, выступая посредником между Израилем и Палестиной, между Израилем и Сирией, между повстанцами и правительством в Ливии, между оппозицией и президентом Б. Асадом в Сирии.

Ключевые слова: Турция, исламский мир, региональное лидерство, арабская весна, Ближний Восток.

Turkey is an integral part of the Islamic world and Middle East region, where many Islamic States are concentrated. The last decades of the ruling Turkish Party of Justice and Development thanks to foreign policy of "zero problems with neighbors" was able to achieve significant progress in strengthening the

* Рыжов Игорь Валерьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики России Нижегородского государственного университета; Бородина Мария Юрьевна – ассистент кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета. E-mail: ivr@fmo.unn.ru

status of regional power, and became one of the key players in the Middle East. However, current changes in the middle East and the rapidly changing political space of the region could not adjust the foreign policy of Turkey. On the one hand the new realities of the middle East gave Turkey a new opportunity to increase their influence, however, on the other, gave rise to not only risk to spoil relations with countries of the Islamic world, but also talk about the collapse of the middle East policy of Turkey. This is due to the role of supra-regional powers, which took the Republic of Turkey, acting as a mediator between Israel and Palestine, between Israel and Syria, between rebels and the government in Libya between the opposition and President Bashar al-Assad in Syria.

Key words: *Turkey, the Islamic world, regional leadership, the Arab spring, the Middle East.*

Турция является светским государством, однако ислам является первой по значению религией в Турции. После прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития, внешняя политика Турецкой Республики стала смещаться в сторону более глубокого взаимодействия со странами исламского мира.

Следует отметить некую неоднородность и противоречивость исламского мира, поскольку исламские государства различны по экономическому развитию, политическим системам и даже по внешнеполитическим приоритетам. Более того, в силу существования двух крупных течений – суннизма и шиизма, главное различие которых кроется в отношении к сунне и истории первых халифов, нельзя говорить о едином религиозном течении Ислам.

Между странами исламского мира существуют глубочайшие различия в политических системах, в политической культуре, в значимости роли религии в обществе, в правовых нормах и институтах (от господства шариата до преобладания либеральных норм западного образца). Чрезвычайное многообразие этнических групп, населяющих мусульманские страны, предопределяет наличие у них взаимоисключающих целей. Соперничество, нерешенность ряда межгосударственных проблем, внутренние кризисы, вызванные сложившимися этностатусными структурами и несогласием по поводу разделения властных полномочий между ними, выплескиваются во вспыхивающие время от времени между исламскими го-

сударствами конфликты¹. В последние годы исламский мир стал еще более разобщенным из-за череды арабских революций, охвативших многие ближневосточные государства.

Существующие противоречия между исламскими государствами, с одной стороны, завуалированы и могут находиться в скрытом состоянии при возникновении внешних угроз. С другой – они могут серьезно сказываться на внутренних взаимоотношениях между странами и приводить к затягиванию процесса поиска взаимоприемлемого решения.

Сегодня на лидерство в исламском мире могут претендовать такие государства как Турция, Саудовская Аравия, Иран, Пакистан. Кроме того, после распада Османской империи на процессы на Ближнем Востоке стали оказывать влияние некоторые вне-региональные акторы, борющиеся за передел мира. В различные исторические отрезки времени регион разрывали великие державы Европы (австро-германский блок и страны Антанты), победители Первой мировой войны (Англия и Франция), капиталистический (во главе с США) и социалистический (СССР) миры. Используя различные рычаги воздействия, они создавали своих сателлитов, стремясь тем самым обеспечить влияние в регионе и создать такую расстановку сил, которая отвечала бы их интересам.

Османская империя была последним крупным образованием, объединявшим значительную часть исламского мира. Её падение привело к исчезновению лидирующего исламского государства. Турция стала вырабатывать другие идеологические рычаги воздействия на них, одним из которых стал пантюркизм. Особенно активизировалась Турция на этом направлении после распада СССР, в результате которого возникло несколько независимых тюркских государств.

Турция – давний член НАТО, сильнейшее в военном отношении государство Юго-Западной Азии и одно из сильнейших – в исламском мире. Её экономика, давно интегрированная в мировую, обладает отчётливым динамизмом и современной структурой. Это самая модернизированная страна исламского мира, имеющая благодаря этому большой потенциал лидерства².

Говоря о реальных и потенциальных возможностях Турецкой Республики оказывать существенное влияние на расстановку сил в исламском мире, следует отметить несколько аспектов. Прежде всего, внутривнутриполитическую ситуацию в стране, характеризующуюся двумя противоречащими тенденциями: дальнейшими шагами по построению светского государства и возрастающей ролью ислама, прежде всего в социальной и экономической сфере. Формирование внешнеполитического курса составляет сегодня еще более сложную задачу, заключающуюся в выборе между вестернизацией, неоосманизмом или попыткой создать некое подобие идеологии «просвещённого исламизма», и должно быть рассмотрено через призму перспектив сотрудничества и конфликтного потенциала исламского мира, а также вмешательства внерегиональных сил.

Исламский фактор во внутренней политике турецкого государства

ВВ Турции формально 98% населения исповедуют ислам. После распада Османской империи в государственной идеологии Турции закрепились принципы национализма (или тюркизма) и лаицизма³.

Следует отметить, что становление закрепленных в ныне действующей Конституции Турецкой Республики положений, касающихся лаицистского характера государства, имеет длительную и весьма сложную историю. Ее начало связано с интенсификацией деятельности националистических сил во главе с Мустафой Кемалем, направленных на защиту независимости страны после подписания Севрского мирного договора. Успешно маневрируя между европейскими странами, Турция в итоге добилась международного признания, единства этнографических границ и невмешательства в дела, составляющие её внутреннюю компетенцию. Перед страной встал вопрос о формировании законодательства, а также определения взаимоотношений политики и религии.

Упоминание норм шариата и признание ислама в качестве государственной религии в «Законе об основах организации» (пер-

вой Конституции Турецкой Республики) можно расценивать как оправданное. Документ, подготовленный в условиях военного противостояния с греческой армией и внутренней нестабильности, вызванной восстаниями против националистических сил, был утвержден Великим национальным собранием Турции (ВНСТ) 20 января 1921 г. и был направлен на определение государственного строя страны. Однако и Конституция 1924 г. содержала в себе статьи, закрепляющие роль религии. Не подверглась изменениям статья 2, касающаяся утверждения государственной религии. Более того, статьи 16 и 38 закрепляли основанную на шариате присягу для членов ВНСТ и президента соответственно⁴.

Уже в 1928 г. были приняты поправки к Конституции, отразившие первые существенные шаги Турецкой Республики по формированию лаицистского государства. Согласно им отменялся пункт статьи 2, касающийся государственной религии; присяга членов ВНСТ и президента была изменена на гражданскую, более не считалось, что ВНСТ претворяет в жизнь предписания шариата, о чем прежде упоминалось в статье 26.

С принятием в 1937 г. поправок к Конституции Турецкой Республики статья 2 получила новое оформление, в соответствии с которым турецкое государство определялось как «этатистское и лаицистское».

В 1960 году в результате государственного переворота в Анкаре, совершенного группой офицеров турецкой армии, было свергнуто правительство демократической партии. Президентом стал лидер «умеренного» крыла оппозиции – Дж. Гюрсель. В 1961 г. основной закон страны вновь подвергся изменениям. В него был внесен запрет об использовании религии как средства политической борьбы.

В 1980 г. в стране произошел новый переворот, в результате которого власть в Турции перешла к Совету национальной безопасности, лидеры политических партий и бывшие члены ВНСТ подверглись преследованиям и были вынуждены на длительный период отказаться от политической деятельности.

Разработанная в 1982 г. Конституция Турецкой Республики содержит положение относительно существования т. н. «не-

изменных постановлений», которые касаются республиканской формы правления (статья 1), определения государства как лаицистского, социально-правового, неотступно следующего «национализму Ататюрка» (статья 2)⁵.

Изменение роли ислама во внутривосточной жизни страны помимо Конституции отражено в ряде других документов и политических инициатив. К ним можно отнести ряд законов, принятых ВНСТ: об упразднении Халифата и низложении Халифа, о высылке членов османской династии из Турции и лишении их гражданства, об упразднении министерства по делам шариата и вакфов, об унификации просвещения (1924 г.), о закрытии всех текке, завийе и тюрбе, о запрещении выполнения обязанностей охранителей мавзолеев, о введении обязательного ношения европейского головного убора и запрещении фески (1925 г.).

Конституция и соответствующие постановления правительства используются для запрещения политических партий, подозреваемых в антилаицистских взглядах, что, в свою очередь, не может не влиять на внешнеполитический курс страны и место, занимаемое ею в регионе. В 1971 г. решением Конституционного суда была запрещена деятельность исламистской Партии национального порядка (ПНП). Та же участь постигла в 1983 г. её преемницу – Партию национального спасения (ПНС).

Более успешной была Партия благоденствия (ПБ). Лидер ПБ Н. Эрбакан, занявший на 2 года пост премьер-министра, отдавал предпочтение происламскому курсу во внешней и внутренней политике, хотя в программе правительства, отразившей позиции других парламентских партий, говорилось о сохранении курса на вступление Турции в Европейский союз, о светском характере страны, о верности военно-политическим союзам⁶. Однако и она была запрещена в 1998 г. по обвинению в попытке ввести исламское правление.

Примечательно, что поставив перед собой задачу не столько отделения политики от религии, сколько обеспечения необходимого уровня государственного контроля последней, турецкие власти все же не смогли изжить некоторых проявлений ислама, к которым относятся вакфы и тарикаты.

Вакфы сегодня занимаются деятельностью в области социального обеспечения и страхования, защиты прав женщин и детей, финансирования исламской религиозной деятельности и сохранения самобытной турецкой культуры. Важной характеристикой этого института является то, что он функционирует, исходя из социально-политического консенсуса, обретая свое право на существование благодаря поддержке, с одной стороны, властных кругов, а с другой – финансово-промышленных и религиозных групп⁷.

Весьма неоднозначную оценку, как со стороны СМИ, так и во властных кругах, имеют религиозные ордена, или тарикаты. С одной стороны, имея собственные источники финансирования, с другой – настороженные недостаточностью своего участия в сложившихся политических силах и, как следствие, возможностью в любой момент быть исключенными из них, тарикаты вступили на путь создания исламского движения в рамках легальной политической борьбы. Сначала это выражалось в поддержке различных политических партий, среди которых можно отметить Демократическую партию А. Мендереса, Партию справедливости С. Де-миреля, и завершилось созданием собственной Партии национального спасения.

В годы правления Партии отечества (1983–1991) во главе с Тургутом Озалом ислам рассматривался не в чистом виде, а был увязан с националистическими идеями в форме доктрины «исламо-тюркского синтеза». Именно тогда в стране стали появляться многочисленные религиозные фонды социального назначения, интернаты, стипендии для неимущих учащихся школ и вузов, а после распада СССР их деятельность перешагнула национальные границы⁸.

Тарикаты играют значительную роль в установлении связей с другими исламскими странами, особенно это касается финансово-промышленных кругов. Религиозные ордена Турции выполняют две функции: способствуют привлечению в страну инвестиций, тем самым укрепляя торгово-экономические связи с исламским миром, в то же время, давая импульс пробуждению происламских взглядов внутри страны.

В настоящее время правящей партией в Турции является Партия справедливости и развития, которую часто называют умеренно-исламистской. ПСР неоднократно обвинялась в отходе от принципа секуляризма, закреплённого в турецкой конституции, это привело к нескольким неудачным попыткам запрета партии⁹. ПСР, несмотря на свои исламистские корни, всячески отрицала приверженность идеям политического ислама, которые в прошлом активно продвигали ее предшественницы (Партия национального порядка, Партия национального спасения, Партия добродетели). Однако, по мере укрепления политических позиций, в идеологии партии стал прослеживаться религиозный популизм, а ее глава Р.Т. Эрдоган стал позиционировать себя в качестве лидера в исламском мире и защитника всех мусульман.

Политика Турции в отношении стран исламского мира

Одна из отличительных черт внешней политики Турции в 2000-е годы – повышенная активность на Ближнем и Среднем Востоке¹⁰. После прихода к власти в 2002 году Партии справедливости и развития Турции удалось достичь немалых успехов в укреплении статуса региональной державы. Турция смогла зарекомендовать себя как важного дипломатического актора в ближневосточном регионе, активно развивая двусторонние отношения с такими исламскими странами как Египет, Сирия, Иордания, Кувейт, Тунис, Ливия, Бахрейн и т.д. Турецкий президент А. Гюль, премьер-министр Р.Т. Эрдоган и министры его кабинета часто посещали арабские страны с целью укрепления политических и экономических отношений¹¹.

Новая региональная стратегия Турции, известная в дальнейшем как внешнеполитическая концепция «ноль проблем с соседями», получила свое обоснование в работе турецкого государственного и политического деятеля А. Давутоглу «Стратегическая глубина. Международное положение Турции», в которой он утверждал, что именно гибкая и эффективная внешняя политика на Ближнем Востоке, даст возможность Турции совершать стратегические шаги на глобальном уровне, в том числе стать

важным актором международных отношений в Средиземноморье, на Кавказе и в районе Персидского залива¹².

В дальнейшем концепция «ноль проблем с соседями» стала одним из ключевых принципов внешней политики Турции, в том числе и в регионе Ближнего Востока. Кроме данного принципа внешняя политика Турции базировалась на балансе между свободой и безопасностью, на мерах превентивной мирной дипломатии, многовекторной внешней политике, а также на активном участии Турции в международных организациях¹³.

По мнению Ахмета Давутоглу, Турция имеет большой вес на международной арене, а многие страны чутко прислушиваются к выступлениям Турции по множеству региональных и международных вопросов.

Итогом проведения политики «ноль проблем с соседями» на Ближнем Востоке стало существенное углубление экономического сотрудничества Турции с Сирией, Ираном и Ираком, Пакистаном, а также развитие межгосударственного взаимодействия по широкому спектру направлений – от безопасности и энергетики до образования и транспортного сообщения.

Отношения сотрудничества между вышеупомянутыми странами выражаются в двусторонней и многосторонней дипломатии, заключении различных договоров и соглашений, предусматривающих координацию политических линий в отношении наиболее острых региональных проблем, введения режимов благоприятствования в торговле и экономике. Взаимодействие подобного рода, разумеется, не означает ликвидации противоречий, однако делает противостояние менее стихийным и создает потенциал для посреднических усилий в случае возникновения серьезного противостояния.

Так, например, Турция была в числе стран, которые первыми признали независимость Исламской Республики Пакистан. Среди сфер, составляющих основу двусторонних отношений, в первую очередь следует отметить военно-техническое сотрудничество. Так, с 2003 года в соответствии с достигнутой договоренностью в обеих странах функционируют т.н. военные консультационные советы, которые осуществляют координацию контактов

в сфере военно-технического сотрудничества¹⁴. Одним из последних контрактов в военно-технической сфере является контракт между турецкой компанией Turkish Aerospace Industries и Министерством обороны Пакистана на поставку 40 ударных вертолетов Т-129 «АТАК» стоимостью 2 млрд. долл. США¹⁵.

Страны объединяет общая позиция по ряду ключевых международных вопросов, включая арабо-израильский конфликт, миграционный кризис в Турции, переговорный процесс между властями Кабула и вооруженной оппозицией в Афганистане, статус Кашмира, Кипрский вопрос. Страны сотрудничали в рамках блоков СЕНТО И СЕАТО, сегодня ведут совместную работу в ОИС.

О тесных взаимоотношениях двух государств свидетельствует тот факт, что одним из первых зарубежных визитов бывшего министра иностранных дел Турецкой Республики М. Чавушоглу после попытки государственного переворота стала поездка в Исламабад. В ходе, которой, Пакистан, в свою очередь, подтвердил «безоговорочную поддержку демократической, мирной и стабильной Турции под динамичным руководством президента Реджепа Тайипа Эрдогана» и поздравил граждан страны с успешной кампанией, направленной на предотвращение попытки переворота 15 июля 2016 г.¹⁶.

Примечательна роль Турции в Организации исламского сотрудничества (до 2011 г. Организация Исламская конференция). Турция занимает уникальное место в организации. Она единственная из членов входит в НАТО и единственная, которая в течение долгого времени не подписывала Устав ОИК, т. к. согласно ее конституции, Турция – это светское государство, где религия отделена ото всех политических и иного рода дел. Соответственно Турция не могла участвовать в работе органов ОИК, которые руководствовались принципами Исламского закона – шариата¹⁷.

До середины 1970-ых годов Турция была представлена на саммитах ОИК на уровне министра иностранных дел, а на исламской конференции министров иностранных дел стран-членов на уровне первого заместителя главы МИД. Следует отме-

тить, что изначально Организация Исламская конференция не имела для Турции первостепенного значения, но и не игнорировалась. Турецкая дипломатия пыталась со временем найти методы, позволяющие поставить эту организацию на службу своим политическим интересам¹⁸.

Однако вскоре отношение Турции к этой организации изменилось. В 2004 году во время форума ОИК Р.Т. Эрдоган отметил, что Турция могла бы стать «мостом» между Западом и Востоком благодаря своей исключительной географической позиции и историческому опыту. Кроме того, она могла бы стать своеобразным политическим, экономическим и культурным «буфером», а также фактором стабильности в регионе. По мнению Р.Т. Эрдогана, Турция именно та страна, которая может принести культуру «примирения и честного посредничества» странам региона¹⁹.

С 1 января 2005 года по 31 декабря 2013 года пост генерального секретаря ОИК/ОИС занимал турецкий учёный и дипломат Экмеледдин Ихсаноглу. Его эффективные действия на посту генерального секретаря способствовали повышению престижа Турции в исламском мире, расширились экономические связи Турции с членами организации, а также систематизировались шаги, направленные на защиту прав мусульман в не мусульманских странах.

Турция в свою очередь пытается использовать ОИС, обосновывая свои претензии на региональное лидерство. Примечателен в этом отношении 13-й саммит ОИС, который состоялся с 14 по 16 апреля 2016 года в Стамбуле. Президент Турции Т. Эрдоган, приняв саммит ОИС и формально возглавив эту организацию на два года, сделал в ходе своего выступления несколько важных заявлений, свидетельствующих о его практических намерениях выступить на передовые позиции в исламском мире²⁰.

После прихода к власти Партии Справедливости и Развития, Турции удалось наладить отношения с Ираком, продемонстрировав солидарность с исламским миром. В частности, в марте 2003 года Турция не допустила на свою территорию американские войска, готовившиеся к войне в Ираке, и тем самым воспрепятствовала открытию второго северного фронта в Ира-

ке²¹, что в значительной мере способствовало укреплению отношений Турции с другими странами Ближнего Востока, в том числе с Ираном и Сирией.

Такой разворот также нашел свое отражение во взаимоотношениях с Ираном, на который Анкара смотрела подозрительно с 1979 года, когда там произошла исламская революция. На вывеске, которая стоит на турецко-иранской границе с 1979 года, написано: "Турция это светское государство". Это заявление свидетельствует о неприятии Турцией теократии в соседнем Иране²².

Тем не менее, с 2004 г. объём турецкого импорта нефти и газа из Ирана постоянно увеличивался, обеспечивая динамичный рост торгового оборота между двумя странами. Анкара и Тегеран разрабатывали совместные проекты транзита иранского газа в Европу через территорию Турции. В 2007 г. в период международного обсуждения возможности введения санкций в отношении Тегерана в связи с его ядерной программой премьер-министр Турции Р. Эрдоган заявил, что его страна ни при каких обстоятельствах не прекратит энергетическое сотрудничество с Ираном²³.

Более того, 9 июня 2010 г. когда Совет Безопасности ООН одобрил резолюцию о ядерной программе Ирана, которая ужесточает санкции Совета в отношении Тегерана, а именно, вводит эмбарго на поставку в эту страну боевых танков, боевых самолетов, военных кораблей и военных вертолетов, ракет или ракетных систем, турецкий посол поднял руку в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций и проголосовал против пакета этих санкций²⁴.

После прихода к власти в Турции ПСР также удалось наладить отношения и с Сирией. В 2004 году, впервые за 57 лет сирийский президент посетил Турцию. С этого момента встречи на высшем уровне приобрели регулярный характер. Между двумя государствами был заключен ряд важных межгосударственных соглашений, например Договор о свободной торговле и Договор о распределении водных ресурсов, который положил начало поиску решения проблемы трансграничных рек - одной из застарелых проблем турецко-сирийских отношений.

В конце 2009 г. состоялись первые заседания турецко-иракского и турецко-сирийского советов стратегического сотрудничества высокого уровня, которые стали принципиально новой формой развития отношений Анкары со своими ближайшими соседями на Ближнем Востоке²⁵.

Основной целью совместных заседаний стал выход на уровень стратегического партнёрства в сфере политики, экономики, энергетики, использования водных ресурсов, а также сфера культуры. В 2010 г. был учреждён четырёхсторонний Совет стратегического сотрудничества высокого уровня, в котором приняли участие Турция, Сирия, Иордания и Ливан. Целью создания Совета стало развитие долгосрочного стратегического партнёрства и продвижение к экономической интеграции, а также создание зоны свободной торговли между странами-участниками²⁶.

Турции удалось установить дружеские отношения с Иракским Курдистаном, что с симпатией было встречено турецкими курдами. Также Анкара стала активно развивать экономическое сотрудничество со странами Персидского залива²⁷.

Пытаясь сблизиться с исламским миром, Турция сознательно пошла на ухудшение отношений с Израилем, заняв явную пропалестинскую позицию в арабо-израильском конфликте. Серьезный кризис в отношениях Израиля и Турции разразился, когда Анкара отложила проведение очередных военных учений «Анатолийский орел», в которых в период с 12 по 23 октября 2009 года должны были принимать участие Турция, США, Италия и Израиль. Причиной этого стал отказ США участвовать в учениях после того, как Анкара потребовала исключить из списка участников Израиль. В турецких СМИ распространилась информация о том, что нежелание Анкары видеть Израиль в числе участников маневров вызвано тем, что среди израильских самолетов могут оказаться те, которые были задействованы в бомбардировках палестинцев в Газе. При этом руководство Турции заняло жесткую позицию не только в отношении маневров, но и выступило с резкой критикой ближневосточной политики Израиля.

Особенно ярким стало интервью премьер-министра Турции Р. Т. Эрдогана, данное телеканалу «Аль Арабия», и оказавшееся на страницах ведущих турецких газет. Р. Т. Эрдоган сказал, что в вопросе участия Израиля в маневрах правительство «прислушалось к голосу своего народа», который не хотел видеть в Турции израильские самолеты. При этом Р. Т. Эрдоган назвал себя «выразителем совести народа», и напомнил, что военные действия Израиля в Газе привели к гибели 1500 человек, большинство из которых составляли женщины и дети, а также к разрушению множества зданий, включая школы и больницы²⁸.

Дополнительным источником напряженности в отношениях Турции и Израиля стал показ турецким государственным телеканалом TRT сериала, освещающего события в Палестине с невыгодной для Израиля стороны, а также заявления турецкой стороны об отказе от ряда контрактов на поставку оружия со стороны израильских фирм.

Немаловажным событием также стал конфликт, начавшийся в ночь с 30 на 31 мая 2010 года, связанный с перехватом конвоя из шести судов называемого также «Флотилией свободы», организованного по инициативе турецкого комитета по правам человека, Армией обороны Израиля. На кораблях находилось около 700 активистов и около 10 тысяч тонн гуманитарных грузов (лекарств, продовольствия и стройматериалов) для жителей сектора Газа²⁹. Известие о захвате турецкого судна и гибели людей вызвало резкую негативную реакцию в Турции. Турция отозвала из Израиля своего посла и потребовала объяснений у израильского посла в Анкаре.

Нельзя не согласиться с мнением многих экспертов, что Турция затеяла эту политическую игру, чтобы таким образом получить полноправное членство в «клубе» ближневосточных миротворцев. А также, избрав своей стратегической целью усиление влияния в арабском мире, Турецкая Республика вполне логично начала активно поддерживать Палестину в противовес Израилю. Это верный путь для того чтобы снискать любовь арабской улицы и уважение арабских лидеров³⁰.

Трансформации в арабском мире, вызванные событиями «арабской весны» дали Турции шанс укрепить свое региональное влияние и стать моделью демократии для новых правительств в арабских странах. Следует отметить, что в первые дни после начала событий «арабской весны» в Турции господствовала «политика молчания» и подход «поживем увидим». Изначальные заявления Р.Т. Эрдогана и министра иностранных дел А. Давутоглу были направлены на необходимость развития демократии в регионе, а это означало, что Турция заняла нейтральную позицию исходя из принципа невмешательства во внутренние дела государства³¹. Однако, уже после того, как сопротивление египетского народа на центральной площади Тахрир усилилось, турецкие власти заявили, что необходимо прислушиваться к голосу народа. Таким образом, Турция попыталась выступить в качестве форпоста демократии на Ближнем Востоке и установить выгодные для себя контакты с новыми правительствами, приходящим на смену консервативным режимам.

Турецкие лидеры, осознавая риск негативного отражения событий в собственной стране, прилагали усилия в целях осуществления реформ в атмосфере стабильности в странах Ближнего Востока, охваченных волнениями. По данному поводу премьер-министр Р. Т. Эрдоган несколько раз беседовал с президентом США Б. Обамой³².

Серьезным вызовом для ближневосточной политики Турции стали события в Сирии. Вплоть до августа 2011 года Турция проводила взвешенную политику в отношении внутривосточной ситуации в Сирии. Реакция Анкары на внутрисирийскую ситуацию заключалась в консультациях с сирийским руководством, в ходе которых турецкие власти выражали надежду на последовательное проведение демократических реформ в Сирии и скорейший выход из кризиса.

Ситуация резко изменилась после проведенной сирийской армией военной операции в городе Хама в августе 2011 года. Турция заявила о прекращении диалога с Б. Асадом и совместно с США ввела односторонние санкции против представителей сирийского режима. Кроме того, Турция прилагала активные уси-

лия, чтобы вынести обсуждение «сирийского вопроса» на международный уровень и добиться осуждения руководства Сирии со стороны Лиги арабских государств и Совета безопасности ООН. Анкара была среди инициаторов создания так называемой «Группы друзей Сирии», объединившей государства, выступающие за урегулирование кризиса в этой стране путём давления на правящий режим³³. Турецкое руководство восприняло восстание в Сирии как свою внутреннюю проблему, она открыла двери для сирийских беженцев и способствовала проведению на своей территории совещаний сирийской оппозиции. Разрыв отношений с президентом Б. Асадом, переход к экономическим и политическим санкциям и поддержка антиправительственных сил поставили Турцию в сложное положение.

С помощью России и Ирана Б. Асаду удалось удержать власть; поддерживаемая Турцией оппозиция оказалась слабой и была либо физически уничтожена, либо перешла на сторону радикальных группировок; Сирия стала причиной глубокого кризиса в отношениях с Россией в ноябре 2015 года, когда Анкара сбила российский истребитель над сирийской границей. К этому можно добавить проблему беженцев, обострение курдского вопроса, терроризм. Таким образом, сирийская политика Турции очевидно потерпела крах, а Анкара стала заложницей своих имперских амбиций³⁴. Турецкая политика по отношению к событиям «арабской весны» практически полностью лишила Турцию союзников в исламском мире, за исключением Катара, где находится единственная военная база Турции на Ближнем Востоке.

Кроме того, чрезмерная активность Анкары в событиях «арабской весны» приводит к обвинениям в «неоосманизме» и вызывает обоснованные опасения как у региональных игроков, так и у Запада, что в конечном итоге играет против Турции. Амбиции Турции напрямую сталкиваются здесь с интересами Ирана и Саудовской Аравии, обладающих серьезным потенциалом и своим видением проблем³⁵.

Таким образом, на позиции Турции в исламском мире оказывают влияние как внутривосточная ситуация в стране, так

и её внешнеполитические приоритеты. Начиная с провозглашения Турецкой Республики, её правящие круги предприняли все возможные шаги по построению лаицистского государства. Однако некоторые традиционные исламские институты не только не ослабили своих позиций, но и смогли занять важное место в социально-экономической и политической системе. Они играют весомую роль в выстраивании отношений с соседями благодаря обеспечиваемым ими финансовым вливаниям.

Длительная выключенность из взаимоотношений с исламскими странами негативно сказалась на процессе формирования внешнеполитического курса Турции. В настоящее время самой важной задачей для Турции является определение ее роли в арабском мире в качестве умеренной региональной силы. Необходимо пересмотреть турецкую региональную и международную политику с учетом перемен в таких исламских государствах, как Ливия, Египет и Тунис.

Примечания

¹ Рыжов И. В., Родионов О. В. К вопросу о противоречиях Турции и стран исламского мира // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2012, № 2 (1), с. 319.

² Бутаков Я. Воспоминания об утраченном единстве / Геополитические перспективы исламского мира. Часть I // <http://www.win.ru/islam/1085.phtml>

³ Aykan Mahmut B. Turkey's Role in The Organization of the Islamic Conference: 1960–1992. Vantage Press: New York, 1994. P. 65.

⁴ Конституция Турции (1924) // <http://genckaya.bilkent.edu.tr/1924constitution.pdf>

⁵ Конституция Турецкой республики (1982) // <http://worldconstitutions.ru/?p=84>

⁶ Поцхверия Б. М. Ислам в турецкой конституции // Современная Турция: проблемы и решения. Сборник статей. М.: ИИИиБВ, 2006. С. 53.

⁷ Шлыков П. В. Парадоксы возрождения вакфов в современной Турции // Современная Турция: проблемы и решения. Сборник статей. М.: ИИИиБВ, 2006. С. 68.

⁸ Зиганшина Г. М. Роль религиозных орденов Турции в исламском движении 80–90-х гг. XX в. // Современная Турция: проблемы и решения. Сборник статей. М.: ИИИиБВ, 2006. С. 103.

⁹ Tait R. Turkey's governing party avoids being shut down for anti-secularism // <https://www.theguardian.com/world/2008/jul/30/turkey.nato1>

¹⁰ Keyman F. Globalization, Modernity and Democracy: Turkish Foreign Policy 2009 and Beyond. // *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2010, Vol. XV, No. 3–4. p 1.

¹¹ Иванова И.И. Турция // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? сборник статей. отв. ред.: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; фак-т мировой политики и исаа МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. с. 508.

¹² Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul : Küre Yayınları, 2010 S. 210.

¹³ Davutoğlu A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy // http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_foreign_policy?page=full

¹⁴ Силаев А. А. К отношениям между Пакистаном и Турцией // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/08-07-07.htm>

¹⁵ Казанин М. В. Военно-техническое сотрудничество Турции и Пакистана и его влияние на китайско-пакистанские отношения // <http://www.iimes.ru/?p=31378>

¹⁶ Пакистан – Турция: уроки неудавшегося военного переворота // <https://newsland.com/user/4297693453/content/pakistan-turtsiia-uroki-neudavshegosia-voennogo-perevorota/5398698>

¹⁷ Mahmut Halia Ykan The OIC and Turkey's Cyprus cause // http://www.politics.ankara.edu.tr/eski/dosyalar/MMTY/25/3_mahmut_bali_aykan.pdf

¹⁸ Турция и ОИС // <https://acoya.org>

¹⁹ Выступление Р.Т. Эрдогана на саммите ОИК // <http://misra.ru/erdogan-oic-russian/>

²⁰ Саммит Организации исламского сотрудничества в Стамбуле: итоги // <https://www.infox.ru/news/84/world/politics/159807-sammit-organizacii-islamskogo-sotrudnicstva-v-stambule-itogi>

²¹ Turkish-U.S. Political Relations // http://www.mfa.gov.tr/turkish-u_s_-political-relations.en.mfa

²² Занд Б. Как Запад теряет Турцию // <http://www.inosmi.ru/europe/20100616/160644928.html>

²³ Свистунова И.А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // Проблемы национальной стратегии, 2012, № 4. С. 42.

²⁴ Информационный центр ООН в Москве // <http://www.unic.ru>

²⁵ Свистунова И.А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // Проблемы национальной стратегии, 2012, № 4. С. 42.

²⁶ Türkiye, Suriye, Ürdün ve Lübnan Arasında Yüksek Düzeyli İşbirliği Konseyi Tesis Edilmesi Hakkında Ortak Siyasi Bildirge // <http://www.mfa.gov.tr/>

turkiye -suriye -urdun-ve-lubnan-arasinda-yuk-sek-duzeyli-isbirligi-konseyi-tesis-edilmesi-hakkinda-ortak-siyasi-bildirge.tr.mfa.

²⁷ Амбиции и просчеты. Куда завела Турцию ее политика на Ближнем Востоке // <http://carnegie.ru/commentary/73094>

²⁸ Свистунова И. А. Об отношениях Турции с Израилем // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/25-10-09.htm>

²⁹ Израиль взял на абордаж гуманитарную инициативу для сектора Газа // <http://ria.ru/world/20100531/240689008.html>

³⁰ Тинский Г. Турция-Израиль: противоборство или геополитическая игра? // <http://www.win.ru/school/7616.phtml>

³¹ Иванова И. И. Турция // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? / сборник статей. Отв. ред.: В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; фак-т мировой политики и исаа МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. с. 509.

³² Иванова И. И. Турция // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? / сборник статей. Отв. ред.: В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; фак-т мировой политики и исаа МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. с.510.

³³ Свистунова И. А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // Проблемы национальной стратегии, 2012, № 4. С. 51.

³⁴ Амбиции и просчеты. Куда завела Турцию ее политика на Ближнем Востоке // <http://carnegie.ru/commentary/73094>

³⁵ Шлыков П. В. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» // http://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm

Корочкина В. А.*

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ, ПАЛЕСТИНОЙ И ИЗРАИЛЕМ

Активность Турции на Западном берегу реки Иордан и в Секторе Газы призвана решить ряд геополитических задач, закрепить за Эрдоганом внутри страны статус «собирателя земель турецких», добиться среди мусульман и арабов региона такого влияния, каким обладал султан Османской империи, а также создать условия для турецких капиталовложений. Вовлеченность в межпалестинские проблемы и адвокатирование интересов палестинцев является дополнительным инструментом во взаимоотношениях с Израилем.

Ключевые слова: внешняя политика Турции, турецко-израильские отношения

Turkey's activities in the West Bank and the Gaza Strip are designed to solve a number of geopolitical tasks: consolidate the status of "Turkish land gatherer" for Erdogan inside the country, achieve the influence of the Sultan of the Ottoman Empire among Muslims and Arabs, as well as create conditions for Turkish investments. Involvement in inter-Palestinian issues and advocacy for the interests of Palestinians is an additional tool in relations with Israel.

Key words: Turkish foreign policy, Turkish-Israeli relations

Турки, спустя столетие после распада Османской империи, взялись за восстановление своего влияния на Святой Земле влиянием миллионов долларов в социальные и гуманитарные про-

* Корочкина Виктория Анатольевна – кандидат политических наук, доцент Северо-Западного института управления РАНХиГС. E-mail: victoria.korochkina@gmail.com

екты в Восточном Иерусалиме, по всему Западному берегу реки Иордан и в Секторе Газа.

Восточный Иерусалим, в отличие от полностью подконтрольного Израилю Западного Иерусалима, сначала был захвачен в 1967 г. у Иордании, а затем аннексирован Израилем (без предоставления израильского гражданства жителям города) и в 1980 г. город был объявлен «единой и неделимой столицей Израиля». Совбез ООН отверг право Израиля на Восточный Иерусалим и призвал страны-члены ООН вывести из него свои диппредставительства (резолюция 478 от 20 августа 1980 г.)¹.

В 2004 г. Генеральная Ассамблея ООН вновь назвала существующее положение дел в Иерусалиме «оккупацией» и подтвердила, что палестинцы имеют право на суверенитет над Восточным Иерусалимом (резолюция 58/292).

Именно в Восточном Иерусалиме находится Старый город со святыми местами иудаизма, христианства и ислама – Храмовая гора, мечеть «Аль-Акса» и Купол Скалы, Стена плача.

В правовом плане статус Иерусалима не определен – на него претендует Палестинская автономия и Израиль. Но по факту Восточный Иерусалим скорее является частью столицы Израиля (Западного Иерусалима), нежели самостоятельным муниципальным образованием.

В отличие от Восточного Иерусалима Израиль не аннексировал занятый им в 1967 г. Западный берег реки Иордан, который является частью территории частично признанного государства Палестина. Эта территория контролируется властями Палестинской национальной автономии (ПНА) полностью или в отдельных районах совместно с Израилем согласно соглашениям в Осло 1993–1995 гг.

Сектор Газа – другая половина частично признанного палестинского государства. С 1994 г. власть в Газе передана ПНА, но Израиль продолжает контролировать воздушное пространство, территориальные воды, в целях безопасности закрыл границы палестинского анклава, но в 1999 г. разрешил открытие безопасного прохода между Сектором Газы и Западным берегом р. Иордан. С 2005 г. из Сектора Газы выведены израильские войска и

ликвидированы израильские поселения. А в результате переворота в июле 2007 г. сектор перешел под контроль исламистской организации ХАМАС. Израиль объявил территорию, подконтрольную ХАМАС, террористическим государственным образованием и приступил к экономической блокаде, к которой в 2017 г. присоединился и глава ПНА Махмуд Аббас.

Иерусалим и вся Палестина² находятся в числе приоритетных направлений турецкой внешней политики. В свою бытность премьер-министром Турции Ахмет Давутоглу объявил Иерусалим одним из «внутренних дел» Турции и заявил, что «Аль-Кудс (арабское наименование Иерусалима – *прим. автора*) – это наше дело». В 2015 году Эрдоган предупреждал Израиль о том, что тот играет с огнем, т.е. с ним, и что Турция не потерпит агрессию в отношении Иерусалима и комплекса мечети «Аль-Аксы». «Только Турция может принести стабильность, уверенность и надежду в регион, являющегося центром мира». Эрдоган утверждает, что не только турецкая нация, но сотни тысяч людей по всему миру возлагают последнюю надежду на Турцию. После того, как 6 декабря 2017 года Трамп объявил Иерусалим столицей Израиля, турецкий лидер пошел еще дальше и заявил о том, что «ослабление Турции будет означать утрату надежд, разрушение Палестины, Аль-Кудса, Сирии и Ирака»³.

Действительно, флаги Турции развиваются в Иерусалиме, турецкий фастфуд присутствует повсеместно, а изображения Эрдогана появлялись на стенах Иерусалима. Среди палестинцев, жителей города, возрастает не только популярность всего турецкого, но и лично президента Турции.

Одним из самых знаковых объектов приложения усилий Анкары является комплекс мечети «Аль-Акса». «С 2005 года, Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТИКА) реализовало 71 проект в оккупированном Восточном Иерусалиме»⁴. ТИКА задействована в реставрации мусульманских архивов Оттоманского периода в Восточном Иерусалиме, Купола Скалы на Храмовой горе, реставрации дома для престарелых, различных зданий и магазинов, в приготовлении тысячи сухуров (утренний прием пищи во время священного месяца Рама-

дан) и ифтаров (вечерний прием пищи в месяц Рамадан). Турки вложили не менее \$10 млн на строительство студенческих общежитий в Иерусалимском университете «Аль-Кудс». Они обеспечивают местные школы электронным оборудованием, в определенных учебных заведениях увеличивают количество классов, способствуя тому, чтобы иерусалимские школьники и студенты завершали свое обучение в Турции⁵.

ТИКА – не единственная организация, задействованная в тех или иных проектах на палестинской территории. Свою деятельность осуществляют Международная студенческая ассоциация «Мешале» (Meshale) и организация по развитию и оказанию гуманитарной помощи «Канадиль» (Kanadil), запрещенная в Израиле год назад. Во главе этой организации стоит доктор Азми Архан, связанный с ХАМАС и «Братьями мусульманами»⁶.

В Палестине действует благотворительная организация «Турецкая Ярдым Эли» (Помогающая рука), Турецкий Красный Полумесяц, а также турецкий «Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи» (ИНН). Этот фонд поддерживается Эрдоганом. Благодаря журналистским расследованиям были обнародованы факты причастности фонда к переброске техники из Турции в Сирию на нужды террористов⁷.

Поток турецких инвестиций в Иерусалим пошатнул прежнее влияние Иорданского Хашимитского королевства – «хранителя мусульманских святых мест Иерусалима». При этом в соревновании между турками и иорданцами очевидны экономические мотивы. В соперничестве с Амманом в развитии религиозного туризма в Иерусалиме перевес уже на стороне Анкары. Для Аммана выгодно, чтобы турецкие туристы в Израиль, направляющиеся в основном в Иерусалим, путешествовали через Иорданию, а не летали прямыми рейсами из Анкары в тель-авивский аэропорт им. Бен-Гуриона. Ведь Управление по делам религии Турции (Диянет) уже в апреле 2015 года постановило включить мечеть «Аль-Акса» в так называемую «умру» – малое религиозное паломничество. В результате граждане Турции могут три дня провести в Иерусалиме, четыре дня в Медине и семь дней в Мекке⁸.

Тем не менее, именно король Иордании (в настоящее время Абдалла II) по мирному иордано-израильскому договору от 1994 года является хранителем исламских святынь Иерусалима. Кстати, на этой почве уже портились отношения между ПНА и Амманом. В октябре 2015 года власти ПНА возмутились тем, что Иордания и Израиль заключили соглашение об установке камер наблюдения на аль-Харам аль-Кудс аш-Шариф (Храмовой горе) без согласования с ними. Израильцы были заинтересованы в установке системы видеонаблюдения, т. к. это позволило бы выявлять палестинских камнеметателей и прочих провокаторов, что, как правило, приводит к ответным мерам израильских военных и закрытию входов в комплекс мечетей для верующих и посетителей, а в результате – к обвинениям Израиля в стремлении нарушить статус-кво на Храмовой горе. В то же время палестинские официальные лица утверждали, что Израиль преследует именно эту цель. По мнению палестинской стороны, установка камер планировалась для того, чтобы арестовывать тех проповедников, которые, по мнению израильских спецслужб, ведут анти-израильскую пропаганду⁹.

Позиции Иордании на палестинской улице не усилились и после событий 14 июля 2017 года, когда трое арабов из Умм эль-Фахм (по фамилии Джабарин) убили двух израильских полицейских (друзов). В результате израильские власти сначала необдуманно установили металлодетекторы в проходах на Храмовую гору, а затем в результате массовых протестов палестинцев в Иерусалиме вынужденно их демонтировали. Абдалле II пришлось выходить из положения так, чтобы, с одной стороны, сохранить статус хранителя святынь Храмовой горы, а с другой – продолжить важное для его королевства сотрудничество с Израилем в сфере безопасности.

Вот кто «восстал» против действий Израиля, так это Эрдоган. Он оперативно постарался возглавить народное возмущение (впрочем, как Махмуд Аббас и лидеры ХАМАС), подогреваемое муфтиями. В разгар беспорядков в Иерусалиме Эрдоган активно призывал мусульманские страны признать независимость Палестины в границах 1967 года. В Турции проходили демонстрации

в знак протеста против политики Израиля и в солидарность с негодующими палестинцами. В Иерусалиме активизировалось Диянет – управление по религиозным делам Турции во главе с Мехметом Гёрмезом (с сентября 2017 года управление возглавил Али Эрбаш). М. Гёрмез возмущался столкновениями у входа в мечеть «Аль-Акса», в ходе которых был ранен Экрим Сабри – близкий к Турции бывший муфтий Иерусалима и имам мечети, глава Высшего исламского комитета Иерусалима. В итоге «металлодетекторная эпопея» в глазах палестинцев завершилась победой палестинского народа (единого, вне зависимости от принадлежности к той или иной политической партии или месту проживания) над Израилем в борьбе за «Аль-Аксу»¹⁰, а «Турция сыграла значительную роль в этой победе».

Израильское руководство беспокоит рост влияния Турции в Восточном Иерусалиме, в то время как Иордания теряет свои позиции. В июне 2017 года на стол мэра Иерусалима Нира Барката (с ноября 2018 года мэр Моше Лион) лег доклад о возрастающем турецком влиянии в городе под названием «Турки захватывают Иерусалим»¹¹.

«Соколы Эрдогана» активны не только на Западном берегу реки Иордан, но сконцентрировали усилия на укреплении своих позиций в Секторе Газа. Напомним, что Газа с 2007 года является вотчиной ХАМАС, созданного в 1987 году на базе египетского отделения «Братьев-мусульман» и «Палестинского Исламского джихада» при участии израильских спецслужб с целью ослабления ФАТХ. Что касается Иордании, то королевство прекратило какие-либо отношения с ХАМАС, лидеры которого были выдворены из Аммана еще в 1999 году, а многочисленные посреднические усилия Катара по восстановлению отношений провалились.

Анкара особенно активизировалась в Секторе Газа в 2013 году, когда ХАМАС «сняли с довольствия» в результате смены власти в Катаре и когда у исламистов испортились отношения с Египтом после отстранения от власти в Каире «Братьев-мусульман» во главе с президентом Мухаммедом Мурси. Блокированный Израилем Сектор Газа – одно из мест на Ближнем Востоке

ке, где две империи противостоят друг другу. Политика Турции в регионе не могла не привести к противоречиям в отношениях с египтянами.

Сектор Газа, несмотря на небольшую территорию (360 км²), имеет важное значение в региональной политике. Египет рассматривает палестинский анклав в качестве внутренней национальной проблемы¹². У Каира имеются все основания опасаться возрастающего турецкого влияния на его восточных границах с Сектором Газа.

В Газе открыты постоянные представительства турецких неправительственных благотворительных организаций. Турки осуществляют поставки медикаментов и лечили раненых палестинцев, обеспечивали временным жильем те семьи, чьи дома были разрушены в ходе израильских военных операций в 2008, 2012 и 2014 годах. Турция приходит на помощь в вопросах компенсации убытков местным сельхозпроизводителям. Студентам «Аль-Азхар» (университета в Газе) предоставляется возможность обучения в турецких ВУЗах. Турки даже организуют свадьбы для тысяч малоимущих молодых палестинцев.

С 2006 года Турция осуществила здесь десятки проектов. Из \$5 млрд, выделенных на развитие Палестины, \$3,5 млрд предназначались для Сектора Газы, а остальная сумма – \$1,5 млрд – на нужды Рамаллы (столицы Западного берега р. Иордан). Турецкие компании, наряду с израильским и палестинским капиталом, планируют деятельность в Секторе Газы, обеспечивая рабочими местами 10 000 местных жителей. Израильские власти откроют доступ в промышленную зону «Эрез» возле порта Дженин, обеспечат электроэнергией и организуют водоснабжение¹³.

Турция требовала для себя особого статуса в Секторе Газы и планировала начать строительство плавучего морского порта на его побережье. Анкара требовала от Тель-Авива эксклюзивного доступа турецких судов. От Израиля турки также добиваются согласия на размещение своего корабля недалеко от побережья Газы с мощной электростанцией, чтобы уменьшить дефицит электроэнергии в анклав, который возрос после введенных Аббасом санкций против правительства ХАМАС.

Дело в том, что в апреле 2017 года Аббас сократил финансирование бюрократического аппарата в Секторе Газа, отказался платить по счетам Израилю за поставки в сектор электроэнергетики. Председатель ПНА согласен вернуть в Газу электричество, но только после создания правительства национального единства в Газе, т. е. после реальной передачи власти ФАТХ, в т. ч. контроль над КПП с Египтом и Израилем, а также перевода в ПНА всех налоговых сборов анклава.

При этом Анкара, с одной стороны, согласовывает свои бизнес-проекты с израильскими властями, а с другой – на весь мир называет Израиль «режимом, убивающим детей» и заявляет о поддержке жителей Сектора Газы в их стремлении прорвать израильскую блокаду.

Часть руководства в Газе (такие как Гази Хамад – «министр иностранных дел» в Газе и один из лидеров ХАМАС) верит в исключительно гуманитарные намерения турок, (по крайней мере, официально заявляют об этом) т. к. те якобы не предъявляют руководству ХАМАС конкретных требований политического характера.

Другая часть палестинской элиты призывает президента ПНА предпринять меры против стремительно возросшей политической роли Турции в Секторе Газа. Они предупреждают, что турки создают ситуацию национальной и географической разобщенности между Западным берегом р. Иордан и Сектором Газа, способствуют созданию там отдельного государства.

Турции изначально было выгодно разделение палестинцев по анклавам, хотя на официальном уровне звучали заявления о заинтересованности в палестинском национальном примирении. В Стамбуле функционирует офис ХАМАС, координирующий «спящие ячейки» террористов на Западном берегу р. Иордан даже после того, как летом 2017 года под давлением Израиля руководитель военных операций ХАМАС в ПНА Салах аль-Арури был вынужден покинуть Турцию и перебраться в Бейрут, оплот Хезболлы.

Стоит отметить, что после того, как на выборах главы ХАМАС в Секторе Газы в феврале 2017 года победил радикал Яхья

Синвар, контакты исламистов с Ираном возобновились. В этом отношении интересы Израиля, Египта и Турции совпадают – они не желают распространения иранского влияния в Палестине.

Однако жители Сектора Газы находятся в условиях, граничащих (по дежурным на протяжении десятилетия прогнозам палестинских властей) с «гуманитарной катастрофой»¹⁴. Существует, правда, и иной взгляд на ситуацию в секторе¹⁵. Как бы там ни было, население палестинского анклава страдает не только от израильской блокады, но и от периодических закрытий и открытий со стороны Каира единственного на границе Египта и Газы контрольно-пропускного пункта «Рафах».

Контрольно-пропускной пункт «Рафах» (наряду с двумя КПП на границе с Израилем «Эрез» и «Керем-Шалом») согласно договоренностям, достигнутым между конкурирующими движениями ФАТХ и ХАМАС в октябре 2017 года¹⁶, должен был возобновить круглосуточную работу после его передачи под контроль правительства национального согласия и президентской гвардии, подчиняющейся администрации на Западном берегу реки Иордан. В начале ноября 2017 года все погранпереходы сектора перешли в прямое подчинение Рамаллы. Однако решение Трампа по Иерусалиму забило свой гвоздь в крышку гроба под названием «палестинское примирение». В январе 2018 года палестинцы Сектора Газа уже протестовали против закрытия египтянами КПП «Рафах».

Нормализация отношений ХАМАС с Египтом – необходимость, т. к. Египет – основной игрок, с которым можно говорить о снятии блокады сектора, а значит и решении многих социально-экономических проблем. С этой целью хамасовцы с 2016 года стали отмежевываться от египетской исламистской ассоциации «Братья-мусульмане».

Подписание в Каире 12 октября 2017 года соглашения между ХАМАС и ФАТХ готовилось под эгидой начальника египетской разведслужбы Халеда Фаузи (с января 2018 года Директором Управления общей разведки Египта («Мухабарат») стал Аббас Камаль). Со стороны палестинцев в предварительных переговорах участвовали не только все руководители ХАМАС, но и главный политический конкурент Аббаса – Мухаммед Дахлан.

Это стало неожиданностью для многих, т. к. в свое время ХАМАС изгнал Дахлана из Газы. Но сейчас у них общая цель – создать препятствия для Аббаса. Дахлан договорился с руководством ХАМАС о том, что будет фактически представлять «финансово-экономический блок» сектора на переговорах с Египтом. За это он должен получить право вернуться в Газу со своими людьми.

Дело в том, что в настоящее время палестинский политический процесс определяется подготовкой к смене главы автономии – 82-летнего Махмуда Аббаса. Один из потенциальных кандидатов на лидерство в объединенной Палестине – 56-летний Мохаммед Дахлан. Он не прекращал поддерживать отношения с Израилем, якобы отравил Ясира Арафата, подавлял террористическую деятельность в Секторе Газа и противостоял исламской оппозиции, оставаясь при этом популярным среди народа. Из сектора его выгнали. Он критиковал ФАТХ за коррупцию. Из ФАТХ его исключили и считают экзистенциальной угрозой не только движению, но и всей автономии. Дахлан имеет хорошие связи с египетским руководством. В последние годы проживает в ОАЭ, является советником наследного принца Абу-Даби Мухаммеда бен-Зайда и владеет состоянием в \$120 млн, якобы незаконно выведенными из ПНА. Сегодня Дахлан снабжает Сектор Газа деньгами из Персидского залива и заодно открывает этим странам двери в регион. Появляются новые игроки, что еще более осложняет ситуацию в регионе.

Что касается Израиля, то в январе 2015 года Авиغدор Либерман, будучи министром иностранных дел в правительстве Нетаньяху, тайно встречался с Дахланом. Факт встречи до сих пор активно используется соперниками Дахлана, одним из которых является популярный в ПНА политический деятель Джибриль Раджуб.

В свете достигнутого в октябре 2017 года очередного по счету и по результату (провального) соглашения о единении между ФАТХ и ХАМАС, можно предположить, что Тегеран был бы не против, если бы ХАМАС принял стратегическое решение передать ПНА гражданский контроль над Сектором Газа. В этом случае исламисты смогли бы сконцентрировать свои усилия на военной составляющей, по примеру Хезболлы в Ливане. Иран с

удовольствием бы организовал Израилю существование между молотом Хезболлы на севере и наковальней ХАМАС на юге. Но Египет давит на ХАМАС, т. к. помимо угрозы внутренней безопасности в связи с деятельностью исламистов на Синайском полуострове в кооперации с боевиками из Сектора Газы, сотрудничество в вопросах поставок оружия в Газу и перевод денег из Ирана противоречит интересам Каира. Так же египтяне призывали боевиков в секторе не идти на эскалацию напряженности с Израилем. Все эти усилия были подорваны упомянутым решением Трампа по Иерусалиму.

В отношении Турции лидеры ХАМАС повели себя «не по-дружески», не спросив мнения Анкары перед началом контактов с египтянами. Фактор Дахлана вынудил М. Аббаса 28 августа 2017 года посетить Эрдогана и официально призвать его к посредничеству, а по сути – помешать сделке между Дахланом (также врагом Анкары) и ХАМАС под эгидой Египта.

Действительно, Турция – неплохой посредник в сложившихся условиях – имеет отношения не только с двумя враждующими палестинскими группировками, но и с Израилем. Тем не менее имеется ряд «но». Одно из них заключается в том, что руководство ХАМАС хоть внешне и приветствовало посредничество Турции, но исламисты не доверяют М. Аббасу. В Газе уверены, что председатель ПНА преследует одну цель – при помощи Турции помешать Египту и ОАЭ повернуться лицом к Сектору Газы в условиях возвращения туда генерала Дахлана.

В очередной раз, за последние 10 лет, срывается межпалестинское согласие и создание правительства национального единства. Борьба за власть палестинских кланов обостряется вовлеченностью региональных заинтересованных игроков. Подобное положение дел как минимум не соответствует политическим ожиданиям большинства палестинцев о создании независимого палестинского государства. Это уже привело к тому, что 71% палестинцев и 79% израильских евреев не верят в то, что Государство Палестина будет создано в ближайшие пять лет¹⁷. Таким образом окончательно хоронится палестинское национальное движение сопротивления, начатое в прошлом веке Арафатом и воплощенное в ООП/ФАТХ и Палестинской национальной автономии.

Сегодня у Израиля есть шансы на окончательное политическое решение палестинского вопроса. Этому будет способствовать объединение палестинских политических сил, направленное на смещение Махмуда Аббаса, и признание управляемого Палестинского государства во главе с генералом Дахланом.

Все региональные игроки действуют в контексте борьбы за переформатирование палестинского пространства. При этом существуют стратегические интересы, которые противоборствующим сторонам приходится искусно отстаивать вне зависимости от складывающейся политической конъюнктуры, в т. ч. активно используя исламский фактор. Ярким тому примером служит история взаимоотношений между Турцией и Израилем.

Так, Турция была первой мусульманской страной, признавшей Израиль в 1949 году. Факт партнерства и общности интересов был закреплен протоколом 1958 года, который подписали премьер-министр Турции Аднан Мендерес и первый премьер-министр Израиля Давид Бен Гурион. Документ предусматривал самое широкое сотрудничество в военной и экономической области, а дополнительный меморандум объявлял о совместной борьбе с экстремизмом (т. е. с палестинцами и турецкими курдами) и о противостоянии «расширяющемуся советскому влиянию». Революция 1979 года в Иране только укрепила этот союз против общих врагов – Ирана, СССР (впоследствии России) и Сирии.

Первый напряженный момент в турецко-израильских отношениях был связан с тем, что Турция, ради повышения популярности действующего правительства среди исламистского электората, стала первой страной, которую в 2006 году посетил с визитом Халед Машаль – лидер ХАМАС, победившего на выборах в Палестине.

Апогеем в кризисе отношений стал инцидент июня 2010 года с турецкой «Флотилией свободы» (организованной упомянутым выше «Фондом защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи» (ИНН) и движением Free Gaza Movement). Флотилия направлялась в блокированную Израилем Газу с целью прорвать сионистскую блокаду. Захват израильтянами корабля «Мави Мармара» и убийство девяти турок (8 из кото-

рых были связаны с исламистскими турецкими организациями) вылился в дипломатический кризис между Израилем и Турцией, который стал самым серьезным с момента установления отношений между двумя странами¹⁸.

Однако все последующие действия Турции и Израиля определялись тем, что всего лишь через несколько дней после захвата турецкого судна «Мави Мармара» и поднявшегося в связи с этим шума было открыто газовое месторождение «Левиафан» в Средиземном море в 135 км от Хайфы. С реализацией этого проекта (производство запланировано на IV квартал 2019 года), Турция смогла бы обеспечить основные свои потребности в газе. К тому же по турецко-израильской газовой трубе газ должен был пойти из Левантийского нефтегазового бассейна в Италию и Грецию через Южный Кипр и Крит. Рассматривалась также возможность строительства Турцией газопровода, который связал бы израильское газовое месторождение «Левиафан» и Трансанатолийский газопровод (TANAP)¹⁹.

Турция была обречена на взаимодействие с Израилем в энергетической сфере; оно осуществлялось параллельно вовлеченности Турции во внутripалестинский политический процесс, а в определенной степени обеспечивалось им.

С кризисного 2010 года правительство Эрдогана лишь на некоторое время заморозило с Израилем государственные заказы для оборонной промышленности.

Но потом, когда общественное возмущение стихло, военнотехническое сотрудничество вновь начало входить в прежнее русло, а сотрудничество спецслужб и не прекращалось. Экономические отношения между двумя странами успешно развиваются. В динамике за первые 10 месяцев 2010 года импорт из Турции в Израиль увеличился на 18%, а израильский экспорт в Турцию подскочил на 29%. В 2011 году (по данным израильского Института экспорта) с января по август торговля между Израилем и Турцией выросла еще на 26%, составив \$2,8 млрд, а импорт из Турции вырос за указанный период в среднем на 23%²⁰.

В 2011 году Турция официально прекратила все торговые и военные связи с Израилем. В мае 2012 года турки требуют пожизненных заключений для четырех старших офицеров ЦАХА-

Ла (Армии Обороны Израиля) за участие в захвате флотилии и гибели пассажиров корабля «Мави Мармара».

Эрдогану необходимо было договориться с Израилем, но так, чтобы не потерять лицо. Он добивается своего – в марте 2013 года премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху при посредничестве президента США Барака Обамы ему позвонил, извинился за инцидент с судном «Мави Мармара» и согласился с выплатой компенсаций. Эрдоган заработал лавры «национального героя турецкого мира». Одновременно им использовалась тема газопровода в переговорах с израильтянами для решения своих задач в Сирии, направленных на свержение Асада. Турецкая сторона пыталась продать свою готовность заключить соглашение с Израилем. За это от Нетаньяху требовалось подтолкнуть американцев к военным действиям в Сирии. Однако израильские колебания относительно того, куда экспортировать газ и нужно ли вообще это делать, наряду с нежеланием и невозможностью США осуществить военную операцию в Сирии, застопорили тогда процесс налаживания израильско-турецких отношений.

В ноябре 2015 года военно-политическая обстановка в регионе, ухудшение отношений с Россией, заинтересованность в израильском газе, привели Эрдогана к нормализации отношений с Израилем и возобновлению с ним дипломатических контактов. По соглашению с израильтянами, турецкая сторона выразила готовность противодействовать любой террористической деятельности на своей территории, запретить въезд в Турцию активисту ХАМАС Салаху аль-Арури. Ключевым моментом стала договоренность о том, что турки начнут прокладку газопровода из Израиля.

Израиль предоставил Турции расширенные возможности для реализации гуманитарных проектов в Секторе Газа. Турки тотчас же отправили первый корабль с гуманитарной помощью на борту, правда, через израильский порт Ашдод. По этому соглашению Турция обязалась проконтролировать, чтобы ХАМАС не использовало ее территорию для террористической деятельности против Израиля²¹.

Турция распространяет свое влияние в Палестине и выгодно сотрудничает с Израилем. В качестве инструмента использу-

ется исламский фактор, включающий в себя не только религию, но историческое и культурное наследие, а также щедрое финансирование.

Исламская и неоосманская риторика зачастую является политехнологическим приемом, направленным на мобилизацию масс в нужном месте, в нужное время и в нужном направлении. Публичные, окрашенные в исламистские тона выпады Эрдогана в сторону Израиля используются а качестве инструмента давления на своего партнера. Как правило, они рассчитаны на «внутреннего турецкого потребителя», на палестинские массы и «арабскую улицу» в целом. По сути же отношения с Израилем оставались и остаются чрезвычайно важными для Турции, особенно с учетом ее долгосрочных экономических и политических интересов.

Примечания

¹ Резолюция 478 (1980) от 20 августа 1980 года. URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/400/17/IMG/NR040017.pdf?OpenElement>

² Председатель Палестинской национальной автономии Махмуд Аббас 5 января 2013 года издал указ об использовании на официальном уровне названия «Государство Палестина» вместо названия «ПНА».

³ “US Decision on AlQuds has no validity” // AlummahWorld. 12.12.2017. URL: <https://alummahworld.com/article/897/islamicworld>

⁴ TİKA: East Jerusalem’s Longtime Benefactor / Turkish Cooperation and Coordination Agency. URL: http://www.tika.gov.tr/en/news/tika_east_jerusalem%-27s_longtime_benefactor-36295

⁵ Israel worried over Turkish influence in East Jerusalem // Middle East Monitor. 22.06.2017. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20170622-israel-worried-over-turkish-influence-in-east-jerusalem/>

⁶ Либерман подписал указ о запрете деятельности организации «Канадиль» // NEWSru.co.il. 14.12.2016. URL: <http://newsru.co.il/israel/14dec2016/kanadil.html>

⁷ «Джумхуриет»: Турецкий фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи причастен к передаче военной техники террористам в Сирии // SANA-Сирийское арабское информационное агентство. 14.06.2016. URL: <http://www.sana.sy/ru/?p=76021>

⁸ Jordan, Turkey compete to woo Jerusalem // Al-Monitor. 19.05.2016. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/05/turkey-jordan-palestine-jerusalem-competition-influence.html>

⁹ Palestinians dismiss Israel's plan for cameras in al-Aqsa mosque // The Guardian. 25.10.2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/25/palestinians-dismiss-israels-plan-for-cameras-in-al-aqsa-mosque>

¹⁰ Palestinians in Jerusalem Got a Taste of Victory on Temple Mount, and They're Hungry for More // Haaretz. 01.08.2017. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/palestinians-got-taste-of-victory-on-temple-mountain-they-want-more-1.5437427>

¹¹ Israel worried over Turkish influence in East Jerusalem // Middle East Monitor. 22.06.2017. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20170622-israel-worried-over-turkish-influence-in-east-jerusalem/>

¹² Ухудшению отношений между Каиром и Анкарой способствовало покровительство Эрдогана лидерам египетских «Братьев-мусульман». После прихода к власти президента Ас-Сиси лидеры «Братьев-мусульман» бежали из Египта в Турцию. Президент Эрдоган предоставил политическое убежище многим из них, остальные нашли укрытие в Катаре.

¹³ Turkey focuses on projects in Gaza following agreement with Israel // Daily Sabah. 27.06.2016. URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2016/06/28/turkey-focuses-on-projects-in-gaza-following-agreement-with-israel>

¹⁴ В ООН сообщили о надвигающейся гуманитарной катастрофе в Секторе Газа // РИА Новости. 26.05.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170526/1495201100.html>

¹⁵ Эксперт: миф о «гуманитарной катастрофе» в Газе придумали сами палестинцы // ВЕСТИ. Израиль по-русски. 08.05.2017. URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-4959140,00.html>

¹⁶ ХАМАС передал под контроль ПНА погранпереходы сектора Газа // РИА Новости. 01.11.2017. URL: <https://ria.ru/world/20171101/1507970414.html>

¹⁷ Israel/Palestine Confederation vs. two-state, one-state solution? Palestinian-Israeli Pulse: A Joint Poll. 02.08.2017. URL: <https://medium.com/@thepalestineproject/israel-palestine-confederation-vs-two-state-one-state-solution-311505dd522c>

¹⁸ Куда зайдут отношения между Израилем и Турцией? // Наш дом – Израиль. URL: <https://beytenu.org.il/> (на иврите)

¹⁹ TANAP – Трансанаатолийский газопровод, который наряду с TAP – Трансадриатическим газопроводом образует энергетический проект «Южный газовый коридор». Газ с азербайджанского месторождения «Шах Дениз» по TANAP пойдет в Европу через Грузию и Турцию, а по TAP — через Грецию, Албанию и Италию.

²⁰ Israel Export Institute. URL: <http://www.export.gov.il/eng/About/About/>

²¹ Израиль и Турция объявили о достижении соглашения между государствами // NEWSru.com. 27.06.2016. URL: <http://www.newsru.com/world/27jun2016/izrturk.html>

Научное издание

Труды Института востоковедения РАН
Выпуск 20

**Политическая трансформация
на мусульманском востоке:
опыт Турции и других стран**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Верстка – Н. В. Макеева

Подписано 09.01.2019
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 11,85.
Тираж 500 экз. Зак. № 375

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5